

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Национальный исследовательский Томский государственный университет»

На правах рукописи

Угрюмова Мария Михайловна

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕБЕНКА
В ГОВОРАХ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ**

10.02.01 – Русский язык

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент Т. Б. Банкова

Томск 2014

Оглавление

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СОЗДАНИЯ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА РЕБЕНКА.....	16
1.1. Лингвокультурологический портрет в современной научной парадигме.....	16
1.2. Ребенок в культуре и языке: об обосновании выбора объекта портретирования.....	36
1.3. Методика создания лингвокультурологического портрета ребенка.....	45
1.3.1. «Детское» в диалектном лексиконе.....	46
1.3.2. Лингвокультурологический комментарий как метод в исследовании «детского» в диалектном лексиконе.....	55
Выводы.....	65
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ РЕБЕНКА В ГОВОРАХ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ.....	67
2.1. Общие (родовые) наименования детей.....	67
2.2. Возраст ребенка в номинативных единицах.....	72
2.3. Ребенок в кругу семьи и рода.....	86
2.3.1. Появление детей в семье.....	90
2.3.2. Отражение семейных отношений в номинациях детей: семейная иерархия.....	93
2.3.3. Семейный статус ребенка: пасынок и падчерица	98
2.3.4. Семейный статус ребенка: сирота.....	102
2.3.5. Семейный статус ребенка: сураз.....	110
2.4. Внешний облик ребенка.....	119
2.5. Языковая и культурная семантика артефактов в сфере «детского».....	123
2.5.1. Семантика детской колыбели: объективации в языке.....	126
2.6. «Детское» в языковой и культурной семантике пищи.....	134
Выводы	140
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	142
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	146
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	148

Введение

Диссертационное исследование посвящено созданию лингвокультурологического портрета *ребенка* на материале говоров Среднего Приобья.

Антропоцентрическая парадигма современной науки обусловила внимание к человеку в ряде гуманитарных и естественных наук. Исследуя разные стороны жизни общества, они обращаются к человеку как объекту изучения. В центре современных научных изысканий – взгляд человека на окружающий мир и самого себя. Это обусловило появление проблемы моделирования картины мира, которая «включает в себя сумму знаний индивида, этноса, социума об объективной действительности» [Герд, 2005: 59]. А.Я. Гуревича определяет модель мира как «сетку координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира, существующий в их сознании [Гуревич, 1972]. В настоящее время в научном знании постулируется возможность и необходимость реконструкции общей картины мира и ее разновидностей – чувственно-пространственной, духовно-культурной, научной, философской, религиозной и т.д.

Лингвистика оперирует понятием языковой картины мира, под которой понимается «коллективная философия», «определенный способ концептуализации мира» [Красных, 2001: 65]. Языковая картина мира «отражает материальный и духовный опыт народа» [Апресян, 1995 а: 57], «воспроизводит из поколения в поколение культурно-национальные установки и традиции народа» [Телия, 1996: 231]. Таким образом, языковая картина мира включает в себя важнейшие элементы человеческого опыта: универсальные категории, базовые понятия, представления об элементах быта и бытия этноса. Ю.Д. Апресян называет языковую картину мира наивной и подчеркивает ее донаучный характер, кроме того указывая, что языковая картина мира более консервативна по сравнению с концептуальной, которая постоянно дополняется и изменяется [Апресян, 1995 а: 58]. Языковая

картина мира способна долго сохранять следы устаревших представлений человека об окружающей действительности. «Благодаря слову, сохранившемуся в лексиконе, язык помнит о том, что в настоящее время перестало быть актуальным» [Хроленко, 2009: 151].

Исследование донаучных представлений о мире, запечатленных в языке, т.е. языковой картины мира активно осуществляется в нескольких направлениях: когнитивная лингвистика, этнолингвистика, социоллингвистика, этнопсихоллингвистика, лингвокультурология и др., каждое из которых имеет собственный объект, понятийный аппарат и инструментарий. Тем не менее, общей задачей перечисленных направлений в конечном итоге является выявление отраженных в языке идей, понятий и представлений, т.е. выстраивание какого-либо фрагмента языковой картины мира.

Настоящее исследование находится в русле *лингвокультурологии*, изучающей единицы языка с точки зрения представленности в них национальной культуры, слово рассматривается лингвокультурологией как «аккумулятор культуры» [Хроленко, 2009: 150].

Лингвокультурологи едины в том, что объектом лингвокультурологии является исследование взаимодействия языка и культуры. Язык предстает как транслятор культурной информации. Но вопрос о том, как осуществляется связь языка с национальной культурой, в какой форме воплощается культурная информация в языковом знаке, решается исследователями по-разному.

В исследованиях, направленных на выявление связи языка и культуры, постулируется наличие семантической периферии слова, связанной с экстралингвистической действительностью, отражающей материальную и духовную культуру народа. Это явление носит название культурного компонента (Ю.Д. Апресян, Е.Л. Березович, С.В. Иванова, С.Г. Фрост и др.), национально-культурной семантики (Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров), национальной специфики семантики (В.В. Морковкин), национально-специфического компонента значения (А.К. Кравченко), культурологической

компоненты (Е.Ю. Николенко), этносемантического компонента (А.М. Кузнецов) и др. Анализ культурного компонента семантики лексических единиц связывается с понятием *культурной коннотации* (Ю.Д. Апресян, И.В. Арнольд, В.В. Воробьев, У. Гохуа, О.В. Загоровская, О.В. Иванищева, В.А. Маслова, И.А. Стернин, В.Н. Телия, Н.И. Толстой и др.). По замечанию С.Г. Фрост, «все более активно используемый лингвокультурологами термин «культурная коннотация» характеризуется крайней диффузностью: спектр мнений варьируется от трактовки культурной коннотации как одного из содержательных типов коннотаций до отождествления ее с культурным компонентом значения» [Фрост, 2006 а: 153]. Отметим, что термины культурная коннотация и культурный компонент значения часто используются как взаимозаменяемые. В настоящей работе придерживаемся взгляда С.Г. Фрост на культурную коннотацию как особый содержательный тип коннотации «с доминированием в иерархии ее конституентов культурного компонента» [там же: 155].

По мнению ряда исследователей (С.Г. Фрост, М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков, В.Н. Телия и др.), культурные коннотации могут быть семантизированы и включены в толкование лексических и фразеологических единиц в словарях антропоцентрической направленности (например, «Русское культурное пространство: лингвокультурологический словарь» (2004), «Большой фразеологический словарь русского языка» (2006), «Телесный код русской культуры: материалы к словарю» (2007) и др.). О.И. Блиновой [1991], Т.Б. Банковой [1998, 2000] были высказаны идеи создания словарей лингвокультурологического типа на диалектном материале.

Стремление взглянуть на установки культуры через слово, попытки описать фрагменты картины мира, «зарегистрировать» знание, устойчиво закрепленное за словом, но относящееся к семантической периферии, привели к созданию ряда работ, выполненных в формате *портрета* (лингвистического, лексикографического, культурно-языкового, ономазиологического, этнолингвистического и др.), находящегося в том же

метафорическом русле, что и картина мира. В понятие *портрет* вкладывается разное содержание: это и способ инвентаризации исследуемых единиц, упорядочивания и структурирования полученной информации, и жанр описания, и исследовательская методика. В настоящее время предложено несколько вариантов лингвистического портрета (Ю.Д. Апресян, Е.Л. Березович, М.Э. Рут, С.В. Первухина, Ю.А. Кривошапова, Е. Бартминьский и др.). В данном диссертационном исследовании предлагается концепция *лингвокультурологического портрета*.

Насущным является и вопрос о методах исследовательской обработки и выявления информации о внеязыковой действительности в языковых фактах, о способах структурирования полученной при анализе информации. По словам А.Т. Хроленко, значимыми для лингвокультурологических исследований оказываются методы концептуального и дискурсного анализа, лексикографического и сопоставительного метода [Хроленко, 2009]. Н.Ф. Алефиренко в качестве методов лингвокультурологии выделяет диахронический, синхронический, структурно-функциональный, историко-генетический, типологический, сравнительно-исторический методы [Алефиренко, 2010: 39]. Называя в качестве методов лингвокультурологии контент-анализ, фреймовый анализ, нарративный анализ, методы полевой этнографии, открытые интервью, метод лингвистической реконструкции культуры и др., В.А. Маслова отмечает, что «данные методы вступают в отношения взаимодополнительности <...>, что позволяет лингвокультурологии исследовать свой сложный объект – взаимодействие языка и культуры» [Маслова, 2001: 34]. Сам термин «лингвокультурология» указывает на интеграцию лингвистических и культурологических методов. Так, ряд исследователей [Иванова, 2004, Телия, 1996, Житникова, 2006, Ковшова, 2012 и др.] выделяет метод *лингвокультурологического комментария* (лингвокультурологической интерпретации), представляющий «попытку [исследователя] вжиться в процесс референции языкового знака к предметной

области культуры и смоделировать его, максимально эксплицируя те процессы, которые происходят в сознании носителя языка» [Ковшова, 2012: 159].

Основной массив лингвокультурологических исследований выполнен на материале литературного языка (Е.М. Верещагин, В.В. Воробьев, О.Н. Иванищева, В.Г. Костомаров и др.), однако появляется все больше работ в лингвокультурологическом ключе, выполненных на диалектном материале (И.Л. Андриевич, Т.Б. Банкова, Е.В. Брысина, Е.Л. Березович, О.И. Блинова, Л.Г. Гынгазова, М.Л. Житникова, Г.В. Калиткина, И.А. Подюков, М.Э. Рут, А.Н. Серебренникова, Н.А. Устинова, Л.И. Шелепова, Е.А. Юрина и др.).

Основанием настоящего исследования стали русские старожильческие говоры Среднего Приобья, изучаемые в рамках Томской диалектологической школы в различных направлениях: теоретико-методологическом, лексикографическом, лексикологическом, мотивологическом, словообразовательном, ономастическом, лингвоисточниковедческом, лингвокультурологическом, когнитивном, метафорологическом, персонологическом (Т.Б. Банкова, Е.В. Бельская, О.И. Блинова, Л.Г. Гынгазова, Т.А. Демешкина, Е.В. Иванцова, Г.В. Калиткина, Н.В. Курикова, З.И. Резанова, А.Н. Серебренникова, Е.А. Юрина и др.). Многоаспектное изучение среднеобских говоров стало фундаментом для разработки лингвокультурологической проблематики на диалектном материале.

Основная направленность исследований в области диалектной лингвокультурологии – это поиск операциональных единиц и анализ сущностных для диалектной общности понятий и представлений. Так, согласно гипотезе Т.Б. Банковой, культуроспецифичной лексикой диалекта является лексика, обслуживающая обрядовый комплекс и приобретающая обрядовое значение [2000]. Г.В. Калиткиной исследуется универсальная категория темпоральности [2010]. Н.В. Смолякова рассматривает диалектные единицы, репрезентирующие крестьянское представление о пространстве [2006]. А.Н. Серебренникова описывает в лингвокультурологическом ключе диалектные лексические единицы с семантикой «свойственности» -

«чуждости» [2004]. В работе Д.А. Таракановой [2012] исследуется символический компонент значения диалектного слова.

Материал исследования – записи живой диалектной речи, представляющие собой «языковой коррелят социокультурной деятельности» (Г.В. Калиткина). Устные коллективные тексты содержат представления диалектоносителей о времени и пространстве, своем и чужом, материальных и духовных ценностях, памяти, знании и др.

Настоящая работа также вписывается в проблемное поле диалектной лингвокультурологии. Единицей исследования является *слово диалектного лексикона*, обладающее культурной коннотацией и транслирующее семантику «детского», репрезентированное в формате лингвокультурологического портрета. Вслед за О.И. Блиновой в диалектном лексиконе вычленим три категории слов: общерусские, диалектно-просторечные и собственно диалектные (областные) единицы [Блинова, 1984: 34], каждая из которых входит в область анализа.

Формат лингвокультурологического портрета по сути является способом описания представлений, свойственных носителям лингвокультурной общности, позволяет определить культурные установки и особенности мировоззрения коллектива, его представления о сущем и идеальном.

Исследование представлений о ребенке, о «детском» обусловлено «восприятием детства в науке как особого рода феномена, изучая который можно увидеть мир «взрослой» культуры» [Белик, 1998]. Так, по мысли Д.А. Баранова, «говоря о партнерстве ребенка в диалоге с взрослым, следует подчеркнуть символический характер его экспликации, то есть «знания», способности, желания, свойства приписываются ему взрослыми, и в этом смысле образ ребенка выступает как зеркало, глядясь в которое, человек познает себя» [Баранов, 2000: 5]. Таким образом, за представлениями о *ребенке*, о его характере, поведении, положении в семье и т.д. выстраиваются мировоззренческие и культурные установки носителей культуры.

Сложный феномен детства является объектом изучения многих наук. В настоящее время данной теме посвящено большое количество этнографических, философских и культурологических работ (Вялова, 1995, Кислов, 2002, Копейкина, 2000, Удалых, 2012 и др.), исследований по фольклористике (Аникин, 1991, Панкеев, 2002 и др.) и народной педагогике (Русские дети, 2005, Волков, 1974 и др.).

В ряде смежных с лингвистикой работ значительное место занимают проблемы детства и взгляда на «детское» в традиционной культуре, например, труды С.М. Толстой [2008 а], А.К. Байбурина [1993, 2005], Т.А. Бернштам [1988], Л.Н. Виноградовой [1995, 1999], Г.И. Кабаковой [1994, 1998, 2001], Н.Е. Мазаловой [2001], И.А. Седаковой [1996, 1997], Т.В. Цивьян [1985, 2009] и др.

Основной массив работ в рамках данной темы посвящен родильно-крестильному комплексу разных локальных традиций на материале славянских языков (работы Т.А. Листовой [2005], Д.А. Баранова [2000], М.М. Валенцовой [2001], Т.Ю. Власкиной [2001], А.К. Байбурина [1997]), однако не ограничивается им. В орбиту исследовательских интересов также попадают народные заговоры для лечения детских болезней [Агапкина, 2006], народная магия, связанная с детьми [Кабакова, 1994, 1998], и др.

Феномен детства исследуется с позиций когнитивной лингвистики, центральной операциональной единицей которой является концепт. Так, на материале русского литературного языка концепт «детство» представлен в работе М.Ю. Лебедевой [2013]; концепту «дитя» посвящено исследование А.Т. Ашхарава [2002]. Представляет интерес для исследователей функционирование данных концептов и в других языках. Сопоставлению концепта «детство» в русской и немецкой лингвокультурах посвящена диссертация И.А. Калюжной [2007], М.А. Косычевой исследуются средства реализации концепта «CHILD» в английском языке [2013]. Сравнение особенностей вербализации понятия «*CHILD/РЕБЕНОК» проведено в исследовании А.Л. Кряжевой [2009].

Результаты исследования «детской» темы на диалектном материале отражены в работах Т.Н. Бунчук [2008], М.В. Костромичёвой [2005], Н.П. Федосеевой и И.А. Подюкова [2006], А.Б. Коконовой [2011], Ю.В. Зверевой [2011, 2013], Т.А. Литвиновой [2007], Ю.В. Седойкиной [2010] и др.

Актуальность диссертационного исследования определяется следующим:

1) лингвокультурологический аспект исследования включает данную работу в проблемное поле современной лингвистики, изучающей языковую картину мира и способы воплощения культуры в языковом знаке;

2) настоящее исследование продолжает традиции лингвокультурологического направления Томской диалектологической школы, вносит вклад в развитие диалектной лингвокультурологии;

3) вопрос о специфике различных форматов лингвокультурологического описания диктует необходимость разработки пошаговой методики лингвокультурологического портретирования;

4) область «детского» в качестве объекта описания входит в круг исследований сущностных в народной культуре сфер. Представления о *ребенке*, репрезентированные в семантике единиц диалектного лексикона, относятся к важнейшим составляющим мировоззрения носителей традиционной культуры.

Объект исследования – лексические единицы говоров Среднего Приобья, содержащие компонент значения ‘ребенок’ (‘дети’), ‘детское’.

Предмет исследования – культурные коннотации лексических единиц с компонентом значения ‘ребенок’ (‘дети’), ‘детское’, которые становятся основанием для создания лингвокультурологического портрета *ребенка*.

Цель исследования – создание лингвокультурологического портрета *ребенка* на материале лексических единиц говоров Среднего Приобья.

В соответствии с поставленной целью в работе решаются следующие **задачи**:

1. Определить пошаговую методику создания лингвокультурологического портрета.

2. Установить критерии отбора и состав лексических единиц, репрезентирующих представления о *ребенке* в говорах Среднего Приобья; определить портретообразующие параметры.

3. Разработать принципы лингвокультурологического описания отобранных лексических единиц.

4. Эксплицировать культурный компонент значения посредством лингвокультурологического комментария к лексическим единицам, репрезентирующим представления о *ребенке*.

5. Выявить систему представлений о *ребенке*, объективированную в совокупности единиц диалектного лексикона, представив её в формате лингвокультурологического портрета.

Исследование выполнено на **материале** говоров Среднего Приобья. В качестве **источников** использованы:

1) материалы, собранные автором в диалектологической экспедиции филологического факультета Томского государственного университета на территории старожильческих сел Томской области (с. Парабель, с. Нарым) в 2012 г. (60 часов аудиозаписи);

2) материалы картотек и текстового архива, хранящиеся в Лаборатории общей и сибирской лексикографии филологического факультета Томского государственного университета. Для данной работы были привлечены: картотека «Вершининского словаря», картотека «Полного словаря диалектной языковой личности», а также материалы диалектологических экспедиций филологического факультета Томского государственного университета (1946-2012 гг.);

3) опубликованные томские диалектные словари (далее ТДС): «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби» (СРСГ) (1964-1967), «Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение)» (СРСГД) (1975), «Мотивационный диалектный словарь» (МДС) (1982-1983), «Среднеобский словарь (Дополнение)» (СС) (1983-1986), «Полный словарь сибирского говора»

(ПССГ) (1992-1995), «Вершининский словарь» (ВС) (1998-2002), «Словарь образных слов и выражений народного говора» (СОС) (2001), «Полный словарь диалектной языковой личности» (ПСЯЛ) (2006-2012), а также «Фразеологический словарь русских говоров Сибири» (ФС) (1983).

Материал диссертационного исследования собран путём сплошной выборки из перечисленных выше источников. Корпус анализируемых лексических единиц включает в себя общерусские, диалектные варианты общерусских, диалектно-просторечные и собственно диалектные слова. Материал насчитывает более 1700 контекстов, являющихся словесной репрезентацией представлений о *ребенке*.

Основными **методами** исследования является описательный, реализуемый в приемах сплошной выборки, интерпретации, классификации, систематизации материала; метод лингвокультурологического комментария; используются приемы дефиниционного, контекстного анализа.

Научная новизна.

Впервые на материале русских старожильческих говоров Среднего Приобья проведено исследование народных представлений о *ребенке*, репрезентированное в формате лингвокультурологического портрета.

1. Представлена методика лингвокультурологического портретирования, включающая следующие этапы: отбор, классификация единиц, задающая портретообразующие параметры, лингвокультурологический комментарий к отобранным единицам с целью выявления представлений о портретируемом явлении.

2. Дан лингвокультурологический комментарий к лексическим единицам с компонентом значения 'ребенок' ('дети'), 'детское', что расширяет сложившуюся практику лингвокультурологического анализа.

3. В научный оборот введен лексический фонд говоров Среднего Приобья, ранее не исследуемый в аспекте выявления культурных представлений о *ребенке*.

Научно-теоретическая значимость определяется разработанной и апробированной методикой лингвокультурологического анализа диалектных единиц с компонентом значения 'ребенок' ('дети'), 'детское'.

Установление принципов создания лингвокультурологического портрета, его параметров и этапов построения вносят вклад в разработку понятийного аппарата лингвокультурологии как научной дисциплины и могут быть использованы при анализе других языковых единиц в лингвокультурологическом аспекте.

Исследование лексических единиц с компонентом значения 'ребенок' ('дети'), 'детское' вносит вклад в изучение лексического фонда среднеобских говоров и культуры их носителей.

Практическая значимость заключается в возможности использования полученных результатов в научно-учебной сфере: 1) в лексикографической практике при составлении различных видов лингвокультурологических словарей (для словарного описания культурного компонента значения как общерусских, так и диалектных лексических единиц), 2) в преподавании специальных дисциплин и при чтении спецкурсов по диалектологии, лексикологии, диалектной лингвокультурологии, этнолингвистике.

Положения, выносимые на защиту:

1) Создание лингвокультурологического портрета *ребенка* позволяет выявить совокупность представлений о нем, сформировав его эталонный образ.

2) Лингвокультурологический портрет *ребенка* задается рядом параметров, релевантных для объекта портретирования: возрастная стратификация детей, семейный статус ребенка, его внешний облик, семантика «детских» артефактов и пищи.

3) Выявление культурной коннотации лексических единиц, репрезентирующих представления о *ребенке*, требует использования разных видов анализа (дефиниционного, контекстного, этимологического), которые определяются характером портретообразующего параметра.

4) Экспликацию системы представлений о *ребенке* можно представить как процесс лингвокультурологического комментария к репрезентирующим их единицам.

Апробация работы. Основные положения диссертации были представлены и обсуждались на международных и отечественных научных конференциях: VIII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Коммуникативные аспекты языка и культуры» (Томск, 2008 г.), IX, X, XI, XII Международной научно-практической конференции студентов и молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения» (Томск, 2008-2011 гг.), XLVII Международной научной студенческой конференции «Студент и научно-технический прогресс» (Новосибирск, 2009 г.), IV (XXXIV) Международной научно-практической конференции «Образование, наука, инновации – вклад молодых исследователей» (Кемерово, 2009 г.), XI, XII Всероссийской научно-практической конференции «Язык и мировая культура: взгляд молодых исследователей» (Томск, 2011-2012 гг.), Международном молодежном научном форуме «Ломоносов» (Москва, 2012 г.), Всероссийской молодежной конференции «Традиции и инновации в филологии XXI века: взгляд молодых ученых» (Томск, 2012 г.), Всероссийской научной конференции молодых учёных «Наука. Технологии. Инновации» (Новосибирск, 2013 г.). По теме диссертации опубликовано 17 работ, в том числе 3 в журналах, входящих в перечень российских рецензируемых научных журналов и изданий.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованных источников и литературы.

Во **Введении** обосновывается выбор и актуальность темы исследования, формулируются цели и задачи работы, выделяется объект и предмет изучения, характеризуются материал и методы его исследования, определяется научная новизна, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В первой главе определяются теоретические основания исследования. Рассматриваются данные современных этнографических, философских, культурологических, лингвистических работ, посвященных образу человека в языке и представлениям о *ребенке* в традиционной культуре. Проводится обзор исследований, посвященных лингвистическому портрету, устанавливаются принципы создания лингвокультурологического портрета, уточняется терминологический аппарат исследования. Определяется состав исследуемых единиц. Описывается метод лингвокультурологического комментария.

Вторая глава представляет практическую часть исследования: создание лингвокультурологического портрета ребенка на основе анализа лексики с компонентом значения 'ребенок' ('дети'), 'детское'. Анализируются общие наименования детей, возрастные маркеры, лексика, обозначающая положение детей в семейной иерархии и семейные «аномалии». Рассматриваются единицы, называющие внешний облик ребенка. Исследуется семантика «детских» артефактов и пищи.

В Заключении подводятся итоги исследования, намечаются перспективы дальнейшей работы.

Глава 1. Теоретические предпосылки создания лингвокультурологического портрета *ребенка*

1.1. Лингвокультурологический портрет в современной научной парадигме

Описание культурной информации, содержащейся в языковых единицах, опирается на методологические установки различных областей гуманитарного знания.

В гуманитарных науках при исследовании взаимоотношений человека с окружающей действительностью используется ставшее уже основополагающим понятие *картина мира*, которое «рассматривается как компонент его (человека) мировидения, является результатом общечеловеческого и индивидуального знания о мире» [Алефиренко, 2010: 130]. Наряду с понятием *картина мира* используются понятия *модель мира* и *образ мира*. Модель мира «понимается как «сетка координат», при посредстве которых люди воспринимают действительность и строят образ мира в своем сознании. «Образ мира – это целостное единство взаимосвязанных образов действительности, отображающих в этнокультурном сознании определенное восприятие мира. Этнокультурный образ мира обуславливается особой матрицей, сеткой координат, сквозь которую народ воспринимает и интерпретирует окружающую его действительность» [Алефиренко, 2010: 131]. Таким образом, в гуманитарных исследованиях функционируют «конкурирующие» термины *картина мира* – *модель мира* – *образ мира*, которые зачастую определяются друг через друга: «Картина – это модель, образ, интерпретация того, что, с одной стороны, внеположено миру и человеку, а с другой стороны, особым образом их включает. Это образ мира, объективно пребывающего и в разной степени

«переносимого» субъектом в содержание картины. Образ, создаваемый человеком в картине, – это образ, в котором отражен не только (и в ряде случаев не столько) объект отражения – мир, сколько сам человек, создатель образа» [Резанова, Мишанкина, 2003: 37]. Не останавливаясь подробно на разграничении этих терминов, отметим их общие составляющие: человек воспринимает и интерпретирует окружающую его действительность через некую «сетку координат», которая включает и самого человека, создавая в собственном сознании некоторую модель воспринятого. Значимо и то, что отдельные исследователи не акцентируют внимание на разграничении приведенных понятий.

Высказанные предварительные замечания касаются и ключевых терминов лингвистики: *языковая картина мира*, *языковая модель мира* и *языковой образ мира*, которые в ряде случаев также используются в качестве синонимичных и взаимозаменяемых. В настоящем исследовании используется термин *языковая картина мира*.

Языковая картина мира – термин с яркой, живой метафорической формой. Можно утверждать, что этот термин появился в результате потребности ответа на вопрос о способах лингвистического истолкования материала как репрезентанта тех или иных представлений носителя языка о действительности. Языковая картина мира – это картина мира, формируемая средствами естественного языка как определенного типа семиотических систем, в фокусе исследования находится «говорящий человек», носитель языка, который из всего языкового арсенала избирает средства создания образа¹. Данный термин имеет универсальный характер, однако широкие

---

¹ Отметим регулярно возникающую корреляцию понятий 'картина' и 'образ'. Выявляя важнейшие свойства понятия *картина*, Н.Ф. Алефиренко обращается к данным словарей: «Картина» в словаре С.И. Ожегова означает 'то, что можно видеть, обозревать или представлять в **языковых образах**', а также 'вид, состояние, положение чего-нибудь'. Большой толковый словарь русского языка (БТСР) дополняет первое из представленных здесь значений: 'яркое и выразительное словесное изображение чего-нибудь'. При этом изображение толкуется через **образ**, а образ определяется как 'воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира'» [Алефиренко, 2010: 134]. Таким образом, можно сделать вывод об объемности понятия 'образ', в силу чего его часто используют в качестве синонима к понятиям картина, модель, представление и др.

возможности трактовки этого термина приводят к его критике рядом ученых. «Образность данного определения, с одной стороны, делает его весьма удобным для обозначения любой внеязыковой информации, полученной из языковых фактов, с другой стороны, лишает его терминологической определенности, а следовательно, и результирующей силы» [Березович, Рут, 2000]. Это приводит к скованности лингвистов при оперировании этим понятием в строгом терминологическом смысле и в результате придания ему метафорического характера. Попытки ученых конкретизировать данный термин привели к созданию понятия *фрагмента языковой картины мира*, предполагающего репрезентацию тех или иных элементов общей картины.

В поисках структурированной формы представления языковых фактов ученые создали ряд способов лингвистического описания, которое заключается в планомерной и систематической инвентаризации единиц языка и объяснении особенностей их строения и функционирования.

В настоящее время единицей большинства лингвокультурологических исследований стал *концепт*, являющийся базовым понятием когнитивной лингвистики (работы О.В. Беловой, С.Г. Воркачева, Е.В. Добровольской, Л.С. Зинковской, Е.Е. Каштановой, С.А. Кошарной, Г.Г. Слышкина, Г.В. Токарева, Н.Л. Чулкиной, Л.Ю. Семейн, И.А. Тарасовой и др.). «Концепт – это ментальная макроединица, которая структурируется представлениями, научными и обыденными понятиями, культурными установками, идеологемами, стереотипами и структурируется в виде гештальта, фрейма, сценария» [Токарев, 2003: 40-43]. Общепризнанным является выделение двух подходов к пониманию концепта: когнитивного и лингвокультурологического [Токарев, 2003]. В большинстве случаев лингвокультурология использует типологию концептов когнитивной лингвистики, где в зависимости от содержания выделяются следующие виды концептов: представление, схема, понятие, фрейм, сценарий (скрипт), гештальт. Несмотря на активную критику концепта в силу многозначности

данного термина, концепт и его разновидности остаются основными единицами в лингвокультурологических исследованиях.

Многообразие культурных смыслов, входящих в концепт и его разновидности, отражено в том факте, что определение концепта трактуется весьма широко и метафорически: это и «многомерный сгусток смысла», и «смысловой квант бытия», и «ген культуры», «и сгусток культуры в сознании человека». Такого рода определения свидетельствуют о том, что концепт включает в себя самые разнообразные виды информации. «Многоликость концепта» является его уязвимым местом.

Относительно новым способом лингвистического описания стал *лингвистический портрет*, лежащий в русле того же образного ряда, что и языковая картина мира. Использование термина «портрет» закреплено в парадигме современных гуманитарных наук (психология, социология, литературоведение, лингвистика, история, ряд смежных дисциплин), как правило, этот термин используется в двух значениях: 1) жанр, 2) исследовательская методика, прием обобщения. По замечанию исследователей, «само слово *портрет* терминологически небезупречно в силу заложенной в нем образности и некоторой семантической размытости: любое описание, характеризующееся достаточной степенью полноты, можно назвать портретом» [Кривошапова, 2007: 119]. Собственно лингвистический портрет имеет значительное число разновидностей в зависимости от вида языковой информации, лежащей в основе создания «картины», а также характера «портретируемого» явления: языковой портрет (Е.Л. Березович, П.Б. Царьков, Е.В. Ширина и др.), речевой портрет (Ю.С. Алышева, О.И. Асташова, А.С. Гафарова, А.В. Косивцова, М.А. Куроедова, С.В. Леорда, С.В. Мамаева, М.В. Пьянова, С.А. Свистельникова и др.), фонетический портрет (М.В. Панов), текстовый портрет (М.В. Карнаухова), дискурсивный портрет (А.Г. Баранов), ассоциативный портрет (М.Р. Бедретдинова), лексикографический портрет (Ю.Д. Апресян), ономаσιологический портрет

(Е.Л. Березович, М.Э. Рут), культурно-языковой портрет (Е.Л. Березович), семантический портрет (С.В. Первухина), этнолингвистический портрет (Ю.А. Кривошапова), лингвофольклористический портрет (И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер), лингвокультурологический портрет (Е.В. Устьянцева, К.Р. Ваганова, И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер), социоллингвистический портрет (Т.М. Николаева) и др.

Остановимся на тех видах лингвистического портрета, которые имеют отношение к тематике исследования, т.е. составление которых является методом систематизации языкового материала в целях получения информации об особенностях менталитета носителей языка.

Понятие лингвистического портрета было введено в отечественное языкознание Ю.Д. Апресяном. Ученый говорит о двух направлениях в исследовании наивной (языковой) картины мира. Во-первых, это исследование отдельных концептов, во-вторых, «поиск и реконструкция присущего языку цельного, хотя и «наивного» взгляда на мир» [Апресян, 1995 б: 350].

Отражение воплощенной в конкретном языке наивной картины мира посредством анализа и интегрального описания слов является задачей системной лексикографии. Материальным воплощением этой идеи становится создание **лексикографического портрета** той или иной **лексемы** (не реалии). «Под лексикографическим портретом лексемы понимается ее словарная статья, выполненная в рамках единого, или интегрального, описания языка... Лексикографический портрет – по возможности исчерпывающая характеристика всех лингвистически существенных свойств лексемы, выполненная в рамках интегрального описания языка. Микромир лексемы должен быть представлен в словаре с учетом всех тех связей и взаимодействий, которые определяют ее жизнь в языке и ее поведение в составе высказывания» [там же: 351]. Таким образом, портрет как инструмент лингвистического описания относится к определенной лексеме, а

не реалии или системе представлений. «Такое использование термина *портрет* вписывается в круг алгоритмов систематизации языкового (в том числе текстового) материала в целях получения информации об особенностях менталитета носителей языка. <...> Источники подобных систематизаций очень широки: ими становятся синонимы и их дериваты, словообразовательные гнезда, реконструированные в том числе и по этимологическим параметрам, клишированные сочетания слов (речевые штампы, фразеологизмы и малые фольклорные жанры: пословицы, поговорки, загадки), наблюдения за онимизацией апеллятивов, за сочетаемостью в рамках художественных текстов и т.п. Эта широта одновременно и многообещающая, и опасна: обилие разнородных источников дает богатую, но пеструю информацию, плохо поддающуюся структурированию» [Березович, Рут, 2000: 21].

По мнению Е.Л. Березович, залогом такого структурирования видится ограничение сектора отбора материала: в зону исследования попадают номинативные модели – факты воплощения знания об объекте действительности во внутренней форме. «Ценность этого источника концептуальной информации определяется тем, что заложенный в названии признак отражает такое знание об объекте, которое «срослось» с языковой формой, а потому доступно для всех носителей языка. Сам факт наличия номинативной единицы в узусе ограждает от использования для получения этнокультурной информации разовых, индивидуально окрашенных словоупотреблений» [Березович, 2007: 116]. Построенный именно на таких данных портрет может быть назван **ономасиологическим**.

Еще одним видом портрета, предложенного этим же исследователем, является **культурно-языковой портрет**, выполненный на основе данных естественного языка и языка культуры и являющийся жанром этнолингвистического описания.

Единицей портрета служит смысловозначительный (мотивационный) признак реалии, отражающийся в первичных наименованиях реалии, в системе дериватов на основе такого наименования (т.е. в фактах «левой» и «правой» мотивации), в парадигме значений многозначных слов, в закономерностях узуальной сочетаемости.

Базовым положением этнолингвистики является возможность реконструкции традиционной символической картины мира посредством данных различных кодов (языка, фольклора, обряда, изобразительного искусства), что не исключает различий между кодами в отборе транслируемой ими этнокультурной информации. Поэтому, по замечанию исследователя, «очень значимо сопоставление культурной и языковой составляющей портретов, которое обнаруживает, с одной стороны, сквозные мотивы, которые представлены одновременно в нескольких кодах. С другой стороны, существуют мотивы, явно представленные в фольклорном тексте или в обряде, но не нашедшие отражения в языке» [Березович, 2004 [Электр. рес.] URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_berezovich1.htm].

Методика **этнолингвистического портретирования** основана на семантико-мотивационном анализе лексического материала, который рассматривается на широком культурном фоне [Кривошапова, 2007]. Данная методика позволяет выявить основные черты культурно-языкового образа конкретного персонажа по данным языка и внеязыковой культурной традиции. Этнолингвистическое портретирование, являясь способом реконструкции языковой картины мира, направлено на выявление народных представлений о мире, сформировавшихся в сознании определенного культурного сообщества и проявляющих себя в языковом пространстве.

Источником «портретной» информации являются мотивационные отношения, однако зачастую невозможно выделить мотивационный признак без учета экстралингвистических факторов, что требует обращения к экстраязыковым сущностям – ментальным образам, мифологическим

представлениям, ритуальной сфере или практическому опыту (к так называемому «языку культуры»).

Также для настоящего исследования значимой является идея семантического портрета [Первухина, 2003]. Под **семантическим портретом** персонажа в каком-либо тексте понимается структура, составленная из мельчайших единиц метаязыка – сем или семантических признаков, – которые входят в разноуровневые номинации этого персонажа в определенном тексте и которые упорядочены в этой структуре по тематическому признаку [Первухина, 2003: 7]. Другими словами, в интересах исследования возможно каждую из номинаций персонажа разложить на семы, и вместо списка номинаций получить список сем, составляющих значение этой номинации. Полученный инвентарь сем поддается инвентаризации и систематизации. Один из способов систематизировать семы – это создать семантический портрет, который представляет собой некую структуру, состоящую из групп сем, объединенных по тематическому принципу [там же: 72-73]. Семантический портрет принадлежит тексту и относится к лингвистике текста и семантике [там же: 79].

Е. Бартминьскому принадлежит идея создания речемыслительного **«портрета предмета сознания»** (или «портрета понятия (представления) о предмете»), который учитывает совокупность всех признаков, релевантных для функционирования предмета или его наименования в культуре и в языке. «В процессе создания такого «портрета», когда прорисовываются отдельные фрагменты (элементы) образа предмета, происходит лингвокогнитивный отбор и интерпретация отдельно культурно значимых смыслов (по происхождению, качеству, внешнему виду, функциям, переживаниям) и их знаковое кодирование в виде сем семантической структуры слова (фразеологизма). Таким образом, создание речевого портрета того или иного предмета является средством организации минимальных смысловых

элементов внутри языкового значения» [цит. по Алефиренко, 2010: 40].
Отобранные таким образом признаки Е. Бартминьский называет профилем.

Подводя итог сказанному, необходимо отметить, что:

1) портрет является как жанром лингвистического описания, так и исследовательской методикой;

2) портрет стремится к полноте, исчерпанности, предельной подробности описания исследуемого явления, которые обеспечиваются тем, что его структурными составляющими являются минимальные смысловые единицы, а также стремлением к максимально возможному охвату материала;

3) построение лингвистического портрета происходит на базе разного рода языковой информации, в зависимости от характера портретируемого объекта. К такого рода информации относятся внутренняя форма слова, мотивационные связи, дериваты (факты «левой» и «правой» мотивации), парадигма значений многозначных слов, узусальная сочетаемость, семы и семантические признаки. В отдельных случаях происходит обращение к экстралингвистическим фактам;

4) техникой создания портрета является выявление мотивационных отношений (в случае «темных» мест – обращение к экстраязыковым сущностям), разложение исследуемых единиц на семантические составляющие, выявление минимальных смысловых элементов.

В данном исследовании предлагается идея лингвокультурологического портрета, который по принципам своего создания ближе всего к портрету ономаσιологическому, однако отличается от него по источнику информации. Ономаσιологический портрет извлекает культурную информацию из внутренней формы слова. Подобный способ ограничения отбора материала, безусловно, ведет к объективации полученной культурной информации, однако в то же время служит неким барьером для создания полной картины представлений об описываемой реальности. Внутренняя форма слова

представляется содержательным, но не достаточным источником культурных смыслов. Описание всей совокупности представлений об исследуемом объекте – задача **лингвокультурологического портрета**.

Термин «лингвокультурологический портрет» был использован в ряде лингвистических работ, однако единого, общепризнанного определения этого термина не существует, каждый исследователь вкладывает в этот термин свое содержание. Так, например, Е.В. Устьянцева использует данный термин по отношению к определенной лексеме, сближая тем самым понятия лексикографического (так, как его понимает Ю.Д. Апресян) и лингвокультурологического портрета: «термином «лингвокультурологический портрет» обозначим такое описание *слова*, при котором исследуется информация, хранящаяся в паремиологическом фонде языка и существующая в современном дискурсе русскоговорящих»; «лексикографический портрет – это такое описание *слова*, при котором исследуются семантика, сочетаемость, фразеологические, стилистические, прагматические, коммуникативные и другие свойства каждого лексического значения данного слова» [Устьянцева, 2008]. Оба термина и соответствующие методики применены в рамках одного исследования при «портретировании» слова *хлеб*.

Иной смысл в понятие лингвокультурологического портрета вкладывает К.Р. Ваганова [2011], моделируя на материале омских деловых документов лингвокультурологический портрет беглых ссыльнокаторжных. В ходе исследования выделяются основные макро- и микрокомпоненты системы описания данных образов. Под лингвокультурологическим портретом понимается «текст статейного списка, состоящий из двух частей: вопросно-каузативной (собственно, сам шаблон описания) и ответно-описательной (то есть, лингвокультурологический портрет)», предполагающий «не только словесное описание внешности беглого ссыльнокаторжного, но и характеристику его политических и социальных статусов» [Ваганова, 2011:

304]. Таким образом, под лингвокультурологическим портретом понимается не исследовательская методика и не жанр лингвистического описания, используемый термин наиболее близок к понятию словесного портрета в криминалистическом понимании этого слова².

В работах И.В. Тубаловой [2006] и Ю.А. Эмер [2006 а, 2006 б] используется термин «лингвокультурологический портрет деревни (отдельного населенного пункта)». В основе создания такого рода портрета лежит система культурно значимых текстов, к которым авторы относят прежде всего «эстетически обработанные тексты». В основе эстетически обработанного текста – только устоявшиеся, наиболее значимые для данного коллектива представления об окружающем мире, «сгустки» народного опыта, и это определяет высокий уровень культурологической нагрузки [Тубалова, Эмер, 2006: 395]. В разряд эстетически обработанных текстов попадают прежде всего тексты фольклорных произведений, в связи с этим «представляется возможным определить границы анализируемого описания как «лингвофольклористический» портрет» [там же: 396]. Лингвокультурологический портрет сибирской деревни представляется как синтетический корпус текстов различных национальных культур, функционирующий в условиях сосуществования.

Таким образом, употребление термина «лингвокультурологический портрет» является не единообразным, зависит от целей каждого конкретного исследования. Общим основанием употребления данного термина является стремление указать на широту, всеохватность описания изучаемого слова или понятия и подчеркнуть наличие культурной составляющей в исследуемом явлении.

В настоящей работе под **лингвокультурологическим портретом** понимается исследовательский конструкт, построенный на анализе языковых

---

² **Словесный портрет**, в криминалистике метод описания наружности человека с целью его идентификации по признакам внешности. Специально разработанная единая терминология словесного портрета основана на данных анатомии и антропологии [<http://slovari.yandex.ru>].

фактов, интерпретированных с позиций культуры, эксплицирующий жизненные представления, этические нормы и ценностные установки носителей лингвокультурной общности.

Источником информации при создании лингвокультурологического портрета являются культурные коннотации лексических единиц, репрезентирующих объект портретирования. Процесс создания лингвокультурологического портрета (лингвокультурологическое портретирование) включает в себя этапы отбора единиц, составляющих портрет, их классификацию и лингвокультурологический комментарий к отобранным единицам, позволяющий эксплицировать их культурную семантику (см. параграф 1.3.2). Возникает вопрос о способах экспликации культурной коннотации и средствах ее формального выражения.

Относительно того, какие языковые единицы содержат в себе культурную информацию, нет единства. Как правило, не вызывает сомнений культуроспецифичность единиц лексического уровня языка (А. Вежбицкая, В.В. Воробьев, В.А. Маслова и др.). В то же время часть исследователей указывает на культурную маркированность единиц всех уровней языка (С.В. Иванова, Л.Ю. Семейн, И.А. Тарасова и др.). Необходимо признать, что наиболее изученным в плане репрезентации культурной информации остается лексический уровень языковой системы. Анализ же единиц фонетического, морфологического, синтаксического уровней носит вспомогательный характер при исследовании лексических явлений. Тем не менее, лингвистами осознается потенциал названных уровней языковой системы. Например, А. Мартине указывает на то, что «грамматика скрывает в себе механизм членения, познания действительности. Она являет собой алгоритм представления действительности. <...> Она наравне с фонетической системой наименее подвержена влияниям извне. Соответственно, в ней наиболее ярко и в наиболее чистом виде должен предстать «дух народа», ибо грамматика, и в особенности морфологическая

основа языка, остается чуждой внешним влияниям» [цит. по Иванова, 2003: 109-110]. Р.Н. Порядина [2002], А.Н. Серебренникова [2004] рассматривают единицы морфологического уровня языка в качестве способа привнесения в семантическое содержание слова семантики «свойственности» - «чуждости». Л.Н. Чумак исследует реализацию культурного компонента значения на синтаксическом уровне. Она говорит о том, что расшифровка способов мышления, закодированных в синтаксических конструкциях, дает возможность проникнуть в сущность языковой философии. По мнению исследователя, синтаксические модели не только фиксируют разносторонние отношения объективной действительности, но и отражают специфику видения их некой лингвокультурной общностью [Чумак, 2000]. Таким образом, можно констатировать, что источником культурной информации при создании лингвокультурологического портрета являются единицы всех уровней языка, ведущим из которых является лексический.

Единица исследования данной работы – слово диалектного лексикона, обладающее культурной коннотацией. Вслед за В.Н. Телия, средством трансляции культурной информации считаем *культурную коннотацию* и понимаем под ней интерпретацию денотативного или квазиденотативного аспектов значения в категориях культуры. «Под коннотацией в целом нами понимается любой прагматически ориентированный компонент плана содержания языковых сущностей (морфем, слов, фразеологизмов и отрезков текста), который дополняет денотативное и грамматическое их содержание на основе сведений, соотносимых с прагматическими факторами разного рода: с ассоциативно-фоновым (эмпирическим, культурно-историческим, мировоззренческим и т.п.) знанием говорящих на данном языке о свойствах или проявлениях обозначаемой реалии либо ситуации, с рационально-оценочным или эмоционально-оценочным (эмотивным) отношением говорящего к обозначаемому, со стилистическими регистрами, характеризующими условия речи или сферу языковой деятельности,

социальные отношения между участниками речи, ее формы и т.п.» [Телия, 1996: 107]. По мнению исследователя, культурная коннотация выполняет роль медиатора между языковым и культурным кодами, т.е. соединяет «тело знака» с концептами, стереотипами, эталонами, символами, мифологемами и другими освоенными человеком знаками культуры.

Объект лингвокультурологического портретирования позволяет исследователю, интерпретатору взглянуть на культуру под определенным углом, составить суждение о ней через рассмотрение функционирования базовых концептов, понятий, представлений. Анализ лексической сочетаемости термина *портрет* показал широкие возможности выбора объекта портретирования. Так, в настоящий момент созданы портреты *сибирской деревни* (И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер), *насекомых* (*блохи, таракана, вши* и др.) (Ю.А. Кривошапова), *репы* (Е.Л. Березович), *цыгана* (Д.П. Гулик), *чужака* (Е.Л. Березович), *хлеба* (В.Е. Устьянцева), *Иисуса Христа* (С.В. Первухина) и др. Кроме того, объект портретирования может быть выражен максимально абстрактной сущностью, например, портрет *реалии* (Е.Л. Березович), *предмета* (Е. Бартминский), *лексемы* (Ю.Д. Апресян). Столь широкие смысловые потенции термина *портрет* объясняются методологически разными подходами и, соответственно, разной терминологической наполненностью. В настоящем исследовании термин *портрет* отчасти соотносится с исходным значением этого слова: портретом является изображение или описание человека. В работе предложена концепция **лингвокультурологического портрета ребенка** в говорах Среднего Приобья (об обосновании выбора объекта лингвокультурологического портретирования см. в параграфе 1.2).

Лингвокультурологический портрет *ребенка* создается в результате экспликации культурных коннотаций лексических единиц с компонентом значения 'ребенок' ('дети'), 'детское', репрезентирующих представления о ребенке в традиционной культуре.

В актах речевой актуализации представлений о *ребенке* (бытовые тексты диалектоносителей) в зону рефлексии говорящих попадают определенные моменты его жизни. Концентрация внимания на тех или иных деталях, актуализируемых в диалектном дискурсе, свидетельствует о важности таковых для традиционной культуры. Вычленение из потока впечатлений наиболее важных в соответствии с определенными качествами и функциями свидетельствует об их онтологической значимости. Характеризуя жизнь ребенка, носитель традиционной культуры опосредованно вычленяет основные (релевантные) признаки, которые являются наиболее значимыми, и второстепенные, наличие которых является либо непостоянным, либо варьируется. В связи с этим возникает вопрос о том, какие сферы жизни ребенка входят в сферу представлений диалектоносителя и вызывают наибольший отклик в народной культуре, следствием чего является их экспликация в языке. Так, наибольшее число реализаций характеризует семейный статус ребенка (*пасынок, падчерица, приплеть, сирота, сураз* и др.), его внешность и физические параметры (*бутуз, заскрёбок, дуботол* и др.), положение ребенка в семейной иерархии (*первачок, последыш, нянька, большак, большуха* и др.), возраст (*кувя, подросток* и др.). Также в диалектном дискурсе актуализируются детские игры (*огоньки, прятки, чижики* и др.), болезни (*золотуха, уроки, молоденска* и др.), детская одежда (*ползунки, шептунки, пеленишник* и др.), «детская» утварь (*зыбка, коляска, пикулька* и др.) и т.д. Релевантные для создания лингвокультурологического портрета признаки назовем портретообразующими параметрами, попутно заметив, что их состав зависит от объекта портретирования.

Диалектная языковая картина мира, репрезентирующая представление о ребенке, являет собой особую форму интерпретации действительности. В рамках некоторых из аспектов лингвокультурологического описания ребенка может быть представлен соответствующий эталон, который можно реконструировать исходя из языковых фактов. Так, эталонной моделью

семейных отношений является наличие обоих родителей, являющихся родными для ребенка. Отступление от этого «правила» порождает реакцию языка: *пасынок, падчерица, мачеха, отчим, сирота, приплеть*. Таким образом, фиксируя отступление от нормы, язык создает «идеальную», эталонную модель действительности. На смену фиксации тех или иных черт объекта приходит интерпретация, носитель языка отражает свое впечатление от реалии. Здесь проявляется определенный стереотип, фиксируется эталон в этической и эстетической картине мира. Сравнение с эталоном является инструментом оценивания социальных, культурных и иных фактов жизнедеятельности. Тем более это характерно для традиционного общества, одним из признаков которого является приверженность сложившимся образцам поведения, что является залогом его устойчивости. «Всякое общество, заботясь о своей целостности и единстве, вырабатывает систему социальных кодов (программ поведения), предписываемых его членам» [Байбурин, 1985: 7]. Следование определенным образцам поведения обеспечивает устойчивость общества не только в синхронном срезе, но и во временном пласте. «Каждое общество в процессе взаимодействия с внешней средой накапливает определенный опыт. Этот опыт является фундаментом, на котором зиждется самая возможность существования коллектива во времени. Естественно, коллектив заинтересован в хранении, накоплении и передаче этого опыта следующим поколениям» [там же: 8]. Хранение, передача и аккумуляция этой информации предполагает ее упорядочение и отбор наиболее значимых фрагментов. «Коллективная память» имеет свои пределы, она не может включать весь опыт. Стереотипизация ориентирована на отбор наиболее значимой информации, организованной и структурированной определенным образом. Важно разграничивать понятия *стереотип* и *эталон*. Понятие эталона содержит в себе оценочные смыслы: это некая «идеальная» модель, в соответствии с которой любой факт может быть оценен как «правильный» или «неправильный», «хороший» или

«плохой». С понятием эталона коррелирует отступление от него. Более того, эталон может существовать только на фоне отступлений от него, иначе это понятие лишается смысла. Эталон относится к сфере идеального, его полное торжество невозможно. *Стереотип* же амбивалентен: он выражает не только эталон, норму, но и их нарушение, другими словами, отступление от идеальной модели тоже имеет свои стандарты [там же: 10].

Создание лингвокультурологического портрета предполагает интерпретацию изображаемого объекта, что связано с его соотношением с эталоном и стереотипом. Метод сравнения, поиск образца, эталона выступает главным методом изучения всех видов сознания. Эталонность, ориентация субъекта на определенные стереотипы – это общий структурный принцип, объединяющий процессы восприятия, познания и языковую картину мира [Лакофф, 1981: 368]. Таким образом, лингвокультурологический портрет включает корреляцию описываемого объекта с его идеальной моделью, с представлением о «правильном», «должном». Так, например, в языке отмечена нормативная связь возраста и типа поведения. Для детского возраста характерна простота, неразвитость суждений, что отражено во внутренней форме лексической единицы *несмышлёнка*, относящейся к маленькой девочке: *Осподи! Сама-то еще ма́ленька, несмышлёнка, а уж в няньки определили, стихнули с рук-то* (СС). Взрослый человек, напротив, является эталоном интеллектуальной и поведенческой нормы, отклонения от которой рождают сравнения с ребенком (*ум как у ребенка, глуп как ребенок, вести себя как ребенок, детский лепет, впасть в детство* и т.д.). Приобретение (или наличие) «детских» черт в поведении взрослого человека в говорах Среднего Приобья обозначено глаголом *сде́таться* ‘уподобиться ребенку’: *Уж тапе́рь сде́тился: у его ум, как детский* (СРСГ); словосочетанием *перейти в детство* ‘впасть в детство’: *Дед долго жил, сто лет, а брат его сто двадцать лет, потом он уже в детство перешёл: играл*

с нами, *рыбачил* (СС). Номинативное значение производящего способствует сохранению яркой образности в семантической структуре слова.

Характерной чертой традиционной культуры является приверженность существующим образцам поведения. Наличие эталонного образца поведения и нормативного образа человека в традиционной культуре является известным фактом. В терминологии И.С. Кона это т.н. *имплицитная теория личности*: «Имплицитная, т.е. подразумеваемая, но не сформулированная явно, теория личности присутствует в индивидуальном и общественном сознании как ответы на вопросы: какова природа и возможность человека, чем он является, может и должен быть?» [Кон, 2003: 121]. Исследователь указывает, что слово «теория» имеет условный характер и речь идет скорее об образе, представлении или парадигме личности. «Но как ни расплывчаты такие представления, именно они составляют ядро, стержневую ось так называемой наивной, обыденной, житейской, народной психологии любого народа, нации или этнической группы, интегрируя и суммируя особенности его социального воспитания, ожиданий и оценок. Имплицитная теория личности – центральная ценностная ориентация, с которой так или иначе соотносятся все формы социального поведения» [Кон, 2003: 122].

От присущей культуре имплицитной теории человека во многом производны и всегда зависят эталонный образ ребенка и неразрывно связанные с ним цели, задачи и методы воспитания. Как отмечает Е.Е. Сапогова, «складывающийся в каждой культуре «образ ребенка» есть интериоризированный вариант представлений о нем, свойственных данной культуре и данному этапу исторического времени. Каждое историческое время рождало свой образ человека, и соответственно, под его влиянием создавало свой образ ребенка» [Сапогова, 2004: 58]. Другими словами, в сознании носителей любой (в т.ч. традиционной) культуры существует представление об «идеальном» ребенке.

Круг потенциальных источников, позволяющих судить об эталонных образах человека в разных культурах, чрезвычайно велик: это мифологические, фольклорные и иные тексты, данные социологических анкет и опросников, заключения о предполагаемых мотивах, выведенные на основе непосредственного наблюдения за поведением людей в той или иной культуре, результаты психологического тестирования, исследование когнитивных процессов и психологии эмоций [Кон, 2003: 122]. Изучением и обработкой данных этих источников занимаются разные отрасли научного знания. Для настоящего исследования в изучении эталонного образа ребенка важнейшим источником являются бытовые тексты диалектносителей. Специфика народной культуры такова, что правила и предписания не диктуются в ней непосредственно, в актах высказывания, а представлены имплицитно, в форме оценочных суждений, которые являются результатом сравнения с образцом. «В культуре, ориентированной на регулярное воспроизведение одних и тех же текстов (а не на их постоянное умножение, как в современной культуре), из которых важнейшим представляется прецедент, положивший начало жизни и всей последующей традиции, передача информации происходит не с помощью правил (современный тип трансляции культуры), а с помощью образцов, «цитат» [Байбурин, 1993: 13].

Среди существующих средств выражения представлений в языке наиболее наглядной является их экспликация на лексическом уровне в различного рода текстах. Как справедливо отмечает В.Е. Гольдин [1991: 131], специфика отражения реальной жизни диалектным лексическим фондом определяется особым взглядом на мир селян, совокупностью тем, идей, понятий, составляющих мировоззренческое своеобразие народно-речевой культуры. Таким образом, рассмотрев диалектный лексикон, можно сделать вывод о том, какова совокупность представлений носителей традиционной культуры о *ребенке*, и путем анализа высказываний сформировать эталонный образ ребенка в ней.

В ситуации сравнения с эталоном возможно несколько результирующих вариантов: полное совпадение с эталоном: *А у Поли Васька – он хороший мальчик, подчиняется прям всё* (ВС), приближенность к эталону: *Так и не шибко удалый, а спокойный [мальчик]* (ВС), отступление от него: *Вот мальчик есть такой скромненький, а этот здряиный* (ВС). Как правило, фиксируется именно отступление от эталона. Диалектный дискурс «предстает преобразованием коллективной практики носителей традиционной культуры и эксплицирует выработанную ею обобщенно-типическую точку зрения, иными словами, прямую норму или же (что случается, возможно, чаще) тот отход от нее, порицание и отрицание которого дает представление об идеальном состоянии мира» [Калиткина, 2010: 15]. Случаи отступления от эталона в свою очередь тоже складываются в определенный стереотип – «неправильного». Таким образом, создается как бы два портрета, «правильного» и «неправильного» ребенка, каждый из которых характеризуется устойчивым набором определенных признаков.

Кроме того, культурные представления о названном объекте, реализуемые в формате портрета, включают результаты анализа его оценочной структуры. Оценка того или иного явления определяется содержанием эталона. Стоит отметить, что отступление от принятой нормы в отношении детей не всегда маркируется отрицательно. Например, непоседливость, подвижность, склонность к шалостям, не переходящим границы дозволенного, являются онтологическими свойствами ребенка, в силу чего не несут отрицательной оценки: *Дети есть дети. Ну, всё-всё проказничают дети* (ВС). К внешнему виду человека неизменно предъявляются высокие требования, снисходительное отношение к неопрятности, грязи возможно лишь в отношении детей: *[Внуку] Грязненький, иди. Садись вот сюда* (ВС). Таким образом, в лингвокультурологическом портрете присутствует оценочная составляющая, создающая ценностную картину мира человека.

Рассмотрев параметры лингвокультурологического портрета и его сущностные характеристики, обратимся к поэтапной методике его создания, предварительно обосновав выбор объекта портретирования.

1.2. Ребенок в культуре и языке: об основании выбора объекта портретирования

Попытки описания человека с разных методологических позиций предпринимались многими исследователями. На сегодняшний день проблема человека стала центральной для многих гуманитарных наук – философии, культурологии, психологии, лингвистики и др. Решение проблемы человека возможно только при интеграции данных разных наук на основе принципа взаимодополнительности.

Не последнее место в ряду наук, исследующих проблему человека, занимает лингвистика. В XX веке принцип антропоцентризма занял ведущую позицию в формировании новой лингвистической парадигмы, нацеленной на изучение человека и языка в их взаимосвязи. Согласно Ю.С. Степанову, «мыслящая субстанция, «Я», не менее властно требовала языка для описания состояния духа; более того, она требовала искать в самом языке скрытую основу – «Я» [Степанов, 1985: 93]. Одной из основных проблем, решаемых в рамках антропологической лингвистики, является выявление универсальных, национальных и индивидуальных черт в мирообразе и в образе себя.

Человек запечатлел в языке и свой физический облик, и свои внутренние состояния, свои эмоции и интеллект, отношение к миру, природе, труду, друг другу. «Чем важнее в культурном отношении предмет, тем... больше он «параметризован». Человек занимает здесь вершинное место: ничто так не параметризовано, как человек» [Степанов, 2001: 352].

Антропоцентрический принцип изучения языка точно и образно сформулирован Н.Д. Арутюновой: «Если Бог создал человека, то человек

создал язык – величайшее свое творение. Если Бог запечатлел свой образ в человеке, то человек запечатлел свой образ в языке. Он отразил в языке все, что узнал о себе и захотел сообщить другому. Человек запечатлел в языке свой физический облик, свои внутренние состояния, свои эмоции и свой интеллект, свое отношение к предметному и не предметному миру, природе – земной и космической, свои действия, свое отношение к коллективу людей и другому человеку (Другому). <...> Почти в каждом слове можно обнаружить следы человека. Язык насквозь антропоцентричен. Присутствие человека дает о себе знать на всем пространстве языка, но более всего оно сказывается в лексике и синтаксисе – семантике слов, структуре предложений и организации дискурса» [Арутюнова, 1999: 4].

Картина мира является не столько отражением мира, сколько его интерпретацией. Видение мира как картины свидетельствует об определенном этапе осознания человека и способов своего отношения к миру: «когда мир становится картиной, позиция человека понимается как мировоззрение... Появление слова «мировоззрение» как имени для позиции человека посреди сущего свидетельствует о том, как решительно мир стал картиной, когда человек возвел собственную жизнь в качестве субъекта до командного положения всеобщей точки отсчета... Человек борется здесь за позицию такого сущего, которое всему сущему задает меру и предписывает норму...» [Хайдеггер, 1986: 105-106]. Таким образом, картина мира, запечатленная в сознании человека, является системной и глубоко антропоцентричной. Как глубинный слой миропонимания, картина мира существует в сознании человека в неявном, часто неосознанном состоянии. Она опосредует все связи человека с миром и делает возможным взаимодействие людей. Картина мира предшествует идеям и мировоззрениям индивидов, поэтому, сколь бы различны ни были исповедуемые убеждения, в основе их можно найти универсальные для всего общества обязательные

представления. Очевидно, что центром картины мира становятся представления человека о себе самом.

Без лингвистического анализа представлений о человеке, являющемся ключевым концептом любой культуры, невозможно его адекватное понимание. Человек активно исследуется в работах по языковой картине мира (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, А.И. Геляева и др.), рассматривается сквозь призму метафоры (Н.Д. Арутюнова, Г.Н. Складеревская, В.Н. Телия и др.), фразеологии (В.Н. Телия, В.П. Жуков, В.М. Мокиенко, А.В. Артемова, Р.Х. Хайруллин), аксиологии (Е.М. Вольф, Н.Д. Арутюнова, В.Н. Телия), словообразования (Е.С. Кубрякова, Т.И. Вендина), лексикографии (Ю.Н. Караулов, Ю.С. Степанов, В.В. Морковкин), этнопсихолнгвистики (Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Ю.Е. Прохоров и др.) и т.д.

Так, по мнению Е.В. Урысон [1995], человек – это совокупность сердца, души, совести, ума, знания, слуха, воображения и т.д. Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев [1997] разработали дихотомическую концепцию человека, который понимается как единство материального и идеального, интеллектуального и эмоционального начал. Согласно В.З. Демьянкову, «человек должен изучаться как система переработки информации, а поведение человека должно описываться и объясняться в терминах внутренних состояний человека» [Демьянков, 1994:3]. Ю.Д. Апресян моделирует целостный образ человека через характеристику «основных систем, из которых складывается человек; органы, в которых они локализуются, в которых разыгрываются определенные состояния и которые выполняют определенные действия...» [Апресян, 1995 б: 349-350].

Обширность и масштаб данной темы не позволяют представить ее исчерпанной. Причиной этого является сложность и многомерность самого объекта: не существует человека как такового вообще, это всегда мужчина или женщина, определенной национальности, возраста, профессии, социального и семейного статуса и т.д. На данный момент нет исследований,

представляющих комплексное описание человека в лингвистике. Естественным следствием этого является наличие попыток ряда ученых представить описание человека аспектно: с позиции его этнической принадлежности [Гулик, 2000], временной отнесенности [Вендина, 2002], социальных и возрастных характеристик [Ашхарава, 2002, Салимьянова, 2011], умственного развития [Леонтьева, 2003] и внешнего облика [Бахвалова, 1996] и др. Настоящее исследование посвящено исследованию представлений о человеке с точки зрения его социально-возрастной принадлежности – ребенку.

Ведущее место в изучении феномена детства в культуре принадлежит, безусловно, этнографии и выделившейся в ее рамках как самостоятельная дисциплина этнографии детства. Развитие данного направления инициировано в первую очередь работами И.С. Кона [1981, 1988] и серией работ по этнографии детства [Этнография детства, 1983 а, 1983 б]. По словам Д.А. Баранова, «появившиеся исследования с очевидностью продемонстрировали неизученность мира детства в целом, и образа ребенка в частности; в основном сложился определенный тематический круг этнографии детства, связанный с изучением родинного ритуала, социализации детей, детского фольклора и т.д.» [Баранов, 2000: 3]. Образовавшиеся пробелы вызвали потребность взглянуть на мир детства с позиции представлений о нем, в которых сама традиционная культура воспринимает и осмысливает ребенка. Это повлекло обращение к более широкому кругу источников, т.е. к текстам разной природы [там же: 3].

Предметом собственно этнографических работ становится родинный обряд, статус роженицы и новорожденного, социализация, мифопоэтические представления, связанные с рождением человека, детские игры и т.д. (работы А.К. Байбурина, Т.А. Листовой, Н.Е. Мазаловой, Н.И. Толстого, Т.А.Бернштам, Г.И. Кабаковой, Д.А. Баранова, Е.А. Покровского, Д.К. Зеленина и др.)

В этнографической науке «родинный обряд, воспитание, социализация рассматривается по преимуществу как система (набор) акциональных и вербальных действий взрослых, направленных на «очеловечивание» ребенка, приобщение его к культурным знаниям и ценностям. Подобный подход почти всегда отражает, за редким исключением, взгляд на ребенка как на объект и – более категорично – на продукт деятельности взрослых, которому пытаются привить желаемые черты и свойства, что имплицитно указывает на определенную асимметричность отношения «взрослый-ребенок», где последнему отводится роль реципиента» [Баранов, 2000: 3-4].

Сложный феномен детства изучается с позиций фольклористики (работы С.Г. Виноградова, 1930, О.И. Капица, 1928, И.А. Панкеева, 2002, М.Н. Мельникова, 1967, Е.О. Чубрик, 2007), этот аспект ориентирован на изучение детского фольклора. К началу XX века формируется внушительный корпус записей колыбельных песен, потешек, считалок, дразнилок и т.д., которые представляют не только этнографический, но и педагогический интерес. Жанры детского фольклора вполне можно рассматривать в качестве педагогических приемов, ориентированных на воспитание полноценной личности: «В детском фольклоре невозможно найти ничего, что не имело бы реальной, явной пользы, будь то фольклор календарный или поэзия пестования... Пестушки, потешки, считалки, перевертыши и т.д. – целый свод, целый комплекс, который отшлифовывался веками...для здоровья, для нормального развития ребенка именно в младенческом возрасте, когда закладываются и речь, и движения, и первые представления о мире» [Панкеев, 2002: 87].

Исследуемый вопрос освещается в рамках такой науки, как этнопедагогика. Например, А. Чёрная [2001] занимается исследованием психологических основ традиционных игр, доказывая, что традиционная игра является средством приобщения ребенка к общечеловеческим (универсальным), этническим и индивидуальным ценностям развития.

Традиционным играм в культуре и их роли в социализации детей и подростков посвящена монография И.А. Морозова, И.С. Слепцовой [2004].

В культурологических исследованиях [об этом см. Белик, 1998] детство стало самостоятельным объектом анализа под влиянием распространения психоаналитического подхода, в котором оно является одной из центральных тем изучения. «Детство рассматривалось в качестве феномена, изучая который в упрощенном виде, но со специфическими культурными особенностями, можно было увидеть мир «взрослой» культуры. Особенности процессов, происходящих в детстве, имеют фундаментальное значение для воспроизводства культур» [Белик, 1998: 107].

Рассмотрение детства в славянской традиционной духовной культуре с точки зрения этнолингвистики частично представлено в словаре «Славянские древности» [1995-2004]: отдельные словарные статьи посвящены обряду крещения, детским играм и игрушкам, магической обрядовости, родителям, сакральным и профанным функциям отдельных детских вещей. Предметом описания становится и сам ребенок в зависимости от его возраста и пола. Однако формат словаря не позволяет сделать это исследование комплексным.

В собственно лингвистических исследованиях на материале литературного языка данная тема освещена в диссертации А.Т. Ашхарава «Концепт ‘дитя’ в русской языковой картине мира» [2002], в которой проводится концептуальный анализ лексики возраста, описывается концепт ‘дитя’. К лексическим средствам репрезентации концепта ‘дитя’ относятся лексемы, в значении которых присутствует сема ‘детский возраст’, независимо от ее статуса в структуре семемы. Ядро лексико-семантической парадигмы составляют имена детей с обязательными семантическими признаками ‘лицо’, ‘в детском возрасте’. Сема ‘в детском возрасте’ является идентифицирующей для всех наименований детей и дифференцирующей по отношению к номинациям других возрастных групп [Ашхарава, 2002: 50]. К

средствам репрезентации концепта 'дитя' относятся лексические единицы, в значении которых имеется сема 'детский возраст', и фразеологические единицы, пословицы, поговорки, художественные тексты, описывающие ребенка. Диахронический аспект позволяет проследить формирование и изменение знаний носителей русского языка о детях. Древнейшими и наиболее значимыми компонентами концепта являются 'маленький', 'слабый', 'зависимый от взрослого', отраженные в первоначальных семантических признаках наименований детей, грамматической семантике слов, номинирующих детей как в древнерусском, так и современном русском языке [Ашхарава, 2002: 151]. В структуре концепта 'дитя' чрезвычайно важны оппозиции: 'взрослые/дети', 'родители/дети', которые соответствуют двум концептуальным слоям – 'человек в детском возрасте'; 'сын или дочь в детском возрасте'. Первый концептуальный слой содержит такие характеризующие компоненты, как 'маленький', 'слабый', 'наивный', 'непосредственный', 'тот, кто ведет себя активно', 'не слушается', 'часто плачет', 'плохо владеет речью' и др. Второй концептуальный слой содержит преимущественно релятивные компоненты, один из самых актуальных – 'любимый'. Фразеологические единицы позволили установить компоненты 'тот, кого растят', 'тот, кого воспитывают', 'тот, кого учат ходить', 'тот, кого держат на руках', 'тот, кого крестят'.

В диссертации М.Ю. Лебедевой «Концептуальное поле «детство» и его репрезентация в русском языке» [2013] рассматриваются когнитивные признаки концепта *детство*, выражающиеся в фактах русского языка и в метаязыковой рефлексии его носителей. К ним относятся, например, такие признаки, как *наивность*, *невинность*, *несамостоятельность*, *любопытство* и др. В работе в качестве исходного принимается следующее утверждение: в концептуальное поле «Детство» включены представления о том, каков образец ребенка и детства (прототипы), и о том, что в понимании взрослого всегда или почти всегда присуще ребенку и детству (стереотипы).

Выявляются компоненты, структурирующие концептуальное поле «Детство»; метафорические репрезентации концепта *детство*; стереотипные представления о детстве и детях.

Исследование концептов «детство», «ребенок», «дитя» проводилось и на материале других языков. На материале английского языка выполнено исследование М.А. Косычевой «Концепт ‘CHILD’ и средства его реализации в английской лингвокультуре» [2013]. Цель диссертационного исследования состоит в комплексном описании концепта ‘child’ как лингвокультурного и когнитивно-прагматического явления, актуального для английского национального сознания, путем выявления и систематизации способов его лингвистического представления в английской языковой картине мира. В сопоставительном аспекте данная тема представлена в исследованиях И.А. Калюжной «Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах» [2007] и А.Л. Кряжевой «Особенности вербализации понятия «*CHILD/РЕБЕНОК» (на материале английского и русского языков)» [2009].

Диалектные наименования детей неоднократно подвергались лингвистическому анализу с разных позиций. Ю.В. Зверевой на материале пермских говоров рассматриваются модели метафорического переноса в названиях детей. В работе сделан вывод о том, что использование метафорических наименований наиболее частотно при назывании детей как совокупного множества (собираательные существительные), в обозначениях непослушных, подвижных, непоседливых детей, в номинациях ребенка по внешнему виду. Наиболее распространенными являются вещеморфная, зооморфная и антропоморфная метафорические модели. В статье «Наименования детей, характеризующие поведение, в пермских говорах» [2011] автор рассматривает наполнение лексико-семантических групп ‘часто плачущий ребенок’, ‘капризный, непослушный ребенок’, ‘бойкий, непослушный ребенок’, ‘подвижный, непоседливый ребенок’, ‘надоедающий

взрослым ребенок', указывая на пересечение данных лексико-семантических групп.

И.А. Подюковым и Н.П. Федосеевой исследуются основания характеристики детей, закрепленные в их номинациях, в пермских говорах и коми-пермяцком языке: по физическим и поведенческим особенностям ребенка, его возрасту, характеру, статусу в семье. Авторы отмечают, что в народной культуре чаще всего подчеркиваются внешние, биологические характеристики детей, указывающие на их восприятие как природных существ, части физической реальности, природного мира, в то время как социальные оценки являются редкими [Федосеева, Подюков, 2006].

Лингвистическому анализу семантической области рождения посвящена глава диссертации А.Б. Коконовой «Рождение и смерть в пространстве диалекта» [2011], написанная на материале архангельских говоров. Целью данного фрагмента явилось лингвистическое моделирование ситуации рождения, представляемой как в реальном плане, так и в мифологическом (связь действий и предметов с народным сознанием, обрядовой культурой и символикой), характеристика комплекса сакральных и профанных знаний диалектоносителя о ситуации рождения как важной составляющей языковой картины мира. Кроме того, материал исследования включает наименования детей младенческого возраста, а также лексические единицы, характеризующие семейное положение ребенка. Исследованный материал показывает, что обозначения новорожденных детей основаны на признаках пола, возраста, очередности появления детей в семье, действий, характерных для младенца, антропометрических характеристиках и т.п.

Лексические единицы говоров Усть-Цильмы, выражающие представления о зачатии и рождении ребенка и восприятию новорожденного, подвергаются анализу в статье Т.Н. Бунчук. Автор обращает внимание на лексико-семантическую разработанность понятия «правильного» и «неправильного», с позиции народного мировоззрения, зачатия ребенка.

Анализ направлен на выявление метафорических моделей, участвующих в образовании лексических единиц, называющих зачатие и рождение вне брака, а также номинаций незаконнорожденных детей. Результатом анализа является реконструкция восприятия носителями традиционной культуры процессов зарождения жизни, появления нового члена рода, его включения в социум и воспитание. Этим же автором собран материал к «Словарю этнокультурной лексики семантического поля «Детство». Материалы к словарю сопровождаются перечнем тематических групп с указанием их лексического состава [Бунчук, 2008].

Рассматривая наименования лиц в брянских говорах, Ю.В. Седойкина [2011] посвящает главу диссертационного исследования названиям детей, среди которых присутствуют названия незаконнорожденных детей, названия, актуализирующие место ребенка в семейной иерархии, его внешний вид и особенности поведения.

Перечисленные исследования объединяет мысль о том, что за номинациями детей стоит комплекс профанных и сакральных представлений носителей традиционной культуры (репрезентантом которой и являются говоры) о восприятии детей в социуме, структуре семьи, морали и этике повседневной жизни, принципах правильного жизнеустройства. Однако исследования представлений о ребенке в традиционной культуре носят разрозненный характер, что свидетельствует об актуальности настоящей работы.

1.3. Методика создания лингвокультурологического портрета *ребенка*

Лингвокультурологический портрет *ребенка* представляет собой совокупность культурных коннотаций лексических единиц с семантикой «детского» (с компонентом значения ‘ребенок’ (‘дети’), ‘детское’), репрезентирующих представления о ребенке. Этапами создания

лингвокультурологического портрета являются определение состава исследуемых единиц, их классификация, лингвокультурологический комментарий с целью выявления культурного компонента значения (культурной коннотации). Рассмотрим последовательно.

1.3.1. «Детское» в диалектном лексиконе

Для исследования отбирались общерусские лексемы, диалектные варианты общерусских, диалектно-просторечные и собственно диалектные единицы. В состав исследуемого материала вошли:

I. Лексические единицы, содержащие в ТДС помету «детское», которая сопровождает слова, употребляющиеся только при общении с детьми или при передаче детской речи, например: **бо^лька** ‘детск. Болячка’: Слово «бо^ляшки», «бо^льки» употребляются среди детей (СРСГД)³; **бо^женька** ‘детск. Божья коровка’: А вы бо^женьку видали? Вот ползёт (СРСГД); **жи^га** ‘детск. О чем-либо горячем, обжигающем’: Не лезь к печке: жи^га (СРСГД); **ко^конька** ‘детск. Яичко’: На ко^коньку ляг (СРСГД); **кы^ка** ‘детск. Кошка’: А кы^ка-то, кы^ка-то мя^кат (СРСГД); **ти^ття** ‘детск. Грудь’: Мама, ти^ттю! (СРСГД); **ба^ба** ‘дет. Мать отца или матери’: Дети говорят: «Ба^ба, ты та^ка ста^ренька стала». А как же? Но^во нарождается, ста^ро умира^т; Мальчик во второй класс переишёл: «Ба^ба, у вас сколько этому ко^моду лет?» (ПССГ); **ба^буля** ‘дет. Ласк. к баба’: А у моей сестры вну^чата залезут на коленки: «Ба^ба, ба^буля, тебя кто так из^мял?» (ПССГ); **по^па** ‘детск. Задняя часть тела человека ниже спины’: О-о! Что^бы она [вну^чка] – по^во^лится на спинку, что^бы так вот по^лежала – нет. Ей надо на по^пу са^диться (ПССГ). Корпус лексем, содержащих эту помету, формирует собственно языковой пласт единиц, относящихся к «детскому» в диалектном

---

³ Источник иллюстративного материала приводится в круглых скобках путем указания на словарь (СРСГД) или локальной пометы (Том. Том.), обозначающей территориальную отнесенность в виде (Область. Район.)

лексиконе, который подвергается метаязыковому осмыслению диалектоносителей. В языковом сознании носителей языка проводится возрастная дифференциация лексических единиц, слова имеют «детский» вариант. Появление «детского» языка связано, возможно, с особенностями артикулирования детей: речевой аппарат ребенка еще не в полной мере приспособлен для произнесения некоторых сочетаний звуков. При общении с детьми взрослые используют слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами, что объясняется прагматическими особенностями этих слов. Таким образом, помета «детское» указывает на ограниченную сферу употребления лексем.

II. Лексические единицы, в толковании значения которых в ТДС имеется указание на компонент ‘ребенок’, ‘дети’, ‘подросток’: **девочка** ‘ребенок, подросток женского пола’: *«Непослушный» - говорят хоть на девочку, хоть на мальчика, не слушает который* (ВС); **мальчик** ‘ребенок, подросток мужского пола’: *Мальчик-то [во сне], говорят, к прибыли* (ПСЯЛ); **уросинка** ‘капризный ребенок’: *Ребёнок кричит – уросинка* (СС); **первачок** ‘первый ребенок’: *Первый ребёнок – первачок, последний – последыш* (СС); **бутуз** ‘здоровый, толстый ребенок’: *Бутуз Вова* (ВС); **гаврик** ‘шутл. Мальчик⁴, юноша, ребенок мужского пола’: *Гаврик – маленький мальчик* (ВС); **змеёныш** ‘бран. По отношению к ребенку, молодому человеку’: *Змеёныш – говорят, котора женищина сердита и назовёт мальчишку, лет десять, змеёныш* (ВС); **заскрёбок** ‘о новорожденном ребенке с физическими параметрами ниже нормы’: *Заскрёбок – езли маленький ребёнок родится, говорят, это заскрёбок* (ВС); **сирота** ‘ребенок, подросток, лишившийся одного или обоих родителей’: *Он бедный сиротой был, ни отца, ни матери* (ВС); **арда** ‘дети. То же, что **детва**, **орава**, **сарынь**, **челядь**’: *Арда ищбко непослушна; Мать-то разошлась с мужиком уж давно. Арда*

---

⁴ В некоторых случаях актуализация компонента ‘ребенок’ происходит путем указания на пол (мальчик, девочка).

осталась одна; *Шишки арда таскает; Арда собралась, мешаются, бегают тут; Уж така арда стала, ничо нипочем* (СРСГ); **седук** ‘ребенок, который долго не становится на ноги, не начинает ходить’: *Седук – ребёнок, сидит, год-два не ходит* (СРСГД); **чапыжники** ‘перен. Дети’: *Восемь женских идут. А за ними чапыжники бегут. Интересно на своих матерёнешек глядеть* (СРСГД); **недоносок** ‘ребенок, родившийся раньше срока’: *Он недоносок был у ей, вынули через брюхо; Ну надо же, они шшытали всё время, говорили, в алгусте [должна родить]. Может, недоносок?; Родила, да мёртвого. Не мёртвого, а... Ну, недоносок да всё там* (ПСЯЛ).

III. Лексические единицы, которые, как правило, используются в высказываниях о детях, имеют устойчивую связь со словами *ребенок, дети* в контексте, что в словарной дефиниции формально выражается указанием «о ребенке», «о детях» и т.п. Таким образом, составители словарей закрепляют лексическую единицу за сферой «детского»: **здряиной, здряиный** ‘непутевый, непоседливый, избалованный (о ребенке)’: *Отключила, плитуту Ленка да и поставила суп-то на пол. Кастрюлька закрыта. А он (маленький ребенок) такой здряиной тоже. Подбежал и в кастрюльку упал как-то; Вот мальчик есть такой скромненький, а этот здряиный* (ПСЯЛ); **бало́ванный, бало́вный** ‘неодобр. Испорченный баловством (о ребенке, реже детеныше животного)’: *Ну, красивый мальчик. Ну бало́ванный! Материщник! Ой! Не дай бог!; Отпустили его из рук, он и начал такой...бало́вный мальчик, бало́вный прям* (ПСЯЛ); **настырный** ‘непослушный, своевольный (о ребенке)’: *Ну, настырный, ну... худой! Худой мальчик, шибко худой* (ПСЯЛ); **попутный** ‘Одобр. С хорошим характером, послушный, неизбалованный (о ребенке)’: *Ребятишки попутны ешо, хоть это, всё делают, воду таскают и...; Дети попутны были, всё делали ей; А у ей мальчик-то не шибко попутный. Ну, бало́вный такой, на учёте в милиции стоит* (ПСЯЛ); **блудить** ‘проказничать (о детях)’: *Это ребенок чё-та сделал, сблудил. Чё ты блудишь? А на взрослого – вор; Почитала бы книжку, а не*

блудила, как кошка; Дети блудят через родителей. Вот они и худые все такие (СРСГД).

IV. Лексические единицы, функционирующие в высказываниях, темой которых является ребенок, однако использование таких единиц не закреплено исключительно за сферой «детского», т.е. в равной степени реализуется в речевых ситуациях, относящихся к взрослым людям. Как правило, данные лексические единицы называют общечеловеческие качества, обозначают особенности характера, поведения, умственного развития. Данные лексические единицы можно отнести к сфере «детского» как общечеловеческого. Они включаются в исследуемый материал при актуализации в иллюстрации единиц *мальчик, внук, детишки* и т.д.: **нежоркий** ‘с плохим аппетитом, разборчивый в еде’: *Внук шибко какой-то нежоркий, видно. стакан молока выпил и говорит: «Больше не хочу, баба»* (ВС); **недоразвитый** ‘умственно отсталый’: *Дена у ей мальчик был недоразвитый, так за ней (матерью) всё ходил тоже* (ВС); **отчаянный** ‘неодобр. Излишне бойкий, ведущий себя развязно’: *Отчаянный, нехороший мальчик* (ВС); *Ой, отчаюга. Мать-то отчаянна. Отчаянный мальчик, отчаянный, маленько уйми его, прям беда какой!* (ПСЯЛ).

V. Лексические единицы, называющие предметный мир, окружающий ребенка: вещи, организующие «детское» пространство, предметы, манифестирующие возрастные изменения ребенка и т.д. «Детское» в предметном мире представлено очень широко. К лексическим единицам, репрезентирующим предметную сферу «детского» мира в диалектном лексиконе, относятся:

1) названия видов детской одежды и обуви: **ползунки** ‘одежда для детей грудного возраста в виде штанишек с лямками и чулок, соединённых вместе’: *Она с ей прислала [одежду ребенку]: ползунков там, и всяки-то...* (ПСЯЛ); **пелёнка, пелёночка** ‘детская простынка’: *Заматают этой пелёнкой, а пеленишником завяжут. Пелёнок таких-то не было, а раньше-то всяки*

были, стары и всяки; И всяки там пелёнки-распашонки, всего много (ПСЯЛ); Надежда сгребла его [ребенка], завернула, пелёночку цистеньку взяла (ВС); шептунки ‘пинетки’: Я говорю, надо лёгоньки купить шептунки (СРСГД); шкеры ‘брюки’: Это раньше мы носили. В них выросли, в войну. И ещё после войны – чулок же не было – вот мы носили шкеры. Это тёплые штаны, сшитые из материала. У мальчиков брюки как-то по-другому назывались. У них же с прорешкой – у мальчиков-то брюки. А это просто без прорешки. Вот эти вот шкеры у нас таки были. Ну тока тогда же ведь трикотажа не было. А шкеры – они из полусукна, из како-нибудь тёплого материала (Том. Пар.); чирки, чирочки / чарочки ‘вид самодельной обуви’: [Что такое чирочки?] Да каки сапоги? Из кожи сошьёшь, как на мне носочки, а тут завяжешь, ниточки сплетёшь, завяжешь. Ишишо ребяты бегали (Том. Пар.); Носили чарочки. Таперь вот маленький появился, на его всё есь. А раньше в семье – то до школы и ничаво и не носили. А шиас и зимне и летнее, польта и ботиночки, а мы–то и не видели. Нам мать что–нить перешёт из старого да и ходили. Валенки не у каждова были. Чарочки из кожи сошьют, шерстяну нитку сплетут да и затянут. Таперь – чё, всё есь (Том. Пар.);

2) наименования бытовых предметов, используемых при уходе за ребёнком. Например, наименования детских кроватей: зыбочка ‘люлька, колыбель’: Нарви её (травы), в зыбочку положи, в голову, ребёнок как убитый спать будет (СРСГ);

предметов для сидения ребенка: сидушка ‘стул для ребенка’: В сидушке сидит ребёнок. В сидушке сидела внучка (СРСГД);

предметов, используемых при кормлении ребенка: соска, сосочка ‘то, из чего или то, что дают сосать ребенку’: Людка была маленька от <...> дак он эту бутылочку ей, дак он её вымыт с солью <...>, и сосочку, всё перемоет... (ПСЯЛ); Он ничё не хотел, ни хлеб, никого не сосал. Он взял эту соску; Кажный год по три родятся. У всех соски сосут; Не дичай, а соси соску; Соску не сосет; А у коровы титьки ети ето брали. Их на рог наденут – вот

и соска. Туды молочка подливаешь, он и сосёт себе [ребенок] (МДС); **пикулька** ‘соска’: Молока согреем сейчас. Пик^улька-то где? (СС); **рождок** ‘предмет для кормления младенца в форме рога’: И сосят [кормят ребенка]. Дай-ка прикурнусь. И вот сосёт, потеряет рождок ребёнок, ходил рождок мыть...(СРСГД);

предметы для катания детей: **коляска** ‘маленькая ручная повозка для катания детей’: Дак он [ребенок] – повезу его в коляске – он: «Не няня, не няня, не няня!» [не надо] (ПСЯЛ); **качелька** ‘коляска для катания детей’: В качельках ребятишек маленьких таскают и качают. Качелька для неходящих ребятишек делается, она на колесах (СС).

VI. Лексические единицы, называющие детские болезни. В данную группу попадают лексемы, в дефиниции которых содержится компонент ‘дети’, ‘детское’: **корь** ‘детская заразная болезнь, сопровождающаяся сыпью и лихорадкой’: Вот также маленький в коре болел; Здесь корь ходит. Все ребятишки болеют (ВС); **родимчик** ‘болезненный припадок, сопровождающийся судорогами и потерей сознания (у беременных, рожениц и маленьких детей)’: А я мальчиком последне время ходила. От мальчика-то и повлияло, родимчик-то, в утробе испугала; А сына мово родимчик хватил. Так он измучил родителей... Родимчик, как припадки, стал его бить; Так мальчика испужала, родимчик его забил (ВС); **родимец** ‘припадок с судорогами у детей’: Падуча бьёт, если взрослого, а если маленького, то родимец бьёт (СРСГ); Его забиват родимцем (СРСГ); **золотуха** ‘своеобразное проявление у детей туберкулезной инфекции, сопровождающееся общим истощением, сыпью на теле и т.д.’: Череда, она хорошо, в пользу череда, детям от золотухи ладят (ВС); **свинка** ‘детское заболевание, связанное с воспалением околоушных желез, что увеличивает в объеме шею, напоминая шею свиньи’: У них там [детском саду] болесь как-то. Свинка (СОС). Также к данной группе относятся названия болезней, в словарном толковании которых компонент ‘дети’, ‘детское’ не

актуализирован, но в иллюстративном материале есть указание на то, что языковое сознание диалектоносителей закрепляет данную номинацию за сферой «детского»: *уро́к/уро́ка* ‘сглаз, порча’: *От уро́ку лечу, чтоб дети спали, лечу, от бородавки свожу; Ит испугу, ит уро́ков у меня мама лечила молитвой* (BC); *Да что лечили? Бабушки с наговорами лечили, от уро́к детей спасали* (CPCГД); *испуг/спуг* ‘нервно-психическое расстройство, появившееся в результате испуга’: *От испуга детей поят – чертополох, цвет светло-синий* (BC); *Шалабо́льник, он высокий растёт, для детей хорошо от испугу* (CPCГ); *Лекарка-бабушка ребятишек от спугу лечит* (CPCГД); *дергач* ‘болезнь эпилепсия’: *Это дергач у малолеток быва́т* (CPCГ). Отношение к сфере «детского» может быть актуализировано во внутренней форме номинации, основанной на переносе ‘носитель болезни’ – ‘название болезни’: *младе́нец, младе́нская (малоде́нская) (болезнь), младе́нский, младоде́чески* ‘болезнь эпилепсия’: *Парнишка двух лет; младе́нец пристал и забил его* (CPCГД); *Раньше ме́рли дети. Щас не мрут. Раньше забила младоде́нска ребёнка – и всё* (CC); *Кого припадки бьют, младе́нска болезнь называется* (CPCГД); *Младе́нский у его* (CPCГД); *Младоде́чески – это припадки бьют кода́ ребёнка маленького* (ПСЯЛ).

VII. Лексические единицы, номинирующие детские игры и их атрибуты, а также игровые действия. В ТДС и диалектном архиве содержится большое количество единиц, называющих разные виды игр, в их числе игры, объединяющие взрослых и детей: *В девчонках-то были, в разны игры играли. Горочка у нас тут была така. И в круг играли, и в разлуку, и в огонька. Все собирались, и ребята, и взрослые* (BC); *Лапту́шка – очень зажига́тельна игра. Жгут кидали. Играли все и меле́нькие, и взрослые. По четыре человека одна партия была и вторая то́же по четыре. Одна голи́т, а другая крепи́т эту лапту́шку. Один крепи́л, а я бегу. Девяносто сантиме́тров палка была, кто поймал – тот меня сжѐг. Кто-то один ва́дит. Уж какая работа была,*

но каждый вечер играли. Все-все! Взрослые, все играли. Иногда уши надерут, поплачешь и снова идёшь играть (Том. Пар.).

К лексическим единицам, номинирующим собственно детские игры, относятся те, в словарном толковании которых присутствует компонент ‘дети’, ‘детское’: огоньки ‘устаревш. Вид детской игры’: *Играли в огоньки. Посодишь кого-нибудь тут-ка одного, огонёк был. А ты тут стоишь. И вот бежит, кто к этому огоньку подбежит вперёд. И насадут человек десять, может, там посадят, ребятишек маленьких, поменьше. «Это мой огонёк, это мой огонёк». Опоздал прибежать, не успел, другой обогнал, значит, уж этот огонёк погорел, другому передал, так играли всегда, щас как-то не играют; А раньше вот тут на бережке играли и в огоньки, и в разлуку, всяко. А теперь и не играют пошто-то (ПСЯЛ); В огоньки [играли]. Кружок большой очертишь. Беру я себе огонька – ребятишек брали. Беру его за руку и бежим (ВС); клетка ‘постройка из палочек, дощечек и т.п., домик (в детской игре)’: *Эта игра [в куклы] бывает, конечно, зимой больше, а летом клетку устроим... Досочки, лавочки, шкафчики сделаю, потом глину намесим... с её слепим вазочки, тарелочки... (ВС); чижики ‘детская игра, в которой заостренная короткая палочка загоняется в круг ударами другой палки’: *Чижики [игра]. Вот такой колушек, такой чижик, это палочка в палец бы, например. И вот так наденем на колышек, ручки так, кто угодит, вот кидай, тоже он летит вот куда, догоняй бегай (ВС).***

К лексическим единицам, называющим детские игры, но не имеющим в словарном толковании компонента ‘дети’, ‘детское’, относятся также лексемы, в иллюстрации к которым содержится указание на детей как субъектов игры (через единицы *дети, ребятишки, мальчишки*) или указание на время (в детстве, поменьше были), например: *Мальчишки в бабки играли, в копыляски [городки] (СРСГД); А дети играли в палаганы. Сами себе из досок палаганчик какой-то сделают, стеклки насобирают, куклы сами шьют, а иишо ребятишки играли в жмурки да в догоняжки (Том. Пар.);*

Здесь испокон веков жили. В детстве играли в ручеёк, в прятки, в лапту. Лапта – досточка с ручкой. Играли как теннис (Том. Том.); Как поменьше-то были, в мячики играли. Переводисся, в одну группу переходит, в другую группу [игрок]. Одна голит, другая бьёт группа (ВС).

Отсылка к сфере «детского» проявляется также в семантике диминутивов: В прятишки играли: один галит (СРСГ); В пряточки играли да в мечики играли да. В прятушки играть (ВС); Как мы в детстве играли? Лоточки делали из какой-нибудь тесинки, в саночки играли (СРСГД), У нас играют в чёрну палку, в прятушки, в слепушки, в чижика (СРСГД).

В исследуемую группу единиц также входят:

- названия игровых действий, например: вадит ‘в игре искать, ловить; то же, что галить’: Кого первого найдут, тот вадит (СРСГ); галить (голить): Вадит, говорят, галить в игре; Гали! Гали! Назад не отдавать (СРСГ); Кто угадал по мячику, тот и будет голить, а ты туда и обратно беги, у нас так играли (ВС); салит/осалит ‘попасть мячом при игре в салки’: Девка кода начнёт убежать [в игре], её салят [мячом] в спину (ВС); Салит? Это бежишь, другой тебя жиганёт – осалит (ПССГ); крепит ‘бить по мячу при игре в лапту’: А ещё лаптушку крепили; мячики из кожи шили. Кто крепит, бегают, угадаешь в него – засалишь, они крепят. Ты подбрасываешь, а я креплю, а оттуль ежели крепить, туды бежать надо (СРСГ);

- названия игровых атрибутов, например: шлюшка ‘кость надкопытного сустава, употребляемая для игры’: Бабки – большой биток, шлюшка – маленька (СРСГД), панок ‘бита для игры в бабки’: Ребятишки в мячик играли, в бабки. Бабки поставят, а панком шибают, панок из конской ноги, она больше (СРСГД); терюх ‘деревянный мяч для игры’: Терюх имя. Деревянный. В ямку загонали (СРСГД);

- названия участников игры, например: битник ‘тот, кто бросает биту в игре’: Раньше мы в городки играли... били бабки – такие кости. Когда

режут скот, берут ногу, тёплую ешию, чистят, сверливают дырочку... это биток будет. И ка-ак навернёт им битник, так все бабки разобьёт (СС).

Таким образом, диалектный лексикон, относящийся к сфере «детского», дает разноплановые сведения этнографического, культурологического, исторического характера, называет явления материальной и духовной жизни сибирских крестьян, становясь бесценным источником для изучения традиционной культуры.

1.3.2. Лингвокультурологический комментарий как метод в исследовании «детского» в диалектном лексиконе

Следующим шагом в создании лингвокультурологического портрета *ребенка* является экспликация культурного компонента значения лексических единиц с семантикой «детского».

Взгляд на слово как на репрезентатор культуры предполагает выявление и описание культурной составляющей его значения, не фиксируемой словарями, но релевантной для носителя языка. Формой интерпретации культурной составляющей является не толкование в традиционном понимании, а лингвокультурологический комментарий.

Необходимо сделать несколько вводных замечаний по поводу использования названного метода.

Представляется, что идея лингвокультурологического комментария возникла в процессе решения практических задач, среди которых были и способы обучения языку иностранцев. Наличие в сознании языковой личности, являющейся носителем той или иной национальной культуры, «базового стереотипного ядра знаний, повторяющегося в процессе социализации индивидуума в данном обществе и достаточно стереотипного (на уровне этнической культуры, а не личности)» [Прохоров, 1996: 14] утверждается многими специалистами в разных областях гуманитарного

знания: переводчиками, преподавателями иностранного языка, культурологами, философами и т.д. Разработка способов презентации этих стереотипных знаний инофонам явилась задачей такого направления, как лингвострановедение, которое связано прежде всего с именами Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова. Необходимость культурологического комментария («изъяснения») национально маркированных единиц возникла в связи с идеей создания словаря безэквивалентной лексики. Однако в ходе работы над словарем стало очевидно, что культурологического комментария требует не только безэквивалентная лексика [Верещагин, Костомаров, 1980: 200]. «Более того: разработка словарных статей показала, что как раз эквивалентные слова могут дать много материала, интересного для постижения национальной культуры» [там же].

В «Большом фразеологическом словаре русского языка» под ред. В.Н. Телия [2009] раскрытие культурной семантики фразеологизмов осуществляется посредством их культурологического комментирования, в ходе которого предпринимаются определенные «шаги», направленные на выявление предполагаемых операций, совершаемых при употреблении фразеологизма в речи. Один из разработчиков концепции данного словаря, М.Л. Ковшова, отмечает, что «выделенные в нем позиции являются первым опытом в структурировании такого описания» [Ковшова, 2012: 160], предлагая идею лингвокультурологического комментария как следующего шага в этом направлении. В понимании исследователя лингвокультурологический комментарий имеет два уровня – обычный и глубокий. Обычная часть основана на минимальном, не требующем специального освоения, объеме культурных и языковых знаний, присущих рядовому носителю языка. В глубокой части комментария употребляется общенаучная лексика и терминология, сообщаются сведения из области истории, культуры, языка, делаются выводы о знаковой культурной функции фразеологизма [там же: 160-161].

Авторы словаря «Русское культурное пространство» [2004] ставят перед собой задачу описания представлений, бытующих в сознании носителей русского ментально-лингвального комплекса и закрепленных за единицами языка, названных прецедентными феноменами. Представление материала в словаре имеет следующую структуру: 1) «фольклорно-энциклопедическая» информация, т.е. то, что можно найти в словарях, энциклопедиях, справочниках и специальных публикациях по русскому фольклору и народной культуре; 2) «стереотипный образ», стоящий за описываемой единицей, основанный на обработке современных текстов, в которых единица функционирует, и на результатах ассоциативных экспериментов; 3) описание условий, при которых возможна апелляция к данному образу и значения, которые данная единица может выражать. В конце предъявляются устойчивые, идиоматические выражения, образ которых мотивирован народными поверьями, фольклорными традициями, стереотипным представлением и т.д. [Русское культурное пространство, 2004: 40-41].

Этнолингвистические словари («Славянские древности» [1995–2004], «Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья» [2004]) также содержат в структуре словарной статьи комментарий, связывающий слово и его функционирование в широких пластах культуры, одним из которых является языковой.

Можно констатировать, что термин «лингвокультурологический комментарий» не имеет одинакового наполнения в разных исследованиях. Это объясняется разницей в объектах комментирования и задачами самого комментария. Однако объединить под одним термином не вполне тождественные виды лингвокультурологической интерпретации позволяет сама идея подобного рода описания, заключающаяся в фиксации и интерпретации специфических значений языковых единиц, не фиксируемых толковыми словарями, но объективно существующих в языковом сознании членов лингвокультурной общности.

Стремление запечатлеть эти специфические значения (культурную семантику, национально-культурный компонент значения, ассоциативно-культурный фон, культурологическую компоненту значения слова и т.д.) и привело к созданию лингвокультурологических и этнолингвистических словарей разного типа. Таким образом, можно утверждать, что возникновение (лингво)культурологического комментария обусловлено практическими задачами и активно используется как инструмент лексикографической практики. Расширенное толкование словарных единиц, включающее «культурные» знания, близко энциклопедическому. В этом плане эталоном энциклопедического представления лексики является фундаментальный труд В.И. Даля «Толковый словарь живого великорусского языка».

Правомерным является вопрос о том, в чем состоит отличие лингвокультурологического комментария от энциклопедической информации.

Это отличие заключается в том, что энциклопедические данные фиксируют только внеязыковую действительность, в то время как лингвокультурологический комментарий описывает культурную составляющую лексического значения слова, актуализирующуюся в реальной коммуникации носителей языка, иначе говоря, объективированную языковым кодом. «Такой конструкт позволяет показать, как «вплетается» в языковую семантику создаваемая в ходе интерпретации семантика культурная» [Ковшова, 2012: 160].

В лексикографической практике стоит вопрос о соотношении и разграничении филологического и энциклопедического принципов описания, иначе говоря, это вопрос о границах словарного толкования. Наиболее четко он сформулирован акад. Л.В. Щербой и коллективом составителей «Толкового словаря русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова: «Толковый словарь — не энциклопедический словарь, задачи того и другого не

совпадают: первый есть словарь языка и толкует слова, второй объясняет предметы, понятия. <...> От словаря языка требуется дать все то, что достаточно для понимания слова, а не знакомства с самим предметом; поэтому от него нельзя требовать не только исчерпывающих, но и полных сведений о предмете» [цит. по Крылова, 2010: 81]. Дихотомия «энциклопедическое определение (толкование) слова – филологическое объяснение (семантизация) значения слова», тем не менее, не является абсолютной: многие авторы указывают на сближение и взаимопроникновение этих подходов в разработке смыслового содержания лексической единицы [Сороколетов, 1986]. Необходимость и необходимость такого подхода констатируется при разработке лексики традиционной народной культуры и обусловлена «представлением о диалекте не только как о лингвистической и территориальной единице, но и одновременно как единице этнографической и культурологической» [Толстой, 1995: 21], поэтому исследователями подчеркивается особая важность внесения «энциклопедических элементов» при составлении словарных статей диалектного словаря.

Итак, идея эксплицитного описания семантики слова с национально-культурным компонентом (культурной коннотацией) возникла в лексикографической практике при составлении прежде всего диалектных словарей, а также словарей для иностранцев, что является вполне закономерным. Именно в случаях презентации слов и выражений иностранного языка, содержащих культурный компонент, значение которых нельзя свести к переводу, необходим лингвокультурологический комментарий.

То же можно сказать и о диалектной лексике, особенно о пласте, называемом специфические реалии крестьянской жизни. Толкование через соотнесение с общерусским словом зачастую не дает полного представления о толкуемой реалии, а иногда и искажает его.

Таким образом, комментарий необходим как при толковании диалектной (в диалектных словарях) и безэквивалентной (в двуязычных словарях) лексики, имеющей специфический этнографический компонент (лексика, называющая факты материальной культуры, обрядово-ритуальные практики и т.д.), так и, по замечанию Е.М. Верещагина и В.Г. Костомарова, при толковании эквивалентных и общерусских лексических единиц.

Закономерным является вопрос об объективности полученных результатов. Критериями объективности могут служить достаточный объем описываемого материала, регулярность воспроизведения культурной семантики в большом количестве контекстных употреблений, корреляция полученных результатов при сравнении с выводами похожих исследований или данными авторитетных источников.

Лингвокультурологический комментарий позволяет выявить «глубину» тех или иных культурных явлений. «Накапливая» и сохраняя культурный опыт языкового коллектива, лексическая единица хранит и удерживает в своей семантике исключительно важные (релевантные) смыслы. В слове осуществляется «кодирование» культурно ценной информации, передаваемой через единицы языка из поколения в поколение. Исследователь проводит «раскодирование» этой информации посредством лингвокультурологического комментария, глубина и объем которого выявляют степень значимости того или иного явления. Таким образом, лингвокультурологический комментарий является исследовательским инструментом при анализе проявлений культуры в языковом знаке и способом «вхождения» в культуру через слово.

В данной работе метод лингвокультурологического комментария направлен на раскрытие культурной семантики лексических единиц, репрезентирующих сферу «детского» в диалектном лексиконе, т.е. задачей лингвокультурологического комментария является обнаружение и описание культурного компонента значения (культурной коннотации) лексических

единиц, репрезентирующих «детское», условия его реализации в контекстном употреблении.

Культурный компонент значения лексической единицы связан с материальной и духовной культурой народа, поэтому лингвокультурологический комментарий включает энциклопедическую составляющую, характеризующую предмет или явление. В энциклопедическую составляющую входят этнографические и исторические данные, сведения о духовной культуре, народной философии.

Составляющими лингвокультурологического комментария являются:

1) анализ дефиниции анализируемого слова с целью обнаружения компонента значения 'ребенок', 'детское', служащего критерием отбора;

2) анализ контекстного окружения единицы, также необходимый в ходе отбора исследуемых единиц. Кроме того, одной из основных задач анализа контекстного окружения является выявление культурного компонента значения. Слово раскрывает разные свои стороны в зависимости от того, в окружении каких лексических единиц оно оказывается, какими отношениями с ними связано, т.е. как оно функционирует в тексте. Культурная составляющая коннотативного компонента лексического значения слова очевидна, но выявить ее можно только, исследуя языковое окружение анализируемого слова, т.к. «реальное функционирование коннотативного компонента – это его реализация в высказывании или же возникновение в процессе организации коммуникативных структур» [Телия, 1996:108]. Выявление культурного компонента значения исследуемых единиц происходит путем изучения их контекстного окружения в высказывании, в котором происходит развертывание культурно значимых смыслов, связанных с анализируемым словом: *Мне жизнь така досталась. С детства сиротство досталось. Не жизнь, а горе* (BC). Такое контекстное окружение лексической единицы *сиротство* ярко эксплицирует представление диалектоносителя о *ребенке-сироте*, т.к. в высказывании не только

констатируется наличие *сиротства* как семейного и социального факта в жизни ребенка, но присутствуют слова, актуализирующие культурные коннотации лексической единицы *сиротство*: определенный культурный сценарий, по которому *сиротство* связано с произволом обстоятельств, не зависящих от человека, вмешательством «слепой» судьбы, жребия (глагол *досталась*), и неизменно связано с «недолей», *горем*.

В зависимости от характера исследуемого слова выявление культурного компонента значения исследуемых единиц также может включать:

3) анализ внутренней формы слова. По замечанию Г.В. Токарева, «специфика восприятия и понимания того или иного явления отражается внутренней формой языковой единицы. Признак, положенный в основу номинации, указывает на то, что стало для языкового сознания существенным, на тот аспект в структуре явления, посредством которого возможно его целостное понимание» [Токарев, 2003: 18];

4) привлечение этимологических данных, поскольку именно культурная коннотация обнаруживает тесную связь с кумулятивной функцией значения [Телия, 1996: 127];

5) экспликацию экспрессивных, эмоционально-оценочных, стилистических компонентов коннотации описываемых лексических единиц с помощью приема идентификации. На фоне нейтрального эквивалента (идентификатора) фиксируются дополнительные экспрессивные, эмоционально-оценочные характеристики лексемы. Например, *суразье мясо* «сураз + *бран.*»; *сиротка, сиротинка, сиротиночка* «сирота + *ласк.*»;

6) привлечение вспомогательных сведений из исследований по истории, культурологии, этнографии и т.д., позволяющее прояснить или дополнить полученные при анализе факты.

Рассмотрим механизм лингвокультурологического комментария на примере единицы *кукла*.

Общерусская лексическая единица **кукла** имеет следующее толкование ‘детская игрушка в виде фигурки человека, чаще девочки’: *Девочка играла да куклу положила резинову туда, большу* (ПСЯЛ); *Наташка завернёт, как куклу таскат* (ВС). Анализ дефиниции позволяет утверждать, что **кукла** принадлежит «детскому» миру, в основном миру девочек (указание в контекстном окружении на единицы *девочка*, *Наташка*).

Анализ контекстного окружения единицы **кукла** в сибирских говорах позволяет выявить культурный компонент значения данной лексической единицы.

Игра в **куклы** – это игра девочек, способ половой идентификации ребенка. В игре происходит проигрывание будущей социальной и семейной роли женщины-матери, поэтому она имеет важное социализирующее значение⁵. Исследователи (И.С. Кон, А.Н. Леонтьев, С.Л. Новоселова, М. Мид, Э. Эриксон и др.) указывают на то, что главной функцией детских игр является не только развлечение, но и приобщение к миру «взрослой» культуры, своеобразная репетиция «взрослой» жизни: «В игре происходит передача социокультурного опыта на постфигуративном уровне, когда дети учатся у своих сверстников, и присвоение основополагающих этнических ценностей, в ней ребёнок учится проверять и воспроизводить реальность взрослых представителей этноса через модели и ситуации их непосредственной жизни в обществе» [Чёрная, 1999]. Игра в куклы воспроизводит традиционную модель семьи (*В перву очередь это, отец, мать, сошьём, потом ребятишек: мальчиков, девочков* (ПСЯЛ)), пространство крестьянского дома, ежедневные ситуации, т.е. путем игры ребенок «присваивает» культуру коллектива⁶.

---

⁵ Ср. прогнозирование социальной и семейной роли в играх мальчиков: *А ему [внуку] купили набор: там-ка фуганок такой, пилочка там-ка, молоточек* (ВС). Диминутивные суффиксы указывают на семантику «детского», однако в лексических единицах отражена точная копия «взрослого» мира.

⁶ В сибирских говорах зафиксированы названия детской игры, воспроизводящей модель дома: *клетка, залажек* ‘постройка из палочек, дощечек и т.п., самодельный домик в детских играх’: *Ну, клетки [делали]. [Как?] Ну как. Вот досочки наставим, палочки забьём там где-то, доски наставим туды*,

Кукла является важнейшим составляющим микромира девочки, является ее постоянным спутником: *Куклы шили, например, в первую очередь* (ПСЯЛ); *Ну они купили платьице положили, это всё хорошенько, наладили куколку с ей положили [в гроб]* (ПСЯЛ); *[Куклы были?] Были, да редко. [Сами делали?] Нет, у меня была кукла. Така вот маленькая, вот така вот. Головка така хорошенька была, я её всё время берегла. Берегла, чтобы никуда не делась. Замуж когда вышла, тогда отдала. Отдала ребятнишонкам. Така красива кукла была* (Том. Пар.).

Кукла в среде сибирских крестьян изготавливалась самостоятельно, руками ребенка, что имеет важное продуцирующее значение (глаголы с продуцирующей семантикой: *шить/нашить, набить*). В акте созидания ситуативно протраивается будущая жизнь девочки: шитье является одним из основных видов женской деятельности, в создании куклы имитируется рождение человека: *Покупных ничё не было [кукол], тогда и не делал никто их нигде. Сами мешки набьём соломой, подушонку каку-нибудь* (ВС); *Сами шили куклы. С тряпок на платьев нашьём. А парнишки придут, покидают, орёшь бегашь* (ВС); *А зимой в куклы играли. Куклы покупаю. Головочки купит мама нам. А это уж тулово сами сошьём, платьица сошьём* (ВС).

Для игры в **куклы** релевантной является оппозиция «сделанная своими руками (кукла)» - «купленная (кукла)», которая, с одной стороны, может указывать на материальный достаток семьи, с другой, указывает на важность продуцирующих действий в игре: *Куклы шили, например, в первую очередь... теперь чего играть-то, куклу купишь да и всё* (ПСЯЛ);

изделаю тут как дверь, а там шкафчики изделаю..., и вот это там-ка наладить. Клетку покромлю кода. Клетка. Ну и залажек – то же само... Куколков этих тоже внесём в клеточку тоже потчует (ПСЯЛ). Ср. также «проигрывание» детьми повседневных ситуаций: *Была кукла. Печки делали из этой из глины. Сделаю, где высокое место, сделаю. Стряпушки стряпать пойдем. Там жили ..как..ласточки. Пойдем, в норах достанем яйцы, из нор из этих. Рука-то у нас маленька была, кого... Достанем яйцы, ну как... видели, как мама шаньги стряпала, щас постряпам из белой глины, тесто шить, печку затопим, дымится она, в трубу дым идет. Мы постряпам, постряпушек таких наделаю, разобьем яйцы в какой-нибудь черепушечке, туда белую глину насыпем, не черную, а белую и сверху на шаньги намажем – и в печку. Лопатки были такие. И угошаем* (Том. Пар.).

В качестве материала для изготовления **куклы** использовалась **солома**: *Я умею делать куклы из соломы (ВС), кулайки/куланки* ‘лоскуток, тряпочка, обрезок материала’: *Воровка была девчонка, вот и стащила [платок]. Воровата была. Весь на кулаечки извела: на куколки, то на юбку, кофту шила (ВС); Кулайки – мелкие тряпки в куклы играть; Наме кулайки вам, играйте; Твои кулайки где? Куклу одеть надо; Куланки – это от в куклы играть. Всё так девчонки звали (СРСГ).*

Лингвокультурологический комментарий материала позволяет выявить семы ‘женский пол’, ‘будущая жизнь’, ‘созидание’, не входящие в дефиницию лексемы **кукла**, но присутствующие в коннотативном компоненте значения, что доказывается регулярностью их экспликации. Таким образом, **кукла** – это ‘игрушка девочки, с которой связана передача коллективного опыта и подготовка к жизненным ситуациям в будущем, является способом трансляции созидającego начала’. Этот вывод подтверждается и в работах круга исследователей, указывающих на значимость куклы в онтогенезе (И.А. Морозова [2006, 2010], М.П. Чередниковой [2006], М.С. Костюхиной [2006], Е. Мадлевской [2005], Т.Е. Карповой [1999]).

Выводы

Одним из ключевых терминов, используемых для описания культурной информации, заключенной в единицах языка, является понятие *языковой картины мира*, которое в силу своей метафоричности и широкого смыслового потенциала не может полностью удовлетворить потребности лингвистики как самой строгой из гуманитарных наук.

Поиск более структурированной формы представления языковых фактов привел к созданию лингвистического портрета, который имеет значительное число разновидностей в зависимости от вида анализируемой языковой информации, а также характера «портретируемого» явления. Одной из

разновидностей лингвистического портрета является лингвокультурологический портрет, основанный на инвентаризации и структурировании культурной информации, полученной путем анализа языковых единиц.

Создание лингвокультурологического портрета включает отбор исследуемых единиц, их классификацию, лингвокультурологический комментарий, эксплицирующий культурные коннотации отобранных единиц.

Лингвокультурологический комментарий включает анализ словарной дефиниции и контекстного окружения рассматриваемой единицы, а также анализ внутренней формы слова, привлечение этимологических данных, экспликацию экспрессивных, эмоционально-оценочных, стилистических компонентов коннотации описываемой единицы. Вспомогательными являются сведения из исследований по истории, культурологии, этнографии и т.д.

Основанием создания лингвокультурологического портрета в данной работе являются диалектные лексические единицы с компонентом значения 'ребенок' ('дети'), 'детское' (семантикой «детского»).

Выбор *ребенка* в качестве объекта портретирования обусловлен вниманием к сложному феномену детства со стороны ряда гуманитарных наук: этнографии, культурологии, философии, психологии, истории и др. Детство является обязательной составляющей онтогенеза: стадию детства проходит любой человек. Особенности процессов, происходящих в детстве, имеют фундаментальное значение для воспроизводства культур. Статус детства как феномена культуры позволяет предположить, что представления о ребенке являются основополагающими для культуры и имеют словесные формы бытования.

Сказанное свидетельствует о правомерности исследования единиц диалектного языка с семантикой «детского». Создание лингвокультурологического портрета *ребенка* нацелено на выявление культурных представлений диалектоносителей о восприятии детей и связанной с ними части «взрослой» культуры.

Глава 2. Лингвокультурологический портрет *ребенка* в говорах Среднего Приобья

2.1. Общие (родовые) наименования детей

К общим (родовым) наименованиям детей безотносительно пола или возраста относятся имена существительные с корнем *-реб-* и *-дет-* (в единственном и во множественном числе, см. ниже), которые, как правило, имеют дополнительный экспрессивный компонент, находящий формальное выражение в использовании уменьшительно-ласкательных суффиксов. В словаре подобные единицы содержат помету «ласкательное». К ним относятся общерусские лексические единицы с суффиксами *-ишк-*: *детишки*: *Чувствую, что пойдут домой детишки, всё разберут* (ВС); *-к-*: *детки*: *Это детки посадили [берёзу]* (ВС), *-очк-*: *деточки*: *Молодёшенька умерла. Двое деточков остались* (ВС). Статистические данные ВС указывают на частотность употребления диминутивных образований с корнем *-дет-* (16 словоупотреблений), что свидетельствует о языковой выраженности эмоционального отношения к детям. Диалектные варианты общерусских слов и собственно диалектные единицы, называющие детей, также имеют в морфемном составе уменьшительно-ласкательные суффиксы, например, *-ушк-*: *детушки*: *Отпусти ты меня, офицер молодой, К малым детушкам, к родной матушке...; У соседа детушки толочно хлебают... (из песни)* (СРСГД); *-ёнок-*: *детёнок*: *Детёнки в книгу заглянут – и понимают; У брата идного четыре детёнка; Четырех ли пять ли детёнков вырастил чужих; За своего детёнка и еще отвечай* (СРСГ); *ребятёнок*: *Сама шкрою рубашонки, штанишки ребятёнкам* (ВС); *-ёночек-*: *детёночек*: *У ней ни одного детёночка не было своего* (СС); *робёночек*: *Поносом заболел Шура, в Самуську повезла, он ешо робёночек был* (СРСГД); *-ёныш-*: *детёныш*: *Хоть один бы детёныш был* (СС); *-ул-(я)-*: *детюля*: *Свою*

детюлю кто не любит (СРСГД); **-ишк-: ребячишки:** Ребятиш^иков у нас двое (СРСГД); **-уньк-: ребятуньки:** Раньше у нас полати бывали. Ребятуньки заберутся, как тараканы. Там тепло (СС); **-ищонк-: ребятищонки:** На печку, значит, сделают два порога, чтобы это... залазить можно. А то ребятищищонки ма^леньки, не могут залезти (ПССГ); **-ишоньк-: ребятишоньки:** А мы, ребятишоньки, бегам, бегам всё кругом (СС); **-ишечк-: ребятишечки:** У меня тоже были ребятишечки, как родятся зимой – чуть не у всех умрут; Дёрнула – а ворота на заломке. У ей ребятишечки там ма^леньки, она не выпуска^т, сильно следит за имя (ПСЯЛ) и др. Длина вариативного ряда номинаций детей указывает на эмоциональное отношение к детям в русской традиционной культуре, восприятие их как ценности.

Большое количество детей в крестьянской семье, традиционный уклад жизни, основанный на коллективном бытовании, обусловили взгляд на детей как на нечленимое множество, следствием чего являются обозначения, содержащие сему собирательности. Семантика множественности содержится в самом корне –*дет-*, оформляющем множественное число слова *ребенок*. Эта же идея представлена в собирательных существительных, называющих детей: **детвора:** Робила иш^ибо, семья была. Детвора была ма^ленька всё (ВС); **детва:** Посодишь детва^м морковь; Начина^т уже детва бегать (СРСГ); **детура:** У нас полати, в каждом доме полати были. Вот лезешь туда на полати, на полатях вся детура. Не мешались никогда, когда гуляют. Загонят нас как этих баранов. Мы на полатях (Том. Пар.). Семантика нечленимого множества, собирательности транслируется также через словообразовательные форманты. Так, в говорах Среднего Приобья продуктивными являются словообразовательные модели с суффиксами, обозначающими группу лиц как совокупность, например, суффикс –*ёжь-* (ср. общерус. *молодёжь*, диал. *холостёжь* ‘неженатые парни’): **ребятёжь:** Щас вот зиму котёл топил, а щас дворы охраняю, чтобы стёкла не побили ребятёжь (СС); суффикс –*н-(я):* **ребятня:** А купаются, те года ребятня

купается, и перебредали туды (BC); детня: Сколь детей было, всех вырастила, до дела довела, а почёту нету. В девках счастья не было, а потом детня навалилась; В гости собирается, обязательно гостинец берёшь, слатенький гостинчик ребятишкам. Угостить надо. Детня всегда дожидает, чего принесёшь: «Баб, чё принесла?» (CC).

В лексиконе среднеобских говоров присутствуют собирательные наименования детей, немотивированные с точки зрения современного русского языка: арда (орда), челядь (челедня, чередня), сарынь (сарыни, сарынишки, сарынята, сырында). Однако этимология этих слов указывает на их образную мотивированность. Как отмечает Т.А. Бернштам, «среди собирательных названий особенно широко употреблялись <...> поведенческие термины, характеризующие физическую, умственную неполноценность, стихийность («дикость») этого возраста» [Бернштам, 1988: 25]. Так, например, в словаре М. Фасмера укр. и блр. орда «беспорядок, шум», др.-рус. орда «стан, кочевье» [Фасмер, Т.3: 150]. По-видимому, идеи шума, беспорядка, множественности как характерных свойств детей в восприятии взрослых лежат в основе номинации арда (орда) ‘дети’: Арда шибко непослушина; Мать-то разошлась с мужиком уж давно. Арда осталась одна; Шишки арда таскает; Арда собралась, мешаются, бегают тут; Уж така арда стала, ничо нипочём (СРСГ); Когда дети бегают, играют что-нибудь: «Ух вы, орда, разбушевались!» (СОС); За ордой наблядывать [наблюдать] надо. Теперь вода, так и гляди, где утонет (CC); Хлюзди – на талине молоденьки листья развиваются, едят её арда (СРСГД). Та же идея шума заложена в номинации орава ‘то же, что арда’: Ну, оравы вного у тебя, парень (СРСГ), которая объясняется как ступень чередования с реветь, а также возводится к глаголу орать [Фасмер, 2004, Т.3: 147].

Относительно лексической единицы челядь (челедня, чередня) (Челядня под окнами всё вырвала (СРСГ); Челядь – маленьких зовут. Челядь наберётся – это ребяты; Всяко зовут: ребятишки и арда и челядь (СРСГ);

Ндравится ему, да чередня-то – мелочь; он и боится ехать (СРСГД)) Т.А. Бернштам дает следующий комментарий: «Слово «челядь» в общерусском масштабе давно уже имело социальный смысл и в XIX веке считалось анахронизмом: так назывались когда-то «невольные люди» (крепостные), а также члены семьи, родственники, слуги. <...>. В качестве возрастного названия «челядь» имело насмешливый оттенок в устах совершеннолетней молодёжи, когда подростки осмеливались появляться на ее сборищах» [Бернштам, 1988: 27]. Этимологи сближают слово *челядь* с индоевропейским корнем *k^uel- со значением «род», «клан», «стая», «толпа» [Черных, Т.2: 378-379].

Что касается лексической единицы **сарынь** (и ее производных), то в словаре М. Фасмера она возводится к др.-русск. *сара, сар* «матрос» [Фасмер, 2004, Т. 3: 564], возможно, проводится параллель между матросами и толпой озорных детей: **сарынь** ‘устар. Дети’: *Сарынь собралась мешаться тут; Я никого не держу, семейных не беру с сарынями; Ох, уехала компания! А сарынь кака баловна!* (СРСГ); *Ну, мама-то всё «сарынь» звала; Сарынь, тоже, перво слово было, сарынь, раньше же. [Это тоже про детей?] Ну, сарынь. «Сарынь много» скажут. Теперь от говорят: «ребятишек много» или «детей много», а раньше «сарынь». «Сарынь много. Сарынь там дополна». Пошто звали? Сарынь-то чё тако? Я не знаю* (ПСЯЛ); **сарыни**: *Таня всё передразниват, переговариват, мол: «Сарыни, вы не брали серянки?»* (ПСЯЛ); *[А детей как называли?]* – *Сарыни, ребятишки, дети. И отца называли тятей, а у них уж дети папой звали* (Том. Том.); **сарынята**: *А на детей всякого говорят и сарынята тоже. «Ну, сарынята, - кричит, - куда?»; Сарынят-то много* (СРСГ); *[А детей как у вас называют?]* *Сарынь называют, сарынята* (Том. Том.), **сарынишки**: *Сарынишки – это ребятишки* (СРСГ); *[Раньше «сарынь» звали?]* *Сарынь. Ну, мама-то всё «сарынь» звала: «Сарынишки! Айдайте ись!»; Это раньше я помню, это сарынь. «Сарынишков мно-ого», счас зовут «ребятишек мно-ого», «детей ли много»,*

а там «сарынь» (ПСЯЛ); *сырында* ‘собирает. Ребятишки’: *Вся сырында* (ребятишки – собиратель) (СС).

Семантика собирательности, выражающая идею большого количества детей как нерасчлененного множества, воплощена в образных, метафорических наименованиях, содержащих в лексическом значении семы множественности и маленького размера. Так, для всех русских говоров продуктивной является модель метафорического переноса «насекомые» > «маленькие дети»⁷, в говорах Среднего Приобья эта модель представлена лексической единицей *саранча*: *Ребятишки называют саранча. Саранча, гыт* (СРСГД); *Когда собирается много [детей], саранча собралась, гавриками зовут* (СОС). Идея маленького роста ребенка в сочетании с семантикой множественности воплощена в лексеме *чапыжники* ‘перен. Дети’ (от *чапыжник* ‘частый кустарник’): *Восемь женских идут. А за ними чапыжники бегут. Интересно на своих матерёнешек глядеть* (СРСГД).

К общим наименованиям детей также относится один из лексико-семантических вариантов единицы *гаврик*, которая в ТДС имеет 3 варианта толкования: 1) ‘ребенок’: *С ей разошёлся, а у ей восемь гавриков осталось; Гавриков много народила; Дети они дети и есь. Вон их гавриков цела орда* (СРСГ), 2) ‘шутл. Мальчик, юноша’: *Гаврик – маленький мальчик; Да вот этот, счас пойдёт служить, гаврик-то; [у вас много сыновей?] – Восемь гавриков!* (ПССГ) и 3) ‘непослушный ребенок’: *Плохих детей называют гаврики, сарынь, а умного детёнка так не называют* (СС). Н.П. Федосеева и И.А. Подюков дают следующую трактовку данной номинации: «Название ребенка *гаврик* ... мотивируется, вероятно, народной символикой имени. По В.Далю, имя *Гаврил*, означающее силу Божию, известно в говорах и как

---

⁷ Ю.А. Кривошапова, характеризуя этномологическую лексику, отмечает, что на «признак размера ориентированы вторичные наименования, образованные от названий насекомых и обозначающие, в частности, маленького ребенка или человека небольшого роста, ср. диал. *жуклёнок* ‘малый ребенок’, *клопышка* ‘маленький ребенок’, <...> разг. *клоп* ‘шутл. о маленьком ребенке’. При этом нейтральный признак «маленький размер» легко трансформируется в оценочный «презренный, ничтожный»: диал. *вошь, дай мне грош* ‘о самонадеянном мальчике’, *вишвик* ‘бранное слово (по отношению к детям)’» [Кривошапова, 2007: 98].

нарицательное – простак, простофиля, разиня; в ряде говоров, впрочем, им характеризуют и хитрецов. Общеотрицательная окраска слова перекликается с народным восприятием дня в честь архангела Гавриила (26 марта ст.стиля) – *все, что родится на день Гавриила, уродливо, неспоро; прясть на Гавриила – работа не впрок* (ср. южное *гаврить* ‘делать кое-как’))» [Федосеева, Подюков, 2006: 73].

Таким образом, в общих номинациях детей находят выражение установки традиционной культуры, согласно которым ребенок является ценностью, что выражено в семантике уменьшительно-ласкательных наименований, представленных большим вариативным рядом. Собираательные номинации указывают на восприятие детей как нерасчлененного множества, что продиктовано традиционным крестьянским укладом. Также лексемы, номинирующие детей, отражают идеи «малости», стихийности, «дикости», озорства, простоты, т.е. характерных черт периода детства.

2.2. Возраст ребенка в номинативных единицах

Невзрослость, малое количество прожитых лет являются одним из мотивационных признаков, лежащих в основе наименований детей. Семантика «малости» находит выражение как в общерусских, так и в диалектных единицах с корнем –*мал-*, например, **малолетка** ‘ребенок малого возраста’: *А там малолетки всё* (ВС). Важно отметить, что в существительных, называющих детей, значение ‘невзрослый’ и значение ‘маленький по размеру, небольшой’ зачастую являются нерасчленяемыми: **малыш, малышок**: *Крупный малыш, ему только три, четвёртый год; Силос – на силосе все малыши. Пять лет-восемь лет – он уж волокушу возит или боронит; А ей уж малышку третий год* (ВС), *Это дело малышков учили, девочек в разных училищах. Учили крепко, и чечас помню всё* (МДС);

***малю́тка:** Как я згляну на малю́тку и слеза́мя вся залью́сь (из песни); Улестил мило́й словами. Он уехал и оставил мне малю́тку на руках (из песни) (ВС), **размалю́тка:** Хочу детей своих, размалю́ток, ко белой груди прижать (из песни) (СРСГД); **малы́га:** Всяко скажут: и малыш, и малы́га, на маленького (СРГСД). На ядерное положение семы 'маленький' в структуре лексического значения единиц, называющих детей, указывает их переход из атрибутивов в субстантивы: **мало́й (малы́й), малая́:** Моего мало́го не видели? (СРСГД); Разошлись с ём, малы́й утонул. Всю жизнь в пережизнках. Как вспомнишь, воскресного путя́вого не увидишь (СРСГД); И Люда всё равно бойка. Матрёна матерится с овечками, а е́та, малая́, её дразнит. Разве можно? (ВС); Никто не любит старых... старых да малых (ПСЯЛ); **маленький** 'ребенок, дитя': У меня все свои чёрный едят, а маленький тот тоже чёрный хлеб ест; Не пускали покататься, поиграть, маленьких заставляли прясь (ВС); Молода́ така́, а уже маленький. Она же сама, как ребятёнок, много лет не дашь (СОС).*

Лексические единицы говоров Среднего Приобья, называющие детей по признаку возраста, можно разделить на несколько групп: 1) новорожденные и младенцы, 2) дети в период между младенческим и подростковым возрастом, 3) подростки. Рассмотрим каждую из групп последовательно.

1. Наибольшее количество номинаций относится к детям младенческого возраста.

Рядом учёных (В.В. Колесов, Т.А. Бернштам, А.К. Байбурин, А.Б. Коконова, Д.А. Баранов, И.А. Подюков и др.) отмечено, что по отношению к новорожденным и младенцам часто применяются обозначения среднего рода. Указание на биологический пол игнорируется «вследствие архаического восприятия ребенка как бесполого, неполноценного и социально незначимого существа» [Колесов, 1986: 87]: **дитё́:** Дитё́ моё, малыш (ВС), Дитё́ у меня без работы не будет, хоть и же́нска; Поедем с дитём (СРСГ); **дитятко́:** Ну, дома-то мамка ждёт не дождётся дитятко своё (ВС);

дитя́тя: *Дитя́тя, по́йди, ро́дный, те́мпературни́к при́неси* (СРСГД). Подтверждением этого тезиса может служить и наличие грамматического варианта лексической единицы **дитя́ (жен. род):** *Ой, хо́ть кака́ бы, да дитя́ была* (ВС); *Как же это я свою́ дитю́ брошу́? Он и говори́т, что вме́сте бу́дем жи́ть, а те́перь не загля́дывает* (СРСГД); *А дитю́ на́до все́гда ра́стить, дитя́, у́ж кака́ бы она́ не была́, но дитя́* (Том. Том.). Ср. также существительные общего рода: *За второ́го вы́шла, де́тину на́жила, да и уи́шла от не́го* (СС). «В еще большей степени на неоформленность статуса новорожденных указывает, например, называние их мальчиками независимо от пола» [Байбу́рин, 1993: 41]. Данный факт объясняется этимологическими сведениями: так, слово *ма́льчик* образовано от существительного *ма́лец (ма́льць)*, а оно от прилагательного *ма́лый* [Черных, Т.1, 1999: 505]. Доминирующим признаком в данном случае также является семантика малости. Материал диалектологической экспедиции 2012 г., в которой участвовал автор, вносит корректировку в этот тезис: *па́цанами* вне зависимости от пола называют детей и более старшего, чем младенческий, возраста: *Как у нас Ма́рия то́же Во́лкова...ой...Охре́менко жи́ла. Два́ у е́й па́цана, де́вочка и ма́льчик. Све́тка бы́ла и Ви́тька бы́л, Ви́ктором па́цана. Афо́нька са́м [му́ж] бы́л, е́го уби́ли на фронте. У е́й э́ти дво́е де́тей* (Пар. Том.).

Идея появления на свет тесно связана с семантикой нового, выражаемой во внутренней форме единиц диалектного лексикона: **ново́рожде́нец** ‘новорожденный’: *А ка́к но́вый кто наро́дится, та́к то́т ново́рожде́нец на́зывается* (СС); **ново́рожде́нный** ‘только что родившийся, младенец’: *Я ду́маю, та́м все́, наро́дился кто-то. Ну, с че́м ва́с проздрáвить, кто у ва́с наро́дился, ново́рожде́нный-то?* (ВС). Корень *–род–* указывает на недавнее появление на свет: **на́рожде́нный** ‘новорождённый’: *На́рожде́нных не́ту. Две се́мьи де́тей це́лая бри́гада* (СС).

Христианская идея появления детей по воле Бога выражена в эвфемистическом наименовании **Божья прибыль** ‘устар. Новорожденный’: *Сватьяушка, прошу тебя сегодня вечером быть у нас [на смотринах]. – Дай бог счастья вашему сыночку... А чичас маленечко выпьем за Божью прибыль* (Том. Карг.).

Корневая морфема слова **младенец** (**молоденец**) указывает на возрастной аспект в восприятии ребенка, т.к. транслирует идею «молодости»: *С гуся вода, с младенца Володи вся худоба, уроки и призоры, скорби и болезни... (наговор) (ВС); Агания говорила, и Марина здесь была, говорила – «уж шибко, гыт, баба Вера, хорошенький». Я говорю: «Ну молоденец, как раньше шийтали – ангел» (ПСЯЛ).*

Младенческий и детский возраст может обозначаться через прямое указание на количество лет: *Уж одной [девочке] шесть лет, а другой три года (ВС); Вона Ирка маленька, один годик, и взяла маленьку чайну ложечку и выпила винца (ВС);* или через прилагательные, образованные по модели ‘числительное + корень — -недел-, -месяч-, -год- и т.п.’ и имеющие словарную дефиницию ‘возрастом в ... недели (недель)/ месяца (месяцев)/года (лет)’ (например, **двухнедельный** ‘возрастом в две недели’: *Я обет клала: буду жива, возьму ребёнка. Двухнедельного взяла из томского детдома (СС); пятидённый* ‘пятидневный’: *И была еще одна пятидённая [дочка] (СС); двухлетний* ‘возрастом в два года’: *Я дак вот ни отца не знаю, ни мать, вот така была двухлетня (ВС); шестимесячный* ‘возрастом в шесть месяцев’: *Нажил ребёночка в городе и привёз шестимесячного, так я сама его ростила (ВС); Наградил он меня сыном шестимесячным, а сам уехал с молодой женой (ВС); семимесячный* ‘возрастом в семь месяцев’: *Она семимесячного взяла [ребенка]. Цёрненький, черноглазенький, носастенький такой (ВС); восьмилетний*: *Ребёночка оставила восьмилетнего (ВС); полторагодовый* ‘полуторагодовалый’: *У меня одна девочка полторагодова умерла (СРСГД)),* либо через лексемы с корнем –год-: **годовой**: *Перва*

девочка воспой умерла, годова была; Один [ребенок] годово́й помер (СРСГД), *годовик, годовичка*: *Годовик* – ребёнок (Том. Пар.); *Говорят годовичка. Год ребёнку* – значит, *годовик* (СС); *Ежли ребёнку год пройдёт, говорят* – *годовик* (МДС); *годовушечка*: *Дочку привезли, годовушечку* (СРСГД); *второгодник*: *На ножках не ходит* – младенец, *в пелёнках ешию*. *А годово́й назывался годовик, а два года* – *второгодник* (МДС). Обозначение возраста через существительное свидетельствует о выделенности первого года жизни, достижение ребенком возраста в один год является своеобразным рубежом. Однако, как отмечает Т.А. Бернштам, «в разных областях России наблюдается отношение к младенчески-детскому возрасту <...> как к безвременному <...> младенцам и детям, по народным представлениям, еще не полагались названия, образованные от понятий времени и природно-биологического роста, поэтому встречающиеся «временные» термины этого возраста мы считаем поздним образованием» [Бернштам, 1988: 25-26]. «Новорожденный (младенец) и ребенок, в среднем до 5-7 лет, имели внеполовые названия, характеризующие их физический рост и соответствующее ему поведение» [Бернштам, 1988: 26]. Какие характеристики лежат в основе наименований ребенка, что можно считать маркерами младенческого возраста и каким образом они отражены в семантике номинативных единиц?

Маркёры младенческого возраста в лексических единицах. Номинации ребенка в младенческом возрасте отражают идею наличия некоторых характеристик, присущих младенцу, среди которых неумение ходить и говорить, отличный от взрослых способ питания, связь с определенными предметами и т.д. По мысли А.К. Байбурина, этапы взросления ребенка коррелируют с появлением признаков, свидетельствующих о переходе ребенка в мир социума и позволяющие наделить его статусом «свой» («открытие» органов, способность ходить,

появление первых зубов, введение различий по признаку пола и др.) [Байбурин, 1993]. Эти этапы «взросления» отражены в номинациях ребенка.

Неумение говорить, являющееся маркером младенческого возраста, закреплено в лексических единицах, в основе мотивации которых лежит признак «издаваемые звуки», например: *кувя (кува), кувячка, кувяка* ‘новорожденный, младенец’ (от звукоподражания, связанного с плачем младенца): *Сын пока ходил в армии, служил. Приходит, а она нажила кувя, дитё. Нихто не виноват (СС); [Кува – это что?]* Девочка или мальчик, конешно, плачет он так, это же кува – маленький детёночек родился. «Кува-а, кува-а» (Том. Пар.); *Родилась у меня маленька кувячка, а его взяли в японску войну, а я осталась. Поехала его провожать в Харбин, уж да простудила дочку (СРСГД); А она говорит: «На холеру мне сдались таки женихи! Кувя... Привезут, гыт, кувяку, будешь водиться сидеть! А они... Не надо мне таких женихов» (ПСЯЛ); *пискуль, пискулька* ‘ребёнок’ (от пищать ‘издавать писк’): *Вон у меня пискуль пишишыт (СРСГД); Пока зыбка туды-суды ковыляется, я корову подою... Он приезжат, сидит с ребёночком, пискулька у меня кака (СРСГД); *воркун* ‘маленький ребенок, который произносит неясные звуки, лепечет’: *Воркун – так у нас на маленьких говорят. Он ешио говорить-то не умеет, а всё воркует, воркует что-то; Воркун – это маленький ребёнок. Сидит себе, играет, и всё что-то себе воркует, воркует; Воркун – воркует, это маленький ребёнок только. Говорит себе, воркует что-то (СОС); Воркун – эт кода говорит, а маленьких – пока он уж ворковать начинает (СС).***

Маркером младенческого возраста является способ питания, от которого образованы следующие наименования младенцев: *грудник, грудничок, сосунок* ‘грудной ребенок’: *Когда грудь сосет – грудник, грудничок и сосунок, раньше ведь больше сосали (СС).*

С младенцем связаны определенные предметы, воспринимаемые как его неотъемлемые атрибуты. Лексемы, называющие предметы детского быта

(например, колыбель, пелёнка), становятся мотивировочным признаком при обозначении младенческого возраста: **зыбочный** 'имеющий такой возраст, когда лежат в люльке' (от *зыбка* 'люлька, колыбель'): *Я от отца и деда зыбошный остался* (СРСГ); **пеленишный, пелиношный**⁸ 'маленький, в том возрасте, когда пеленают': *Пеленишная она у меня ешиш была* (СС); *Я от деда пелиношный, зыбошный остался* (СС).

Первый год жизни ребенка ознаменован появлением двух основных умений, воспринимаемых в традиционной культуре в качестве главных признаков человека, отличающих его от прочих живых существ: умение говорить и ходить. «Речь и ходьба в традиционных воззрениях воспринимаются параллельно, как самые яркие признаки человеческого» [Седакова, 1996: 284].

Мифологическое осмысление ходьбы, вертикальной ориентации в пространстве отражено в семантике языковых единиц⁹. Отсутствие умения ходить как черта младенческого возраста закреплено в лексеме **ползунк** 'ребёнок, еще не умеющий ходить': *Няни за грудными...за ползунками* (ВС).

Описание присущих младенцу качеств, набора признаков, через которые традиционная культура осмысливает его, может происходить по принципу

---

⁸ Ср. также обозначение детского возраста (или его окончания) через референцию с «детскими» предметами: **с пелёнок** 'с раннего детства': *Одного рошшу, а этого с пелёнок взяли, и здесь он у меня учится* (ВС); **из пелёнок** 'стать взрослым, самостоятельным': *Только из пелёнок, а уже к бутылке тянется* (СОС).

⁹ Необходимо отметить связь идеи «стояния на ногах» с идеей жизни. «Ноги связаны с идеей пути, в том числе жизненного пути человека, ср. выражения *встать на ноги, стоять на ногах, слабеть ногами*. Процесс взращивания и воспитания ребенка описывается в рус. языке такими фразеологизмами, как *поставить на ноги, начать ходить*. Одним из главных пожеланий новорожденному была формула: «Ножки, ходите, своё тело носите... Не будь седун, будь ходун...» [СД, Т. 3: 424]. В говорах Среднего Приобья данная тема реализуется в сочетаниях **быть на ногах**: *Старик помер давно. Детишки на ногах были, больша то есь. Старишуй-то, Михаил, в войну убит* (СРСГД), **на ноги поставить** 'воспитывая, довести до самостоятельности': *И детей своих всех на ноги поставила* (ПССГ), **на ноги поднять**: *Хозяин дельный был, толк в хозяйстве знал, до всего у него руки доходили. И то сказать, как нас шестерых на ноги поднять* (МДС).

С идеей «стояния на ногах» связана идея вертикали, вертикального положения в пространстве: **воздымать** 'растить, ставить на ноги (о детях)': *Пока детей воздымала, нету ничё* (СРСГД); **поднять** 'вырастить детей, поставить на ноги': *И всё равно вырастила семерых, подняла* (СОС); **восстановить** 'поставить на ноги, вырастить': *Но а Вася-то у меня, он десять кончил, щас все уж Томском живут. Зато Нинку я восстановила, вырастила* (СС). Таким образом, мотив стояния, вертикали приобретает сверхэмпирический смысл, связанный с идеей жизни и жизненных сил, ср. также **на ноги поставить** 'вылечить'.

«от противного». Так, отклонение от нормы развития, по которой ребенок должен в определенном возрасте начать ходить, отражено в лексеме **седук** ‘ребенок, который долго не становится на ноги, не начинает ходить’: *Седук – ребёнок, сидит, год-два не ходит* (СРСГД).

В русской традиционной культуре одной из неотъемлемых черт младенца считалась немота, неумение говорить. Так, в словаре М. Фасмера «немчик малыш, ребенок, который еще не говорит» [Фасмер, 2004: 62]. «Если глухота... ассоциировалась со старостью, то немота – с младенчеством» [Байбурин, 2005: 386]. Способность говорить – один из этапов в развитии ребенка, наряду со способностями видеть, слышать, ходить, которые возникают в результате совершения специальных обрядов. «Ребенок не умеет говорить не потому, что еще не пришло время..., а потому, что его язык находится в «связанном» состоянии». На обретение ребенком дара речи были направлены ритуальные действия, целью которых было «развязывание языка» [там же: 388].

В лексиконе сибирских говоров для обозначения немого человека используется лексическая единица **немтырь**: *Это по природе. Природа человека идолеет. У Катеринушки по природе немтыри. Степану говорили: «Степан, зачем берёшь Анну, она наносит немтырей». А у ей все говорят, а у Катерины двое немтырей, Люся совсем не слышит* (ВС); *У Ирины Ивановны девочка больша, красива, а немтырь. Ничё говорить не может, только мычит* (СРСГ); *Немой человек, немтырь, чё с им разговаривать. У нас девка была, дак немушка звали* (СРСГД), однако исследуемый материал дает основания выделить у лексической единицы **немтырь** лексико-семантический вариант ‘ребенок, который долго не начинает говорить’, отмечающий отставание в развитии речи: *Такой рослый мальчик, такой здоровый, а говорить ничё не говорит. Сватья говорит, он в отца немтырь, тот долго не разговаривал. А этот всё понимают, а немой и всё* (МДС); **Немтырём** *немтого ребёнка зовут, который долго не говорит* (МДС).

Таким образом, можно утверждать, что в традиционной культуре ребенок в младенческом возрасте осмысливается как носитель некоторых присущих ему отличительных черт. Производимые звуки (как оппозиция говорению), неумение ходить (как противопоставление хождению, вертикальной ориентации в пространстве), нахождение в колыбели, пеленание являются характерными признаками младенца. Онтологические свойства ребенка отражены также в семантике единиц, называющих отклонение от нормы (ситуация минус-приёма: *немтырь* ‘ребенок, который должен начать говорить к определенному возрасту, но не говорит’, *седук* ‘ребенок, который должен начать ходить к определенному возрасту, но не ходит’).

2. Дети старше младенческого возраста, как правило, получают наименования, содержащие сему ‘пол’: **мальчик** ‘ребенок, подросток мужского пола’ (и его экспрессивно окрашенные производные, например, **мальчишонка**: *Что за мальчишонка такой вредный растёт! Я б ему дала баню, да сама себя жалею: мне ведь врач сказывал, никак нискоко нельзя нервничать* (СС); **мальчончишка**: *И мальчончишка тоже называют. Ну, это, конечно, маленький; И девчончишка, и мальчончишка – вот они худеньки, маленьки, вот и зовут. Это и не ласково, и не ругательно. Просто так. Для них-то обидно, да* (СС), **мальчишок**: *Мальчишка жалко только. А он дельный парень* (ВС); **мальчонка**: *Мальчонка, парень-то орёт* (ВС)), **парень** ‘мальчик’: *Парню – ребёнку в зыбку прилетела пуля-то* (СС) (и экспрессивно окрашенные производные: **парнишка**: *В первый класс ходит парнишка* (ВС); **парнишонка**: *Она бы пошла на работу, парнишонка один* (СРСГ); **парнёнка**: *Вот девочка, парнёнка и всё; Парнёнка такой рабочий. Ему шестнадцать нонче идёт, хороший парнишка* (ВС); **парнёнок**: *Они с парнёнком собирали деньги и молоко; Её парнёнок к нам ходит* (ВС); **парнёнчек**: *Пойдет сам (муж), де по миру ходит да кормит её да парнёночка да* (СРСГД), **парнёночка**: *Парнёночка у их есь* (СРСГД);

***парнечок:** Один раз выпряг конев мужик. И пошел парнечок путать их. Да кони-то растаскали его (СРСГД); **парнянка:** А парнянка у их дурачок (СРСГД); **парнячка:** Парнячка таперь большой (СРСГД); **парнейчик:** Там парнейчик ешио, четвертый год (СС); **парнечек:** Тамара-то умерла, парнечек-то остался с чужим мужиком, а к отцу не пошёл; Куда, Саша? Сволочь какой, прости меня, Господи. Постылый парнечек (ВС); **парнёчек:** Родила парнёчка (СС); **парнищечка:** А мальчонка говорят, когда маленький парнищечка (СС)), **девочка** ‘ребенок, подросток женского пола’ (и экспрессивно окрашенные производные: **девчончишка:** Девка она, а её назвать девкой нельзя, девчончишка. Конечно, маленька девчончишка, большу-то не назовёшь (СС); **девчончка:** Она танцует, сама така девчончка да хороша (ВС); **девчушка:** Девчушка в семой перешла (ВС)). Таким образом, для детей старше младенческого возраста признак пола становится релевантным. Отчасти это объясняется тем, что дети с раннего возраста вступали в трудовую деятельность, сферы которой делились в соответствии с полом. Большой ряд номинаций, содержащих экспрессивные компоненты, свидетельствует, с одной стороны, о трогательном, нежном отношении к детям, с другой – о некотором пренебрежении в их адрес.*

3. Переходный возраст ребенка – время его взросления, становления, период, когда подросток занимает промежуточное положение как в семье, так и в крестьянской общине. Подростковые номинации содержат семантику незаконченности, незавершенности, имеющую формальное выражение в «негативных» аффиксах *не-*, *недо-*: **несовершенный** ‘несовершеннолетний’: *Молоды еще были, несовершенны (СС); недорощенный ‘недоросль, тот, кто не достиг совершеннолетия’: *У нас пять братовей убили, их в сталинску дивизию взяли и враз их убили. У мамы был ещё недорощенный (СС).* Идея незаконченности, становления непосредственно связана с семантикой роста (ср. общерус. *подросток*). Народное сознание фиксирует «диссонанс» в*

развитии подростка, при котором физическое развитие опережает интеллектуальное: *И от детства не ушёл, и ума не нашёл* (СОС). Сема умственной незрелости заключается в лексической единице **недоросток**: *У меня племянник шестнадцать лет, а ростом совсем малый – недоросток и получается. А другой вытянулся, жердь стал, перерос уж, а ума нет – недоросток тоже* (СОС).

Идея «трудного возраста» подростка, в котором он часто становится непослушным, склонным к хулиганству, закреплена в значении лексической единицы **шпана** ‘неодобр. Хулиганствующие подростки’: *Приходим в клуб, шпана бесится; Никто меня не тревожит. Только шпана разве. Картошку привяжут да повыдергают* (ВС), ср. общерус. **шпана** ‘хулиган, жулик, беспризорник’. Однако в диалекте негативный оттенок значения данной единицы может утрачиваться, остается только семантика возраста: **шпана** ‘собр. Подростки’: *Вот такая шпана уже, как наберутся эти волокуши возить или копновозы, раньше «копновозами» звали* (ВС), **шпанёнок** ‘единич. к шпана’: *Там бочка стояла. Шпанёнка туда затолкам и поленнями колотим* (ВС).

Переход во взрослое состояние закреплён в смене номинации на **парень** для подростков мужского пола: *Вышла взамуж, хороший парень попался* (ВС), на **девка, девушка** – для женского: *Молода была – ходила на вечорки вечером. Парни, девки соберутся. Летом на улицы* (ВС); *Мужчина раньше – барин, жена – барыня, барышня – девушка* (ВС). Стоит отметить, что лексическая единица **парень**, употребляемая для наименования детей мужского пола (*Мальчонка, парень-то орёт* (ВС)), обладает способностью присоединять диминутивные суффиксы (см. выше), через которые выражается семантика детского возраста (ср. невозможность функционирования единиц с диминутивными суффиксами в значении ‘молодой человек, юноша’).

Семантика возраста в названиях ребенка, с которой связаны идеи малости, молодости, незавершенности, может выражаться через внутреннюю форму слова (корень –*мал-*, приставки *не-*, *недо-*, диминутивные суффиксы –*ишк-*, *-онк-(-ёнк-)*, *-ок-*, *-очек-*, *-очк-* (*-ёчк-*), *-ечк-*, *-ушк-* и др.). В основе обозначений детей младенческого возраста лежит референция с предметами и свойствами, являющимися атрибутивными для этого возрастного этапа. Таким образом, в основу наименований положен релевантный с точки зрения носителей традиционной культуры признак.

Необходимо отметить аналогии в обозначениях ребенка и животного в «детском» возрасте. По замечанию Т.А. Бернштам, «животные термины... объединяли подростковую терминологию с детской и подчёркивали близость (биологическую) этой стадии человека к природному миру» [Бернштам, 1988: 26]. Единство обозначений основано на наличии общей семы 'количество прожитых с момента рождения лет', например, *годовик* 'животное или ребёнок возрастом в один год': *Телёнок али ягнёнок, если ему год, то годовик значит; Годовики – годовалые животные. В тайге есть годовики; Ежли ребёнку год пройдёт, говорят – годовик (МДС); годовушика: Ежли телёнку год пройдёт, говорят годовик, а тёлка – годовушика (СС); возрастном биологическом этапе: *подросток* 'подросший детеныш домашнего животного': *И скотину подростком называют. Может, и людей так называют, которы подрастают; И скотина бывает подросток, годовалый это. Вот у меня значит, корова, потом подросток еще есть. Или мальчишика, он небольшой, лет тринадцать-четырнадцать. Это называется подросток, что он подрастает до большого (МДС); Двух, трёх держали, корову держали, подростки были; Держат там по четыре итуки свиней, две коровы, бык, подростки есь (ВС) и 'мальчик или девочка в переходном от детства к юношеству возрасте': *Ребёнок-то он маленький, а подросток подрастат; Уж внучата дождались, уже правнуки вот такие-то***

подростки (ВС). Лексема *малыш*, в литературном языке обозначающая ребенка, в диалекте приобретает дополнительное значение ‘детеныш животного’: *Тожэ, гыт, ягнiлась да не принима^т, гыт. Ну мать, овечку малыша не принима^т* (ПСЯЛ).

Основанием для общей номинации может стать сема ‘молодость’ *молодѣжь, молодяжь, молодяжник* ‘молодые люди’: *Холостѣжь – дак это неженаты ребята. А молодѣжь, молодяжь, молодяжник – это лет по двенадцать* (Кем. Юрг.); *Ванька был, а потом Санька был, ребятаишки такие, когна подваживали, молодѣжь, лет по двенадцать. Наш был еишо, 12 лет ему было. И вот я говорю: «Ребята! Давайте бейте лягушек, пятница сѣдня, в субботу пойдѣм на вечѣрку»* (Том. Пар.) и ‘молодой скот’: *Молодой скот – молодняк, молодѣжь; Молодѣжь всю навезли: продают телят, жеребят* (ВС); *У нас много-много молодяжниковросло* (ВС)¹⁰.

Параллель в осмыслении человека и животного в детском возрасте основывается на способе вскармливания: *сосунок* ‘детеныш млекопитающего или ребёнок, питающийся материнским молоком’: *Сосунок – ну жеребѣночек сосунок, телѣночек сосунок, ребѣночек сосунок. Маленьки-то, когда сосут* (ПСЯЛ); *Жеребѣночек маленький – жеребушечка. Жеребец – большой, взрослый. Совсем маленький сосунок, сосун еще; Жеребѣнок, сосунок – это недавно только родился, молоко у матери сосет; Через три месяца его зовут телѣнок или подросток. А до этого он сосунок; К Пасхе были поросята маленьки, ну от опоросится свинья – колешь сосунка, ну, там не одного уже... Кладѣшь этого поросѣнка всего-всего, с ножками, даже начиняешь его, вот...* (МДС).

Приведенная группа лексем, являющая общей для детской/подростковой и животной терминологии, объединена общим семантическим компонентом ‘еще не выросший, не достигший полноты жизненных сил’. И.А. Подюков и

---

¹⁰ Ср. также *молодяжник* ‘молодой лес, поросль молодого леса’: *Молодяжник растѣт маленький [о сосняке]* (ВС).

Н.П. Федосеева отмечают, что в основании номинаций детей чаще всего подчеркиваются внешние, биологические характеристики, указывающие на их восприятие как природных существ, части физической реальности, природного мира [Федосеева, Подюков, 2006].

Стоит отметить еще один фактор в означивании детей и животных в «детском» возрасте. Возрастные этапы животных, имеющих важное хозяйственное значение, оказываются более семантически расчлененными, нежели обозначения возрастных этапов детей: *Жеребушечка маленька родилась. Лончак – первый и второй год, по третьему году – третьяк, по четвёртому – четвертак; Одного года селетки назывались, двух годов – лончак, трёх – третьяк, четвертый – четвертяк (ПССГ); Селеток – это до году, а на второй год – лончак и стригуном зовут, остригут по второму году (МДС); Маленький – сосунок зовут... сосунок и есть селеток (МДС). Такая семантическая расчлененность обусловлена значимостью лошади в хозяйстве: *Четвертак – дак это работник уж [о лошади]* (МДС), в отличие от маленьких детей, не имеющих хозяйственной «полезности».*

Итак, можно утверждать, что маленькие дети воспринимаются традиционным сознанием как часть природного мира, о чем свидетельствуют общие названия для маленьких детей и маленьких животных. Анализ возрастной лексики позволяет А.Т. Ашхарава утверждать, что «в русской языковой картине мира существует определенная возрастная иерархия, в соответствии с которой именно взрослость, а не начальный этап существования человека, как можно было бы предположить, является своеобразной точкой отсчета жизненного времени человека. <...> Оппозицию взрослый/невзрослый можно признать универсальной для всех живых существ» [Ашхарава, 2002: 65].

2.3. Ребёнок в кругу семьи и рода

Фигура ребенка является одной из важнейшей в традиционной культуре, т.к. ребенок является носителем генетической информации, проводником культурной памяти во времени. Значимые для культуры сущности не могут не иметь словесной формы бытования, т.к. язык является универсальным проводником культурных смыслов во времени, таким образом, статус ребенка как культурной величины должен найти выражение в семантике языковых единиц.

Представления о значимости ребенка для культуры связаны, прежде всего, с идеей продолжения рода. Культура, нуждаясь в самосохранении, требует преемственности через воспроизведение поколений. Человек, не имеющий семьи, в особенности детей, не может быть транслятором культурных ценностей своего рода, т.е. не может исполнить свою культурную миссию.

Идея родства для традиционной культуры является одной из наиболее ценностно значимых. Наличие у человека семьи, которая является частью рода, – свидетельство его укорененности в мире, связей в социуме. Лексические единицы с корнем *-род-* имеют сему ‘связь’, объективируемую их контекстным окружением: лексическими единицами с корнем *-связ-*: *Ну вот сейчас у нас вся деревня связаны – все от одного корня, все родня* (ВС); общеязыковой растительной метафорой плода:¹¹ *ни роду ни плоду* ‘нет никаких родственников’: *Какой-то приезжий тут Данила Степаныч, ни роду ни плоду нет у его* (СРСГ); глаголом *пойти* в значении ‘появиться, получить распространение’: *А каки-то были три брата здесь ранешны, каки-то казаки были, семья пошла, род пошёл* (Том. Том.). Человек без детей лишается своего

---

¹¹ Метафора плода в отношении потомства реализуется и в других единицах, например: *плодить* ‘производить многочисленное потомство’: *Про её говорят: «И куда плодит такую ораву?»...шесть парнишек у её сейчас живых – девять человек у её всех* (ВС); *плодовитый* ‘быстро размножающийся, производящий большое потомство’: *В колхоз стали сходиться, три только были Кузнецовы, да погибли все. Тихоновы были ешо, не плодовиты, сё одна семья, остальны все Вершинины* (ВС).

рода, что выражено во внутренней форме лексической единицы *беспородный* ‘не имеющий семьи, рода’: *Если бы были дети, то, конечно, там были бы какие-то потомство, а то ничё нет. Вот это беспородный* (СС).

Семантика связи может выражаться через единицы грамматического уровня, например, предложно-падежной конструкцией *от* (+ Р.п.)...*к* (+Д.п.): *Племенами раньше жили. От отца к сыну, от прадеда к деду – породство* (Том. Зыр.).

В народной философии дети воспринимаются как продолжатели племени ‘рода, поколения, семейства’: *Племя – это идёт от одного человека ребёнок и так далее, говорят: «Племя развилось»* (СС), именно они являются залогом бесконечной череды поколений, поддержания жизни, без детей род прекращает своё существование: *Детей не будет – это же плохо. Никто не останется* (ПСЯЛ). Таким образом, можно утверждать закреплённость за лексической единицей *ребёнок, дети* семы ‘связь (между поколениями)’.

Семантика связи через детей реализуется в еще одном варианте: как связь двух родов (отца и матери). По мнению А.К. Байбурина, в союзе молодоженов присутствуют отголоски архаических представлений о столкновении двух родов. Конфликтная ситуация сохраняется вплоть до рождения ребенка, появление которого превращает молодую в «свою» [Байбурин, 1993: 146]. Объединяя два рода, ребенок становится связующим звеном между ними: *Ребёнок, дитя – это самое главное в семье. Дитя связывает туго семью* (ВС). В культурном компоненте значения слова *ребёнок (дети)* вновь реализуется семантика связи (межродовой, семейной).

В традиционной культуре основной ячейкой коллектива и рода является семья, являющаяся средоточием и хранилищем духовно-практического опыта. Именно в семье человек проводит свои первые эксперименты по самоидентификации, отделяя себя от остального мира, в семье же он получает представление о структуре общества в целом и иерархии

существующих в нем ценностей [Философский энциклопедический словарь, 1983: 602].

Эталонной для традиционной культуры является модель семьи, в которой есть мать, отец и дети. Отклонения от данной нормы рожают реакцию языка (см. ниже). В русской культуре фигура матери является ключевой, связь детей с матерью, ее влияние на детей гораздо сильнее, чем влияние отца. Высокий семейный статус матери закреплён в пословичном фонде: *Птица рада весне, а дитя матери; Нет лучше дружка, чем родная матушка; Без отца – полсирота, а без матери – круглая сирота; Что мать в голову вобьёт, того отец не выбьёт* [Даль, 2005]. Нарушением онтологических норм является отказ матери от собственных детей, оцениваемый традиционным сознанием резко негативно, и выражается в языке путем метафорического переноса: **кукушка** ‘лесная перелетная птица, обычно не выющая гнезда и кладущая яйца в чужие гнезда’ – **кукушка** ‘мать, отказавшаяся от воспитания собственного ребенка’: *Полно же этих матерей-кукушек. В роддомах бросают [новорожденных] и везде так подкидывают* (BC).

Дети занимают центральное положение в структуре семьи. Так, вступление в брак с мужчиной, уже имеющим детей, в говорах Среднего Приобья репрезентировано устойчивым выражением **идти/пойти/выйти на детей** ‘выйти замуж за человека, имеющего детей’: *Она пошла за него взамуж на детей; Пошла на детей, своих насеяла* (СРСГД); *Овдовел мужик, дети у него. Возьмёт другу – она на детей идёт* (СС); *Я вышла на детей на троих и троих местных. Самому старшему уж под полсотню лет, самому младшему вот тридцать два года...* (Том. Том.); *Как у его жена померла, так я и вышла на его детей. Четверо их воспитывала, да и своих столько же* (ФС). Сопоставление единиц **идти/выйти замуж** – **идти/выйти на детей** указывает на акценты культуры: повторный брак заключался для воспитания и поддержания детей, оставшихся без матери. Лексическая

единица (*идти*) *замуж* имеет корень –*муж*–, вступление в брак для женщины – это «получение» мужа. В ситуации повторного брака фигура мужа уходит на второй план, приоритетным является «приобретение» детей, что выражено в семантике данного словосочетания. Этап появления детей как важнейшая стадия формирования семьи пройден. Ср. *обдетиться* ‘обзавестись детьми, взять на воспитание детей жены’: *Обдетился, говорят, если он чужих детей взял. Обдетился и обабился ешио* (BC). Противопоставление *жениться* – *обдетиться* подтверждает эту идею: корень –*жен*– демонстрирует представление о вступлении в брак для мужчины как «приобретении» жены, корень –*дет*– делает акцент на центральную позицию в структуре семьи детей.

Наличие детей является оправданием собственного существования. «В детях видели основное богатство семьи, а материнство считалось главной ценностью женщины, смыслом и содержанием ее жизни. Деторождение осмыслялось, с одной стороны, как способ самовоспроизводства коллектива родственников, а с другой – определяло статус «полноценного» человека, как женщины, так и мужчины» [Мужики и бабы, 2005: 677]. Данный тезис поддерживается диалектным материалом: *Но живи-то живи, для детей. А он отрофированный. «Я, - гыт, - больной, не могу»* (ПСЯЛ); *Я ему говорю: «Вдруг женишься, которая не несёт детишек?»* (BC); *Ну, я говорю: «Если не хочешь уж принести – взяла бы де-нибудь ребёночка...»* (ПСЯЛ).

Итак, ребенок занимает особое место в системе трансмиссии культуры, по словам Е.Ю. Копейкиной, в культуре детства «закладываются основы будущих успехов или трагедий всего человечества» [Копейкина, 2000: 3].

Важнейшей категорией традиционной культуры является семья, в которой дети занимают центральное положение. Семья как основа общества подвергается пристальному наблюдению со стороны коллектива, семейные отношения, в особенности отклонения от нормы, «аномалии», находят свое воплощение в языке.

2.3.1. Появление детей в семье

Ситуация появления детей в семье выражена общерусским глаголами *родить/рожать*: *Ишь, не сёдня-завтра опеть родит!* (BC); *В городе нигде не рожали, с мамой, мама всё бабила* (BC); *родиться/ рождаться*: *Надя родилась. А вторую, родилась, Катеринов день был, родилась, Катя назвала* (BC). Их синонимами выступают глаголы с корнем –дет-: *детиться* ‘рожать детей’: *Я детилась сколько раз* (CPCГ); *обдетиться, обдетиниться, отдетиться* ‘завести детей (или много детей)’: *Вышла семнадцати лет замуж. Обдетилась вся... А дети мои тоже-ть ведь с десяти годов пошли по работе; Всю жизнью я прожила в горю да в слезах. Замуж вышла, обдетилась сразу, свои были, да его сёстры да браття, а где детей много, там и горя не оберёшься; Обдетился – значит, есть дети, обзавёлся детьми* (МДС); *Обдетилась – детей много было; Многодетны, говорят, али обдетились* (CPCГ); *А там, как обдетинилась, для себя разе поживёшь?* (CC); *Говорят: детная мать, отдетилась, что детей много имеет* (CPCГ).

Глаголы, означающие появление детей, транслируют семантику жизни, ноши, тяжести, сеяния и пахоты. Рассмотрим на примерах.

Внутренняя форма глагола *нажить* ‘дать жизнь, произвести на свет (о детях)’ реализует семантику жизни: *Детей нажили, двое; Нажил ребёночка в городе и привёз шестимесячного, так я его ростила* (BC); *Она взамуж вышла за учёного, ребёночка нажила, а жить не стала, карактер не сошёлся; Пять лет пожили – трое детей нажили; А с отцом так же вот познакомились да и сошлись. Да и жили, и нас нажили* (МДС).

Рождение детей связано с семантикой ноши¹², что выражается глаголами

---

¹² Ср. реализацию семантики ноши в обозначении беременности: *носить* ‘быть в состоянии беременности’: *Я Лёню, Николая мальчика, носила в войну* (COC); *на сносенье* ‘на последнем месяце беременности’: *Вот тебе, Полкан, моя жена на сносенье* (CC); *сносить* ‘доносить до родов’: *А сноха така баба: она двух ребят сносила, а двух нет* (CC). С семантикой ноши в обозначении беременности и родов коррелирует идея тяжести, груза. Так, значениями лексической единицы *ташить* является ‘нести что-л.

нести: Я ему говорю: «Вдруг женишься, которая не несёт детишек» (BC); *носить/наносить* ‘рожать’: Раньше детей-то носили помногу (CPCГД); Жила, жила, так натружена, может, детей много носила (BC); Ребятишек наносил ей да в тюрьме и умер (BC); А сама она детей много наносила?; Ребятишек наносила и от мужа осталась с четырнадцатью детьми (CC); *приносить/принести*: Как у ей семья-то. Ну чё, жили да жили. Девять душ приносила детей. Сыновья всё больше были (Том. Пар.); Вот одна женищина десять человек наплодила, нарожала – десять человек принесла, один только помер, остальные живы все... Только нынче мало родят-то, не стали приносить. Вот стары примрут и мало народа будет (BC); Мама у нас глуха была. Тятя стал замечать, как первого ребенка принесла; Двойников принесла, была беременна (BC); У нас одна женищина принесла двадцати двух штук. Помёрли много: врачей-то не было; И вот я четвёртого ребёнка в семью принесла; Нонче детей, кто умно, дак не принесёт; У меня дети всё приносили суразят (COC); В Нарыме трёх сынов принесла, а ни попить, ни поесть (МДС); *брюхо приносить*: Двадцать три брюха приносила (мать), четыре сестры осталось (CPCГД); Наша-то уже три брюха приносила (Кем. Крап.). По мнению Л.Н. Виноградовой, «две модели (*найти*¹³, *принести*) оказываются главными и стержневыми в народной фразеологии, объясняющей, откуда берутся дети (ср. шуточные формульные клише *дети приносят аист, тебя нашли в капусте*)» [Виноградова, 1999: 233].

тяжелое’ и ‘рожать’. Семантика тяжелой ноши, груза репрезентирована как в наименованиях беременной женщины (*в тягостях* ‘в состоянии беременности’: Она была в тягостях и вредилась (CPCГД); Вторым она была в тягостях (FC); *ходить в тяге (в тяжести)*: Ходит в тяге и говорит: «Ты уж меня не брось»; Я с ими не поехала, я тада ходила в тяжести (FC); *чежёлая* ‘беременная’: У меня корова была. Боднула меня. Забодала. Я мёртвого принесла. Чежёла была я; А ты никак чежёлая?; Осталась я чежёлая (CPCГД); *зачажелеть* ‘забеременеть’: Брюхами зубы болели. Как зачажелею, так болят (CPCГ); *грузная* ‘беременная’: Грузная женищина – беременная (CC); *нагруженная* ‘беременная’: А сама опять нагружена, надо ж кориться свекрови (CC);, так и в предикатах *тащить/таскать/натаскать* ‘рожать’: Пуцай бы она таскает (рожает). Мать, говорят, хороший человек (BC); Жениха своего я даже не видала до сватанья. Ничё жили, детишек натаскали (BC); А раньше, сколь Бог даст [детей], столь баба и тащиит (COC).

¹³ Глагол *найти* в говорах Среднего Приобья номинирует ситуацию внебрачного рождения. Об этом в параграфе 2.3.5.

В переносных значениях глаголов, обозначающих рождение ребенка, реализуется семантика ноши, однако необходимо отметить, что эти же глаголы используются и по отношению к процессам рождения у животных. Возможно, это связано с биологичностью акта появления потомства, например, *носить*: *У нас было два савраски. И гнедая кобыла, гнедуха, Маруськой ее звали. Она нам всё носила жеребят, и у нас свои были, доморощенные. И всё саврасые, саврасые, савраски; Так вот, говорят, что кутят много носит* (СОС); *принести* ‘произвести потомство’: *У них собачка ошшенилась, принесла четыре кутёнка; Овечка принесла две ярки, вот таких, как одна* (ВС), *таскать*: *Она [кошка] маленька, а помногу таскат* (СОС).

Параллель с животными прослеживается также в семантике экспрессивов: *нащенить* ‘Осуд. Экспр. Нарожать детей в большом количестве, словно щенят’: *Нащенила детей, и отобрали у ней трое детей* (СОС); *накутяшить* ‘Экспр. Неодобр. Нарожать в большом количестве (о женщине)’: *Накутяшила. Теперь пять человек. Ребёнка надо? Прижмись покрепче* (ВС).

Крестьянское сознание сформировано древнейшей земледельческой культурой, так в представлении о появлении в семье детей реализуется архетипическая идея сева: *Пошла на детей, своих насеяла* (СРСГД); *Плохо было при старой жисти. Ребят насеят да и ростили* (СОС); *Замуж вышла, вся дитями обсеялась. Шитай, што всех в войну перебили* (Том. Пар.).

Та же идея сева, пахоты, земледелия актуализируется в переносном значении слова *борона / боронка* ‘большая семья’ [ПСЯЛ, Т.1: 76]: *А-а, ну-ну, борона-то называют так. [Когда детей много?] Ну. «Борона-то кака». Семья-то больша. [Борона – это только дети? Или вообще все в семье?] Ну хоть кто. «Борона-то кака у ней, гыт». Семья-то больша. Хоть кто* (ПСЯЛ); *Его вскоре убили сразу. А у ей боронка-то осталась, тоже четверо детей!; А с такой боронкой тоже никто не возьмёт [замуж]* (ПСЯЛ).

В метафорических номинациях, реализующих идею сева, актуализирована семантика множественности, большого количества: подобно тому, как пахарь разбрасывает множество семян, так в семье рождается много детей (*борона* 'большая семья', *насеять* 'нарожать в большом количестве').

Можно утверждать, что метафора сева в отношении рождения детей является частью растительного кода культуры. По замечанию Л.Н. Виноградовой, «растительный код в системе славянских поверий о происхождении детей играет наиболее активную роль (показательны в этом отношении слав. названия внебрачного ребенка *капустничек*, *крапивничек*, *самосей* и др.)» [Виноградова, 1999: 237]. Реализация растительного кода в отношении детей, рожденных вне брака, будет подробнее рассмотрена в параграфе 2.3.5.

2.3.2. Отражение семейных отношений в номинациях детей: семейная иерархия

Для русских народных говоров характерны наименования ребенка по признаку очередности появления в семье. В этом смысле «отмеченными» являются первый и последний ребёнок: *первачок*, *первенец* и *последыш*, *последочек*, *последня*: *Первенец* – *первенький* ребёнок (ПССГ); *Первый* ребёнок – *первачок*, *последний* – *последыш* (СС); [*Как последнего ребенка в семье называют?*] – *Последочек* (ПССГ); *Последня*, *дык* – *заскрёбыш* (СРСГД).

По мнению М.М. Валенцовой, «среди универсальных оппозиции в народной духовной культуре выделяется противопоставление *первый* – *последний*. Как и все оппозиции, данная является выражением рационального, логического осмысления жизни, которому свойствен анализ, членение недискретного пространства и времени и маркирование его

крайних полюсов, что приводит к идее дуальности» [Валенцова, 2002: 192]. Крестьянская семья являлась, как правило, многодетной, поэтому особой отмеченностью обладали именно первый и последний ребенок. В традиционной культуре первый и последний ребенок наделялись магическими способностями, им доверялись многие обрядовые функции в семье [об этом СД, Т. 4: 415].

Первенец

В парадигме традиционной культуры вступление девушки в брак осмыслялось как ее смерть в старом качестве и рождение в новом, сигналом чего являлась смена номинации (*невеста > молодуха*): *Молодуха – первый год замуж выдет. Вот её по хрестьянству молодухой зовут. Молодухой на другой день невесту называли. У ей расплетали косу* (ПССГ). Рождение первого ребенка является следующей вехой жизненного пути женщины, пройдя данный этап, женщина вновь меняет свой статус в семье и общине. Материал ТДС указывает, что иногда именно рождение ребенка, а не вступление в брак отражается на смене номинации женщины: *Если в девках сидит, её высватали, то невестки зовут и до тех пор, пока ребѣнка не принесѣт* (СРСГ).

Пол ребенка-первенца оказывается значимым при определении нового статуса женщины, влияет на выбор номинации¹⁴: *Молодуха, эт если принесѣт парнѣчка первого, то, значит, век молодуха. Сколько она живѣт, всё молодуха. А девчонку – бабѣнка. Вот бабѣнка идѣт, а вон молодуха идѣт; Молодуха – после свадьбы, пока не родит. Если сына принесѣт – ешию молодуха, а если дочь – нет* (ПССГ).

Первый ребенок в семье являлся значимой фигурой, о чем свидетельствуют номинации ***большак*** ‘старший сын в семье’: *Большак – это старший из ребятщиков, из челядни, дорогу так не зовут; О, говорят, у нас*

---

¹⁴ Рождение первенца-сына также дает матери некие жизненные «привилегии»: *Раньше вить как было? Как родишь мальчишку, имешь закону подойти к царским дверям. Я как в Москву прихоли мы, сразу в церкву побежадла (Кем. Яйск.)*

больша́к. Если у нас пять-шесть, так старший больша́к зовётся (СРСГ); *большу́ха* ‘старшая дочь’: *Большу́ха на меня похожа; Изде́сь то́же э́то называют: э́то, говорят, большу́ха моя* (СРСГ). Относительно ребенка-первенца семантика «малого» (см. параграф 2.2.) оказывается нерелевантной, корневая морфема транслирует семантику «большого»¹⁵, что продиктовано семейными функциями первого, старшего ребенка. Функция «старшего» является одной из важнейших в традиционном обществе, это касается и семейной, и общественной иерархии. Восприятие «старшего» как главного закреплено в лексеме *голово́й* ‘главный’, являющейся синонимом слова «старший»: *Старшим раньше называли в семье. Нас было пять братьев, я первый. Родитель помер. Так вот люди говорили: старший в семье Иван, из семьи, значит, старший, руководит в семье, голово́й* (СС). Лексема *голово́й* (от *голова*) является частью телесного кода культуры [Гудков, Ковшова, 2007: 162], реализуя метафорическую параллель «семья – единый организм», «отец (или старший сын) – голова». Функция старшего ребенка заключалась в том, что в случае потери родителей он становился главой семьи, т.е. должен был заботиться о младших братьях и сестрах [Русские, 2005: 430]: *В пятнадцать лет отец помер, и я всю котомку взял на себя: нас такая лесенка была* (СС).

Последний ребенок

В основе номинаций младшего, последнего ребенка в семье лежат «хлебные» метафоры, создающие представление о зачатии и рождении человека как об изготовлении хлеба, ребенок словно «сделан» из остатков некоего материала (ср. сказку о Колобке, обряд «перепекания» слабого или больного младенца и т.п.). Наименования детей содержат корневую морфему

---

¹⁵ Ср. выражение *большим быть (над кем-либо)* ‘быть старшим, опекая кого-либо; главенствовать в семье’: *Бабка больша́ была над имя, все её слушают. Поллитру надо – к ней за деньгами идешь, все в её руках; Так и говорю: больша́ над ними буду, распоряжаться ими надо; Пока больша́ не буду над ним – не уйду* (ФС).

–скреб-¹⁶: **поскрёбыш**¹ ‘последний, самый младший ребенок у родителей’: *Поскрёбыш* – когда последнего ребёнка принесёшь (СС); *Поскрёбышек* – последний [ребёнок], больше нет, не будет (СОС); **заскрёбыш** ‘последний ребенок в семье’: *Последня, дык – заскрёбыш* (СРСГД). «Женское чрево мыслится как дежа, производящая до тех пор потомство, пока не опустеет окончательно. И тогда на свет появляется самый последний ребенок, подобно тому, как хозяйка, соскребывая комочки теста, прилипшего к стенкам, вылепливает самую последнюю булочку. Этот образ часто стоит и за общими названиями хлеба и ребенка, и за метафорами, и поныне присутствующими в народной речи»¹⁷ [Кабакова, 1994: 34]. Тезис находит подтверждение в говорах Среднего Приобья через наличие омонимичной лексической единицы **поскрёбыш**² ‘булка из остатков теста’: *Там поскрёбыш сидит в пече* (СС). Появление подобных омонимов является, возможно, результатом распада полисемии. Языковое сознание носителей традиционной культуры, метафоризируя и сопрягая не связанные напрямую между собой явления действительности, соотнесло последний выпекаемый кусок хлеба с последним ребенком. Общим элементом значения является сема ‘остаток некоего материала’. Обозначая человека через явления материального мира (последнего ребёнка через хлеб), а материальное олицетворяя («поскрёбыш (булка) сидит»), культурное сознание мифологизирует окружающий мир.

Семейная иерархия выражена в названии старших и младших детей по отношению друг к другу: **братка** (**братька**), **братан** ‘старший брат’, **няня** (**нянька**) ‘старшая сестра’, **сестрёнка** ‘младшая сестра’, **браташка**

¹⁶ Ср. номинацию намеренного прерывания беременности, обозначение аборта, также имеющую корневую морфему –скреб-: [Рассказывали, тут еще какие-то бабки были...] Ну были... Я...Мне аборт делали вот тут... Только на **выскребаньи** была раз. Вот ужас! Молода-то была. Жизнь-то какое было, ничё не было (Том. Пар.).

¹⁷ Метафоризацию женского лона как наполняемого и опустошаемого сосуда можно увидеть в параллели **опростать** ‘освободить от содержимого, опорожнить’ и **опростаться** ‘перен. Освободиться от беременности’: *Ходит в положении – глядишь, опростатся – и ни брюха, ни ребёнка, никого нету* (ПСЯЛ), **растрясись** ‘родить ребёнка’: *Моя растряслась* (СРСГД); *Баба в куче ходит, еще не растряслась, но теперь уж скоро родит* (СС).

‘младший брат’: *Братка* звали все старшего брата. *Братан* так же, всё равно, что *братка*, что *братан* (СС); *Старшую сестру* ласково няней [звали], младшую – *сестрёнкой*, брата – *братькой*, а маленького *браташкой* (СС); *Брат* и *братька*, *сестра* и *нянька* – младший называет старшего (СС); Меньшими были и старшего брата звали *братька*; *Родного брата* звали *братька*, а старшую сестру – *нянька* (МДС); *Нянька*. Так у нас сестра старшая называется (СРСГД); Мы, как младшие, мы её нянькой звали (СРСГД); У меня шесть сродных братьев поубивало и один родной. Он всё меня няней звал. Ему весной прийти, а тут война поднялась (СОС). Наименование старшей сестры (*няня*, *нянька*) отражает ее функции по отношению к младшим детям.

Идея многодетной крестьянской семьи воплощается в пространственных сравнениях и метафорах, например, *лесенка* ‘о группе человек разного роста, возраста’: *Внуки и дети*, как *лесенка*; *Она вот за Баткатом [жила]*, сюда в тридцать лет с детьми, как *лесенку*, троих привела (СОС); В пятнадцать лет отец помер, и я всю котомку взял на себя: нас такая *лесенка* была (СС). Как правило, лексическая единица *лесенка* используется для обозначения многодетной семьи, в которой младший ребенок самым низким по росту: *нижний* ‘младший’: *По первой ложке за столом хлебали от старшего до нижнего* (СРСГД).

Термины родства отражают семейную иерархию, свидетельствует о значимости ранжирования детей по старшинству. В многодетной крестьянской семье разница между самым старшим и младшими детьми была зачастую очень значительной. Это влияло на трудовые и хозяйственные функции всех членов семьи: старшие дети нередко исполняли родительские функции по отношению к младшим братьям и сестрам. Возрастная иерархия воплощается в чувственных, зрительных образах, выражаясь через пространственные метафоры (*лесенка*, *нижний* ‘младший’).

2.3.3. Семейный статус ребенка: пасынок и падчерица

Нормативная модель семьи, в которой есть мать, отец и их совместные дети, может быть нарушена появлением в семье «чуждого» элемента, которым являются дети от предыдущих браков одного из супругов (*пасынок, падчерица*) и их неродные родители (*мачеха, отчим*). По мнению А.Н. Серебренниковой, данные лексические единицы содержат в коннотативном компоненте сему 'чуждость' [Серебренникова, 2004].

В отношении родства противопоставляются дети *общие, местные (вместные)* – детям *неродным*: *У них общий мальчик* (BC); *А он женился, бабочку взял постарше себя лет на пять, и с девочкой, и мальчика еще прибрели это местного [общего], ага* (ПСЯЛ); *У них местных детей не осталось. Они поженились. Одну девочку вместе нажили, а еще у каждого по ребёнку было* (ПСЯЛ); *Девочка Света родилась, местна* (ПСЯЛ); *А потом вместный родился у их [ребёнок], Юра* (ПСЯЛ); *Местный сын живой и сейчас, на службе, капитан* (СС); *Ещё у мачехи были местные дети. Трое выучились* (СС); *Леночка взамуж идёт Гнедкова-то, ну Володе она неродна, он с девочкой её взял* (ПСЯЛ); *У нас тятя помер, а у маме шесь еще; один неродный, она за вдового вышла* (BC). Во внутренней форме наименования *местный* 'совместный' актуализируется сема 'вместе'. Оппозиция «родной» - «неродной» является частным случаем универсальной оппозиции «свой» - «чужой», по которой всё, что не «свое», «не вместе» - отчуждается [Серебренникова, 2004: 137]. Традиционным мировоззрением эта оппозиция осознаётся как причина внутрисемейного разлада, что отразилось в поговорках: *Родной, да матери не одной; Двое дети водить – одним досадить* (т.е. от разных матерей); *Жить бы в совете, да разные дети* [Даль, 2005: 245].

В народном сознании, независимо от внутрисемейных отношений, на ментальном уровне всегда выстраивается противопоставление «родных» и

«неродных» детей, эксплицированное в синтагматическом развертывании: С какой хозяйкой сойдусь – она около **своих детей**, а **мои** под порогом [без присмотра] (СОС). Разделение детей на **своих**, мужа/жены (его/её) и **общих** актуализируется указанием на количество: **У мужа было двое** детей, и **своих** привела, и **местные** пошли (СС); **У меня три мужа** было. Первый у меня утонул, второй на фронте погиб. Этот – третий, **у него двое** детей уже было и **двое** у нас **местных** (Том. Молч.); **А у их... У его**, значит, **двое** детей, **родных**, да третья **неродна** (ПСЯЛ); **У него трое** от первой жены, **трое** от второй, да **у меня двое** померли, да еще **обчи сын** родился (СРСГД); **У меня не родны** дети. **У меня от трёх отцов**. От первого **одна**, от второго **три** девочки, от третьего **две** девочки и **два** мальчика (Кем. Яшк.).

Наименованиями, служащими для обозначения «чужого» ребенка по отношению к одному из родителей, являются слова **пасынок** и **падчерица**: **Неродной сын – пасынок**, **неродна дочь – падчерица** (ВС); **Братнин [сын]** как вроде **пасынок**. Они с Вовкой похожи, **долженьки таки носы** (ВС).

Семантика чуждости получает языковую объективацию в местоимении **не его**: **Не его** дочь, он ее **всяко**, **всяко** называет (Том. Том), прилагательном **чужой**: **Сватался ко мне и после, ну, думаю, кому оно нужно, чужо дитё-то**, **забижать** будет, нет, думаю, сама воспитаю свою доченьку (Том. Колп.). Семантика отчуждения неродных детей реализуется в лексических единицах, характеризующих негативные действия мачехи/отчима по отношению к неродному ребенку, **закричать**, **ударить**, **бить**: **Отец мачеху взял, а мачеха, знашь, что тако**, кашляла она, **больна** была, **лёжки** иногда болели, ну, а мы, – **чужи дети** ей, вот как **закричит**, как **ударит**, **била** часто да больно, **щи́бо** больно **била** (Кем. Яйск.); **съесть до смерти**, **укоренья** (от укорять): **А его характер худой был. Он ревнивый. Ежели бы мой бы детёнок** был, дак он бы **съел бы до смерти**. **Укореньев** сколько было б! (СС); **застрамитъ**, **заругать**: **С мачехой жил. Люди мне говорят: «Ой, Вера, прям застрамила, заругала** она Коленьку: «**Чёрт** тебя навязал, постылый» (ВС).

Стереотипно в традиционной культуре пасынок и падчерица беззащитны перед произволом приемного родителя, обижаемы ими, что позволяет предположить наличие в культурном компоненте значения слов *пасынок* и *падчерица* семы 'чуждость'. Ср. образование переносного значения: *пасынок* 'лишний боковой побег растений, подлежащий удалению': *Пасынки есть на помидорах, кто отростелки [называет] – отросли сами, кто пасынки* (СС); *А они, гыт, как засветут, перво-то, а пасынки все надо лишны обрезать [у моркови]* (ПСЯЛ); *Пасынковать – помидоры растут, а лишнее отрастает, их вырывают. Пасынки удаляют, а помидоры в силу входят, пасынки лишние растут* (СОС). На основе семантики чуждости в слове *пасынок* возникают коннотации 'нелюбимый', 'отвергаемый', поддерживаемые функционирующим в культуре стереотипом. Данный сема становится основанием формирования переносного значения в системе русского литературного языка: *пасынок* 'перен. Тот, кто лишен необходимого внимания, заботы, испытывает невзгоды, неприятности со стороны кого-, чего-л.'; *пасынок* — '(иноск.) нелюбимый, обойденный судьбой (людьми). Ср. Знать мы божьи пасынки (ропот на судьбу). Ср. Жить, что пасынку!' [Большой толково-фразеологический словарь Михельсона].

Отношения между детьми и мачехой/отчимом априори воспринимаются традиционным сознанием как антагонистические, враждебные. Это можно объяснить следующими причинами: наличие в семье чужих друг другу по крови людей грозит потерей структурной целостности семьи, что может повлечь негативные последствия. Происходит взаимное отчуждение, которое является изначально мотивированным: *Она мне наветки дает, что мол он меня с ребёнком взял, дак и жись топерь несчастливая* (ВС).

Необходимо обратить внимание на то, что факт замещения «чужим» человеком позиции отца или матери является своеобразным «восстановлением» семейного космоса, нормы, по которой у ребенка должны

быть и мать, и отец. В случае успешного «замещения», создания счастливой семьи оппозиция «родной-неродной», которая является частным случаем оппозиции «свой-чужой», снимается: *Я была сама старша в семье. А тут один мужчина жил, вдовый, дети у него. Сошлись с нём. А щас уже всех детей вырастила и **родных**, и **неродных**. Одна дочка живёт здесь же в деревне. Не моя родна, а моёва мужа* (Том. Пар.); *Эту брал с трими ребёнками. Я держал их так, они думали, что **родные*** (Том. В.-Кет.).

Таким образом, в культурном компоненте лексических единиц **пасынок** и **падчерица** содержится сема ‘чуждость’, развивающая семы ‘нелюбимый’, ‘отвергаемый’, что поддерживается функционирующим в культуре стереотипом. Его происхождение объясняется нарушением эталонной модели семьи, согласно которой родители и дети должны быть связаны кровным родством.

Приёмный ребёнок

Приёмные дети в говорах Среднего Приобья имеют номинации, отражающие семантику присоединения (формально выражается через формант *при-*): **приёмушка**: *Детей у них не было. Приёмушку взяли от деверя, от мужнина брата* (СРСГД); **приводный** ‘приёмный’: *Семья у него небольшая: трое у него ребятишек да приводный один; Это его дочь приводная в семой класс пошла* (СРСГД). Вхождение в родовой коллектив, появление в семье не посредством рождения порождает семантику неожиданной находки, эксплицированной во внутренней форме лексической единицы **найдёнка** ‘подкидыш (о девочке)’: *А мать моя найдёнка была* (СРСГД).

Усыновление ребенка в говорах Среднего Приобья репрезентировано устойчивыми словосочетаниями **взять с травочки** ‘взять на воспитание подкидыша’: *Взять с травочки – на воспитание взять ребёночка* (СС). Трава, являясь составляющей природного, «дикого» начала, становится знаком оппозиции пространству домашнему, окультуренному. Таким

образом, в семантике данного словосочетания заключена идея инаковости (по сравнению с рождением) появления ребенка в семье.

То же значение у устойчивого сочетания **брать/взять в дети** ‘усыновить’: *Его брали в дети, тётка, росли* (ВС); *Взяли из Рыболова суда в дети. Его воспитанница взяла меня в дети* (СС); *Если нету никого, в дом берут; родителей нет – из детдома в дети берут* (ФС). Ситуация передачи ребенка на воспитание в чужую семью выражена сочетанием **отдавать в дети (детки)/ пускать/пустить в дети**: *Уж у нас его просили, и мы решили отдать его в дети, да жалко стало. И Ваню мово в детки отдают* (ФС); *Пришлось малого в дети пустить. Каким родителям захочется родное дитя в дети пускать* (ФС). Выражение **вырасти в детях** ‘быть усыновленным’ номинирует ситуацию с позиции ребенка: *Вот этих доращивала, вот как. И сама в детях выросла* (ВС).

Вхождение в семью и родовой коллектив путем усыновления выражается в семах ‘присоединение’, ‘находка’, происходит указание на инаковость появления ребенка в семье.

2.3.4. Семейный статус ребенка: сирота

Если для **пасынка** и **падчерицы** существует возможность восстановления семейной гармонии, нормы, то **сирота** оказывается лишенным её, т.к. со смертью родителей гибнет микромир семьи. Отсутствие у ребенка родителей традиционным сознанием воспринимается как взрыв устоев семейного космоса, происходит нарушение главной онтологической функции семьи – воспитание нового полноценного члена общины, социума, носителя родовых и общинных ценностей. Восприятие ситуации сиротства в сознании носителя традиционной культуры реализуется в комплексе сем (‘одинокость’, ‘чуждость’, ‘работа’, ‘бедность’, ‘горе’), содержащихся в коннотативном компоненте значения слова **сирота** и его синонимов

(*детдомовский, детдомовый, детдомовка*), а также лексических единиц, репрезентирующих понятие сиротства (*остаться, жить, расти в сиротстве, остаться от отца/матери*).

Так, словарное толкование лексической единицы *сирота* ‘ребёнок, подросток, лишившийся одного или обоих родителей’: *Сирота она была, без матери* (ПСЯЛ); *И дочь у меня вдовица, муж двоих сирот ей оставил* (СС); *Он сиротой остался, она [мать] умерла рано. А отец был Иван Николаич. Тоже рано помер* (ПСЯЛ); *Мы остались сироты. Сестра осталась, одиннадцать лет ей было, брат – восемь лет, а я четырёх лет, отец-мать померли* (ПССГ);

сирот: *Я сирот, без отца рос* (ПССГ);

сиротка: *А тятя шести ли семи лет остались это... сиротками остались. Дяде Ване было пять лет, а тятю было семь лет. Вот таки остались сиротки* (ПСЯЛ);

сиротый: *Он сиротым изрос. Они тоже изросли без отца* (СРСГ);

детдомовский/ детдомовый/ детдомовка ‘воспитанник детдома’: *Нас-то двое детдомовских было. Её одну Таня зовут, одну Тамара* (ВС); *В старое время не было детей детдомовых* (СРСГД); *Поди, детдомовка заходит* (СС). Появление детских домов и их воспитанников, не имеющих родителей, диалектоносителем воспринимается как явление современности, «нового» времени (в противоположность «старому времени»), что поддерживается словарной пометой «новое» в «Среднеобском словаре» (1983 г.) [СС, Ч. 1: 88], однако диалектный материал фиксирует гораздо более раннее появление детских домов: *Меня привезли в двадцать пятом году из детдома из деревни Брагино* (ВС).

Ситуация сиротства также репрезентирована словосочетаниями (*остаться, жить, расти*) *в сиротстве* ‘сиротой, без родителей’: *С измалых лет остался в сиротстве, девяти лет* (СРСГД); *Я с семи пряла. Я ведь в школу не ходила, жили-то в сиротстве...* (Том.Том.); *Я в сиротстве росла,*

без матери (BC); *остаться (от отца/матери)* ‘продолжить жить, существовать после утраты (смерти, ухода) кого-л.’ = ‘остаться сиротой’: *От матери остался я трёх лет* (CC); *А у тяти мать – он шести лет остался от матери* (ПСЯЛ).

Центральное положение в коннотативном компоненте значения лексической единицы *сирота* (и ее синонимах) занимает сема ‘одинокчество’. Маркерами семантики одинокчества на лексическом уровне служат прилагательное *одиноккий*: *Ну... были, наверно, были одинокки, без матери, без отца* (BC), глагол *остаться*, однокоренное числительное *один*, сравнение *как палец*: *Осталась как палец одна. Я маленька *осталась* восьми годов *от матери** (BC), на синтаксическом уровне конструкция *никого нет*: *Детдомовска я. Семи годов не было, с городу привезли. Так и живу одна, никого нет* (BC).

Экзистенциальные масштабы одинокчества сироты, его незащищенность и зависимость от общества формируют яркие образы, воплощенные в фольклорных текстах: *как былинка в поле* ‘об одинокком человеке’: *Сиротинка выросла, как былинка в поле, моя молодость шла по чужой неволе (из песни)* (COC).

На основе семы ‘одинокчество’ развиваются оттенки значения лексической единицы *сирота* ‘человек, оставшийся без родных, близких’: *У меня было от той жены двое детей и у Ариши двое. Все погибли... Остались мы сыроты* (CC). Сема ‘одинокчество’ становится основанием переноса при формировании переносных значений: *сиротство* ‘2. Перен. Бесприютность и незащищенность, одинокчество’ (MAC).

В отличие от литературного языка в диалекте возможно употребление переносного значения слова *сирота* по отношению к предметам материального мира: ‘перен. Неустроенный, неухоженный (о неодушевленном предмете)’: *Без хозяйки дом сирота, ага* (BC). Формирование переносного значения происходит по следующей схеме: в

коннотативном компоненте значения лексемы *сирота* содержится сема 'одинокчество', включающая сему 'отсутствие заботы и внимания со стороны близких', что приводит к формированию семы 'неустроенность, неухоженность'¹⁸.

Та же сема 'одинокчество' реализуется в сравнении *как сирота: Я прям как сирота, как брошена, тоскливо, зубов нету, бестолкова* (ПССГ), проводится семантическая параллель с брошенным человеком (от *бросить* 'устранить как ненужное, выбросить, выкинуть вон'), формируется семантика отчуждения.

Таким образом, любой *сирота* – прежде всего одинокий человек, о чём свидетельствует этимология данного слова: «Сирота. Общеслав. Образовано с помощью суф. –*ота* от *сиръ* – «сирый, безродный, одинокий», имеющего соответствия в балт. яз.» [Краткий этимологический словарь русского языка, 1975: 409].

По мнению А.Н. Серебренниковой, слово *сирота* содержит в структуре лексического значения сему 'чуждость'. Особое социальное положение сироты (нахождение *вне* семьи) делает его в глазах общества чужим. Социум отвергает *сироту* на основании его «непохожести» (*сирота* – не такой, как мы), обрекая тем самым на одинокую борьбу за существование [Серебренникова, 2004: 135].

Формальным средством реализации семы 'чуждость' на словообразовательном уровне является семантика форманта *при-* 'присоединение (части к целому)' в слове *прицлеть* 'сирота', указывающая

---

18 Ср. реализацию тех же сем в структуре лексического значения слова *беспризорный* 'бездомный, никем не воспитываемый (о ребенке, подростке). В сравн. О грязных, плохо одетых детях': *Ребятишки ходят, как беспризорны* (СОС). Внутренняя форма слова *БЕСпризорный* указывает на того, за кем нет «призора», «догляда», присмотра. Таким образом, беспризорный – это тот, за кем «никто не смотрит», не заботится. Ср.: *догляд* 'присмотр': *Как пошла на пенсию, так жила у сына в Павлодаре, ведь у них дочка в школу пошла, догляд нужен был. Вот и позвали* (ВС); *подгляд* 'присмотр': *Бывало, солнышко только всходит, на рысях на работу бежишь. Ребятишки и мать не видют. И так без подглядом растут* (СС). Именно семантика одиночества и отсутствия заботы отождествляет беспризорников и социальных сирот, у которых формально существуют родители, с фактическими сиротами.

на положение *сироты* как «чуждого», «инородного» элемента: *Семья больша была, нас человек, детей столько. И приплети были, сироты* (Том. Зыр.).

Характерное для традиционной культуры родовое сознание выстраивает оппозицию «семья/род» – «общество». Семья является формой первовключения человека в культуру и социум, *сирота* же, лишенный семьи, оказывается с обществом один на один. Отсутствие у сироты не только родителей, но и родных вообще лишает его принадлежности к роду, череде поколений, что объективируется внутренней формой слова *безродинка*: *Живёт одна у меня безродинка – никого нет* (СРСГД).

Противопоставление семьи и общества создает оппозицию «сирота» – «(чужие) люди». Лексические единицы, ее репрезентирующие, *ходить по дворам*¹⁹/ *по людям, жить, расти, работать в людях* по сути являются эвфемистическими номинациями сироты, содержат сему ‘сиротство’: *ходить по дворам, работать в людях* и т.д. = ‘быть сиротой’. Данные единицы, номинирующие ситуацию сиротства, связаны комплексом сем, ядерной среди которых является сема ‘работа’.

Анализ дефиниции и контекстного окружения словосочетаний *ходить по людям/ по дворам/ по нянькам* ‘работать по найму; наниматься’ демонстрирует наличие семы ‘работа’: *Раньше ходили по людям, работали, а чечас-то... Тогда меня дядя взял* (ПССГ); *Мой вот один [брат] на тринадцатом году и ходил по дворам – за кусок хлеба работал* (ПССГ); *А я по дворам ходил. Девять лет мне стало – я уже работал, в работниках жил. Пять человек – и все по дворам, разобрали нас, ростили* (ВС); *Сиротой была, потом по нянькам я стала ходить* (ФС); *Я сама выросла в людях. До невест ходила по нянькам, хожалка. Прислуга – это хожалка, по дому всё делат, с детьми занимается* (Том.Том.). Так, в слове *хожалка*, мотивированном глаголом *ходить*, реализуется сема ‘работа’: *хожалка* ‘та,

---

¹⁹ Так, чужой *двор* является вторым членом оппозиции по отношению к своему *дому*. В выражении *ходить по дворам* заложено противопоставление *своего дома* (и своей семьи, живущей в нем) как средоточия семейных ценностей [Житникова, 2006] *домам чужим*.

которая ходит [по людям]’, т.е. работает в качестве прислуги. Таким образом, в семантике лексических единиц, номинирующих ситуацию сиротства, объективируется сема ‘работа’.

Следует отметить существующую в диалектном лексиконе синонимию: *жить в (чужих людях) = расти (в чужих людях) = ходить (по чужим людям) = ‘работать’*.

Словосочетание *расти/зрости (на чужих людях/ у чужих людей)* имеет значение ‘проживать каким-л. образом время детства, жить’: *Зрос на чужих людях* (СРСГД). На основании общего компонента ‘жить’ лексическая единица *расти (в чужих людях / у чужих людей)* соотносится с лексической единицей *жить в чужих людях*, которая в свою очередь содержит компонент ‘работать’²⁰, что поддерживается контекстным окружением данной лексической единицы: *От матери с тятей маленька осталась, всё у чужих людей росла, всё работала, всего хватило* (Том. Асин.). Таким образом, в культурном компоненте значения словосочетаний, репрезентирующих ситуацию сиротства, *жить/расти в людях/ ходить по людям* содержится сема ‘работа’.

Для сироты процесс проживания детства, роста, взросления непосредственно связан с ранним приобщением к труду: *Я один класс всего кончил. Не надо было учиться: отца, матери не было. Как остался, так ступай работать, кусок хлеба заробливать на себя* (СРСГД).

В коннотативный компонент значения лексической единицы *в людях/ по людям* входит сема ‘чуждость’, объективируемая в контекстном окружении глаголом *издеваться*, наречием *туго (жить)* ‘о тяжелом, затруднительном положении’: *По людям воспитался, собирался [побирался] ходил. Издевались*

---

²⁰ В эту синонимическую парадигму также встраивается и словосочетание *ходить по людям* ‘работать по найму’, также содержащая в структуре своего значения компонент ‘жить’, относящийся к архаичному пласту значения. «Ходить – действие, наделяемое в народной традиции продуцирующей и защитной семантикой, символизирующее движение как форму жизни <...> Сам глагол *ходить* в старославянском и древнерусском языках мог принимать значение ‘жить’» [СД, Т. 5: 443-444].

над ним (СРСГ); Я-то с детства **по чужим людям** болтаюсь. Туго приходилось жить, ворочать имя. Токо квартиру дали. Покормят немного или платье сунут. Счас пообносились, да кто даст? Раз своих нет, небось, никто и не даст (ВС).

Таким образом, в коннотативном компоненте значения лексической единицы *люди* присутствует сема 'чуждость'. «Значение слова *люди* 'лица в противопоставлении их самому субъекту; другие, посторонние лица' отражается в языке многообразно: *в люди бегать* 'обращаться за чем-н. к чужим, посторонним' [СРГК 3: 169], арх., беломор., влг., ряз. *людской* 'чужой' [СРНГ 17: 244], *людные* 'чужие, посторонние' [СПГ 1: 498]» [цит. по Березович, 2007: 83]. Так возникает противопоставление «своих» – «людям»: *Вяжу людям, кто просит, себе всяки кофты да своим* (ВС), закрепленное также в диалектных поговорках: *Худо, да дома, хорошо, да в людях* (ПСЯЛ). Усиление противопоставления сироты обществу реализуется в словосочетании *чужие люди*, являющемся своеобразной тавтологией.

Контекстное окружение единицы **сирота** позволяет предположить наличие в ее культурном компоненте семы 'бедность'. Крайняя степень нужды репрезентирована сочетанием *из бедных бедный* 'экспр. Очень бедный': *От с дедом поженились – у нас ничего не было. Из бедных бедный был. Ну чё, сирота, так и жил по людям* (ВС); сравнением *как батрачок* 'о ком-л. живущем в бедности': *От отца остался шести лет, от матери одиннадцати. Жил не как хозяин, а как батрачок* (СОС).

Бедность, необходимость работать не позволяют **сироте** прожить «нормальное» детство, жизненный сценарий сироты отличен от жизни других детей. У сироты отсутствует возможность учиться: *Он [отец] неграмотный. И мама неграмотна была. Сироты были, кого!* (ПСЯЛ); *Да как ученица, я говорю, по людям росла* (ВС); *Близко была школа, да не ходила: я в сиротстве жила, роскошки не было* (СРСГД); *Учиться я не училась, нелегко нам было, босы, голы. Опять тут война, только три месяца*

в первом классе и пробыла. *Матери не было, отца не было, это у кого родители были, те учились. Вот всю жизнь и прожила с тремя месяцами. Да, щас хорошо, а тогда трудно было...* (Том. Том.); приобретать навыки не первостепенной важности: *К рукодельности мне некогда было, по людям ходила* (ПССГ); *Не научилась вязать-то я, некогда было, сирота была* (ВС);

В отношении **сироты** релевантной является категории судьбы, доли. В фольклоре судьба воспринимается персонифицировано (ср. *быть игрушкой в руках судьбы*): *Мать, отец и дочь Жили весело, Но изменница злая судьба Надсмеялася над сироткой (из песни)* (ВС). Сиротство предстает как некий жребий, выпавший по прихоти судьбы, что актуализируется глаголом **достаться** ‘выпасть, прийтись на долю’: *Мне жизнь така досталась. С детства сиротство досталось. Не жизнь, а горе* (ВС).

Перечисленные семы (‘чуждость’, ‘одинокчество’, ‘бедность’, ‘работа’), входящие в состав культурного компонента значения слова **сирота** и сочетаний, репрезентирующих ситуацию сиротства (*жить, расти, остаться в сиротстве; остаться от отца/матери; ходить по людям/ по дворам* и т.д.), формируют сему ‘горе’. Сема ‘горе’ объективируется в контекстном окружении лексемы **сирота** посредством сочетаний *хватить горчанку, хватить муравку* ‘испытать большие трудности, горе’, *В сиротстве рос [о сыне], горчанку мы с ним хватили обои* (СРСГД); *Колька один тут жил больше. Горе! Хватили муравки [дети-сироты]* (ПСЯЛ); лексемы **горемыка** ‘человек, испытывающий горе, бедствия, неудачник’, прилагательного **горемычный**: *Ну как не называют, называют, ну какой-нибудь сиротинка, так что вот говорят горемычный. Горький горемыка называют один который живёт, судьбы нету* (ВС).

Горе сироты вызывает по отношению к нему жалость, реализуемую в семантике диминутивов: **сиротка**: *Она это... из Пашиковой. Она привезёна, как... кака-то сиротка. Девочка маленька, привозили её* (ПСЯЛ); *Вам к Тане Пановой сходить, она сизмальства в сиротстве жила: маленька была, без*

матери сиротка осталась (МДС); сиротцнка: Ну как не называют, называют, ну какой-нибудь сиротцнка (ВС), сиротцнушка: Ой, бедна ты моя сиротцнушка, осталась ты без отца и без матери. Горька ты сиротцнушка (Том. Кож.).

Лингвокультурологический комментарий к лексической единице **сирота** позволил выявить комплекс сем, входящих в культурный компонент значения названной единицы. Семы 'одинокчество', 'работа', 'бедность', 'чуждость', 'горе' формируют представление о ситуации сиротства как семейной «аномалии», нарушающей онтологические основы миропорядка

2.3.5. Семейный статус ребенка: сураз

Реакцией языка на нарушение культурной нормы, согласно которой ребёнок должен быть рождён в полной семье и иметь обоих родителей, становится синонимический ряд, называющий детей, родившихся вне брака:

сураз: Она ихних суразов вынянчиват, а там в избе живым не пахнет (СС); Если дети не с мужем прижиты – суразами называют; Незаконный ребенок – сураз. Сураз от семи глаз (МДС);

ураз: Ураз – без отца живёт ребёнок (Том. Крив.);

суразка: Суразка у ней умерла; Суразка по-русски (СРСГ);

суразок: Суседка, что ходит сюды иньгать шерсь, намеднях что была, дак у ей Васька сейчас в армии, он суразок (СРСГД);

суразёнок/ суразята: У которыф девок родетели сурьёзны, ицбко строги. Отец строгий был у меня, не велел ходить, суразёнка чтоб не принесла (СРСГД); Была девка, так суразёнка принесла. Да ит кого? От отца. Нискорюзник был (СРСГД); Во зле скажут: «Носила суразят» (ВС);

суразюшка: [А если внебрачный ребёнок – девочка?] Всё равно сураз. Суразюшка (ПСЯЛ);

суразье мясо: [Как называют внебрачного ребенка?] «Суразье мясо» [бран.] (BC).

В структуре лексического значения слов, номинирующих внебрачного ребенка, содержится комплекс сем ('незаконность', 'отсутствие отца', 'блуд, разврат', 'позор', 'отсутствие мужа', 'неожиданная находка', 'чуждость'), выстраивающих представления носителей традиционной культуры о структуре семьи, правилах и законах общества, моральном облике человека.

Внебрачный ребенок, *сураз* противопоставлен обществу на основании своей «непохожести», т.к. он рожден *вне* брака (= *вне* закона). Сема 'незаконность' воплощается во внутренней форме наименований *незаконник*, *беззаконница*: *Суразом – отца не было, вот и сураз, безотцовщина, беззаконница* (BC); *Блудник – незаконник* (CC), и в контекстном окружении лексемы *сураз* через определение *незаконный*: *Незаконных детей называли сураз, разведёнными называли* (BC); *Незаконных детей называют суразня, сураз* (СРСГД); *Вон одна подружка сыраза себе нагадала – незаконного ребёнка* (CC). Брак как неотъемлемая часть жизненного цикла человека, одна из важнейших его фаз, в традиционной культуре освящен ритуалом перехода (свадьбой). «Вступление в брак – это не только оформление семейных отношений, переход в новый статус, но и предписанный культурой способ разрешения противоречия между способностью к продолжению рода и получения на это социальной санкции» [Байбурин, 1993: 66]. Таким образом, рождение ребенка вне брака является событием, не освященным ритуальным переходом, т.е. несанкционированным, противостоящим закону, что вербально выражается в лексических единицах *незаконный* (ребенок), *незаконник*, *беззаконница*.

Рождение вне брака, т.е. вне санкции общества, делали сураза бесправным перед ним. Права сураза зачастую не соблюдались, в отличие от прав ребенка, у которого известен и формально существует отец [Русские, 2005: 421] (ср. *По отцу и сыну честь*). В семантику единицы *сураз* входит

компонент 'без отца', что объективируется контекстным окружением единицы сураз (ураз) и внутренней формой его синонима *безотцовщина*: *Ураз – без отца живёт ребёнок* (Том. Крив.); *Суразом – отца не было, вот и сураз, безотцовщина, беззаконница* (ВС).

Само слово *безотцовщина* свидетельствует о значимости отца в жизни ребенка. «Включение новорожденного ребенка в семью предполагает прежде всего принятие его отцом» [СД, Т. 3: 593], именно отец «организует» социальную интеграцию ребенка [там же: 593]. Кроме того, отец является представителем рода, транслятором семейных и родовых ценностей. В противовес «закону» внебрачный ребенок имеет только мать²¹.

Рождение внебрачного ребенка предстает как результат аморального поведения женщины, падения нравов: *В деревне у нас бабёнки больно пошли нравом спорченные. Вот Ларка, племянница ейная, у ей ведь парнишка суразёнок* (Том. Пар.); *Она учёна, в городе жила, искурвилась и принесла ишынёнка* (СС). Зооморфная метафора в номинации незаконнорожденного ребенка указывает на уподобление внебрачных отношений миру животных, в котором не действуют правила человеческого общества. Это же сравнение с животным миром реализуется в оскорбительных наименованиях матери незаконнорожденного ребенка: [- *А если внебрачный ребенок – девочка, как его называют?*]- «Все равно сураз. Суразюшка».[*- А женщину?*]- «*Сучонка*» (ВС).

Внутренняя форма лексических единиц, называющих незаконнорожденного ребенка (*блудник*) и его мать (*блудня*) или ситуацию внебрачного рождения (*сблудить*), реализуют сему 'блуд': *Ведь молода женщина, вот и сблудит, ребёночка принесёт. А ребёночек – суразёнок... И*

---

21 Здесь важно обратить внимание на то, что внебрачный ребенок **не утратил** отца (и это отличает его от сироты, чье рождение происходит в рамках ритуала, т.е. по «закону»), а никогда его не имел (в культурном смысле). Отсюда понимание внебрачного ребенка как принадлежащего только матери: *девичий сын/девья дочи*: *Девичий сын – незаконнорожденный, так и мать, и отец, и крестный есть, а так незаконнорожденный; Девичий сын – ну, то же самое нагульный сын; Тот его из сиротства взял. А кто говорит – был девичий сын; Девичьего сына я выкормил, Терентья; Законных-то два сына, да девья дочи, да вдовых сын да дочи* (ФС).

её зовут **блудня** (СС). Глагол **блудить** ‘распутничать’ указывает на представление о жизни человека как о пути (ср. блудить ‘сбившись с дороги, ходить в ее поисках’). Отступив от нравственных норм, потеряв правильную дорогу, человек начинает **блудить**, становится **блудней**. Результатом нравственных блужданий, потери ориентиров, становится рождение **блудника** ‘незаконнорожденного’: **Блудник** - **незаконник** (СС).

Вину за рождение **сураза** традиционная культура возлагает исключительно на мать. Отец ребенка не осуждается, отчасти потому, что он остается неизвестен, отчасти потому, что в русской культуре идея дома и семейственности связана прежде всего с женщиной, которая является хранительницей домашнего очага, несет ответственность за гармонию семейных отношений [Мужики и бабы, 2005: 204]. Факт рождения ребенка женщиной, не состоящей в законном браке, традиционно осуждается обществом, а она сама и ее ребенок становятся своего рода изгоями, не являющимися полноправными членами социума: *Сноха с суразом пришла. Пикнуть не давали – она как бичик сделалась* (СОС); *Вот у нас одна Шура. Раньше называли их, знаешь, суразами, принесла сураза. Никак не называли большие, суразы. У нас одна Саша, она двоих родила. Дед Игнат, её отец.. Выгнал из дома её. И она там в бане жила. Родит в бане сама, и двух мальчишек родила* (Том. Пар.).

Наименование **суразница** содержит сему ‘позор’, объективируемую в метаязыковых размышления диалектоносителей: **Суразница** – это позорно слово. *Женщина незаконно родила себе ребёнка без мужа* (СС). Данное наименование является постоянным напоминанием матери незаконного ребенка о ее «неблаговидном» поведении: *Сураза родила – «суразница» её дразнят* (СРСГД).

Семантика вольного сексуального поведения, разврата акцентируется значениями глаголов **гулять** ‘вести распутный образ жизни’, **нагулять** ‘забеременеть, родить, не состоя в браке’: *Может, так нагуляла [ребёнка],*

почем знать (ПСЯЛ); Вот если не регистрирована нагуляла и ребёнка назвала на его фамилию – сураз. [А если это девочка?] Всё равно сураз (ПСЯЛ); А Ирочка даже не ит него, она [мать] нагуляла, с этим жила, а с кем попало... (ПСЯЛ) и производных от него наименований незаконнорожденного ребенка:

нагульный / нагулянный: Ребёнка если нагуляли, сураз зовут, а то ещё **нагульный** зовут (СС); Он **нагульный**, безмужный (Кем. Яшк.); Он **нагулянный**, не усыновлённый (ВС); Ну, Колька младше всех. Он у её **нагулянный** (ПСЯЛ). Мать незаконного ребенка воспринимается как ведущая развратный образ жизни, что закрепляется в соответствующей номинации: [Родившую вне брака] **гуляшша, развратна** называют (ВС).

В контекстном окружении единиц, называющих ситуацию внебрачного рождения (**нагулять**) и ее участников (**суразница** и **сураза**) и эксплицируется сема ‘без мужа’: Она водилась с этой **суразюшкой**, месяц водилась. Ну девчонку-то родила, молодѧ-то. Без мужа, дак **нагуляла** (ВС); А детей-то цетверо осталось, да ешо пятого **нагуляла**, без мужа принесла (ПСЯЛ); **Суразница** – незамужняя, а приносит детей, наносила, грят, **суразят** (СС).

Сураз появляется вне правил общества: либо как результат любовной внебрачной связи, сожительства, либо греха молодой девушки, вступившей в половые отношения до брака.

Любовная внебрачная связь и, как следствие, появление на свет незаконного ребенка выражается глаголами **жить** ‘находиться с кем-л. в любовной связи’ и **прижить** ‘находясь с кем-л. в сожительстве, преимущественно внебрачном, родить, произвести на свет (ребенка)’ и их производными, противопоставляющими сожительство браку. Это противопоставление реализуется как в глаголах **прижить** (в отличие от **родить**, используемого для ситуации законного брака), **сойтись** ‘вступить в сожительство’ (в отличие от **выйти замуж, жениться**), так и в номинациях участников ситуации (**полюбовник, друг, какой-то** в противопоставлении

мужу): У ей был муж-то. Не муж, а... Ну, полюбовник вернее... друг. Она ребёнка прижила от него (ПСЯЛ); Если дети не с мужем прижиты – суразами называют (МДС); Сошлась с каким-то и ешо девочку прижила; Ну, сходилась она с каким-то, Еленку прижила (ПСЯЛ)²².

Ситуация рождения ребенка до замужества, в девичестве выражено сочетанием принести/родить в девках (в девках ‘до замужества, не замужем’) (как правило, речь идет о молодой девушке): Золовка моя была, в девках молоденька принесла девочку (ПСЯЛ); Рая её принесла в дѣвкав, эту девочку-то... Она вольна, Рая-то – я не в поношенье, я в хорошем отношении с Раей – потом ешо она с однем жила, ешо с однем жила... (ПСЯЛ); А ей надо удавиться: все говорят, зачажелела [забеременела]. Ну, дык мало ли родят в девках-то? (СРСГ). В семантике единицы в девках присутствует сема ‘отсутствие мужа’, эксплицируемая в высказываниях: Кто в девках, без замужества родит, та и суразница (СС); Суразница – котора суразѣнка принесѣт, в девках она, женщина, да не от мужа принесѣт (СС);

Случайность, незапланированность рождения незаконного ребенка, сема ‘неожиданная находка’ выражена производными от глагола найти – найдѣныш / найдѣнный: А то говорят, найдѣныш, неизвестно от кого родила (СРСГД); Найдѣнный ребѣнок (СРСГД).

Наряду с широко распространенными обозначениями незаконнорожденного ребенка употребляются и наименования, образованные от названий локусов предполагаемого зачатия или рождения внебрачного ребенка:

подкрапивник (подкрапивница, крапивник) ‘незаконнорожденный ребенок, как бы найденный в крапиве’: Подкрапивник –

²² Ср. также функционирующий в говорах Среднего Приобья глагол прибрести / приобрести ‘смягч. к прижить’ и образованное от него причастие, называющее незаконнорожденного ребенка, приобретѣнный: Таня сорок второго году... А Колю она после приобрела. Ну, приобретѣнный же. Найдѣнный ли. Отец скоро погіб, был в партизанах, в партизанском отряде (BC); Семья-то больша. А тебе мало было, ты ешо приобрела Колю-то (ПСЯЛ).

незаконнорожденный, в школу ходит, хороший, здоровый; Принесла подкрапивника (СРСГД); У меня сноха Марфа родила девочку, в Каргаске. Написала. «У меня мама подкрапивницу нашла» (СРСГД); Дед Семен на своих внуков только и знает, что кричит: «Крапивники!» (СОС).

В номинациях незаконнорожденного ребенка отразились «представления о крапиве как о растении «чужого», «дикого», «аномального» мира: *найти в крапиве* ‘родить бастарда’, *крапивница* ‘мать внебрачного ребёнка’ (калуж.), рус. *крапива, крапивник* ‘внебрачный ребенок’, ‘подкидыш’ (связано с подкидыванием незаконнорожденных в крапиву или с местом их появления на свет)» [СД, Т. 2: 646-647]. Номинация ***подкрапивник/ крапивник*** содержит семантику чуждости, основанную на противопоставлении *крапива – дом*: ***Крапивник, или сураз. Раньше был позор, стыд, сейчас нету его... [Почему так зовут?]- В крапиве, на улице нашли его [ребёнка], не дома*** (СОС).

Крапива, сорная трава, растущая стихийно, без человеческого участия, во вред его деятельности, становится знаком «чужого», «неприсвоенного» пространства (в противопоставлении *дому*, т.е. «своему», обжитому, окультуренному пространству). Статус внебрачного ребенка эксплицируется через номинации, мотивированные названиями мест предполагаемого зачатия (*за углом, под крыльцом, под кустом, под печью, в соломе, под стогом, под огородом, на лугу, под тыном, под забором* и т.д.), семантика которых также противопоставлена идее дома, что указывает на внебрачное рождение как реализацию антинормы: с.-рус., ю.-рус. *заугол, зауголыш, заугольник*, ярослав. *подкрылечник, подкустарничек, подпечник, соломенница*, сибир. *подстожник, подогородник*, курск. *луговой*, дон. *подтынник*, простореч. *подзаборник* [примеры из СД, Т. 4: 414]. В номинациях внебрачных детей реализуется идея рождения вне дома, т.е. вне правил, в «чужом» пространстве, а сам дом предстает как средоточие семейных связей, ценностей, являясь по сути «духовным оберегом» [Житникова, 2006: 101].

Номинации внебрачного ребенка «указывают на *иной путь*, которым внебрачные приходят в этот мир; путь, характеризуемый такими качествами, как *непроторенность, неправильность, трудность*. <...> О мотиве раздиранья, ломания, прорыва говорит семантическая мотивировка некоторых лексем: *выделок* (Вологодская губ.), *выпорток* (Вологодская, Калужская губ.), ... **сураз** (из *raz* – удар, порез)» [Баранов, 2000: 81-82].

В создании спектра разнообразных номинаций, реализующих ту или иную семантику, видится своего рода «клеймо», налагаемое на ребенка с целью выделения его из общей массы других детей. «Непохожесть» на остальных противопоставляет **сураза** обществу, тем самым делая его «чужим». Максимальное отчуждение внебрачного ребенка обществом достигается тогда, когда его особое положение подчёркивается не только использованием соответствующего наименования, но и неприкрыто неприязненным к нему отношением. *Сураз* подвергается осмеянию и презрению: *Сураз, или подкрапивник, смеялись над ними* (Том. Колп.). Его рождение воспринимается иронически: *Женечка! Там комок золота родился [о внебрачном ребенке] [ирон. и ирон.-неодобр.]* (ПСЯЛ); *Ой! Без рук прям были! Как без рук они без него [внебрачного ребенка] были! Без Женечки [ирон.-неодобр.]* (ПСЯЛ). Используемые словарные пометы отражают экспрессивные характеристики слова. Так, в данном случае в семантической структуре слов, описывающих внебрачного ребенка, присутствуют негативно-оценочные семы, актуализация которых поддерживается словарной пометой. При крещении внебрачный ребёнок получает «непрестижное» имя [СД, Т.4: 414]: *Попы не давали суразятam хорошее имя* (СРСГ). Зачастую незаконнорожденный намеренно остается обделённым: *А мне так не к душе [рождение внебрачного ребенка], Еленке дак ничё не покупаю, ничё ей и ничё* (ПСЯЛ). Противоположная ситуация воспринимается как неестественная: *Свои-то дети босиком бегают, а*

суразку оболoкaт [одевает] в xром (СРСГ). Хромовая кожа является одним из самых качественных материалов при изготовлении обуви, в то время как отсутствие обуви является знаком крайней бедности (ср. *босяк* 'нищий'). *Сураз* является «чужим» для общества, и его предпочтение «своим» детям, наделение его жизненными благами в обход «своих» детей является нарушением принятых в традиционной культуре представлений о должном.

Однако существует и противоположная тенденция: тяжелое положение *сураза*, его «недоля», беззащитность перед лицом общества в силу отсутствия отца, который интегрировал бы его в семью, род и общество, вызывают к нему жалость и осознание его «невиновности» за грехи родителей: *Володька – сураз. Безотцовщину беречь надо: безвинна душа* (СРСГ); *Незаконных ребят суразятами звали, без отца которы. Кто их дразнили, худым считали. Не давали кве^лить [дразнить]. Жалко ребят* (СРСГД). Негативное отношение к «обидчикам» *сураза*, признание его объективной «безвинности», стремление взять под защиту является еще одной стороной (в соотношении с презрением и осуждением) народной этики, которая проявляет свой амбивалентный характер.

На словообразовательном уровне жалость, снисходительное отношение к *суразу* реализуется в семантике диминутивных суффиксов: *Вот она какого-то суразёночка вырастила* (СРСГД); *Потом она ему принесла [родила] суразёночка. Они опет^ь вырастили* (ПСЯЛ); *Обеи суразятушки* (СРСГД).

Этическая оценка ситуации незаконнорожденности соответственно отражается в языке, как видно, корпус лексических единиц, относящихся к ситуации внебрачного рождения, очень широк: количество номинаций (более 20) для обозначения незаконнорожденного ребенка гораздо больше, чем для обозначения детей, оставшихся без родителей или живущих в неполной семье.

2.4. Внешний облик ребёнка

При создании лингвокультурологического портрета внешность портретируемого также становится одним из объектов описания. Исследования многих лингвистов обращены к изучению отражения внешности человека в языке и его языковом сознании (работы Ю.Д. Апресяна, В.М. Богуславского, Ю.А. Сорокина и др.).

Внешний облик человека является одной из важнейших его ипостасей: «именно тело составляет для человека самое первое и наиболее очевидное проявление отличия его от других, ближайшее основание идентификации себя как «Я» и в целом самое первое доказательство его бытия» [Берестнев, 2001: 62].

«Телесность», физическое развитие человека (в том числе и ребенка) является одним из важнейших составляющих его сущности. Внешность – первое, что становится объектом рефлексии Другого, следовательно, не может не быть запечатлена и отрефлексирована в языке. «Среди метафор и сравнений, безусловно, существенными оказываются те, которые создают портрет человека, в первую очередь – его внешний вид, так как они наиболее непосредственно связаны с чувственной деятельностью человека, невидимым внутренним миром, представленный через мир видимый, внешний» [Сукаленко, 2004: 458].

Определяющим фактором в оценке внешности человека является объективный биологический и субъективные этико-эстетические представления. Объективный фактор определяет то, какими должны быть физические параметры у русского человека, какие будут считаться выше среднего, а какие – ниже. «Практически все лексические единицы, характеризующие человека по росту и объему тела, указывают на отклонение от некоторого обычного, среднего роста и некоторого обычного, среднего объема» [Урысон, 2004: 472].

Для русского языкового сознания релевантной является корреляция семантики возраста и семантики роста, отраженная во внутренней форме лексем *взрослый, недоросток, переросток, недоросль, недорощенный* и т.п. Перечисленные примеры свидетельствуют, что связь сем 'возраст' и 'рост' особенно проявлена в единицах, номинирующих детей и подростков. Связь возраста и роста прослеживается через временные изменения: чем старше ребенок, тем больше его физические параметры (ср. *большой, большенький* в значении 'достигший зрелого возраста (о людях), подросший (о ребенке)': *Дена, у ей мальчик был недоразвитый, так за ней всё ходил тоже. Большой был, а ходил так всё за матерью, как корова с телёнком* (BC); *А ребяташки у него уж большенькие* (СРСГД); а также противопоставление «взрослые – дети» через соотношение «большие – маленькие»: *Малярея трясла больших и маленьких* (BC)).

Так, например, в дефиниции лексемы *подросток* 'мальчик или девочка в переходном от детства к юношеству возрасте' ядерной является сема 'возраст'. Внутренняя форма актуализирует сему 'рост, размер', что находит отражение в мотивационных связях этого слова (*подрастать*) и в его контекстном окружении (*небольшой, маленький, (подрастает) до большого*): *Или мальчишка, он небольшой, лет тринадцать-четырнадцать. Это называется **подросток**, что он подрастает до большого* (МДС); *Ребёнок-то он маленький, а **подросток** подрастат* (BC).

Как уже было сказано, номинации детей содержат в себе семантику малости, являющуюся основанием метафорического переноса в означивании детей: *Крошка, айда на улицу* (СОС). Сочетание сем 'невзрослость' и 'маленький размер' лежит в основании метафорического переноса: *цыплёнок* 'маленький ребёнок': *Ну а ты кто? Не пацан? Пацан, цыплёнок ещё* (СОС); *клушка с цыплятами* 'о женщине, имеющей много детей': *Много детей, так зовут «клушка с цыплятами»* (СОС). Составляющей семантики

‘маленький размер’ является сема ‘маленький рост’: **сморч^ок** ‘о человеке маленького роста и ребенке’: *Маленький, сухонький, как сморчок. Грибы еще таки есть. Большинство так маленьких детей обзывают (СОС), недор^осток* ‘о человеке низкого роста или ребенке’: *Ребёнок маленького роста бывает – ну не вырос и всё, вот и недоросток. А другой вытянулся, как телеграфный столб, а ума-то и нет, так и он недоросток (СОС).* Маленький, низкий рост ребенка как одна из основных черт его портрета лежит в основании сравнения с ним: *Годами-то большой, а ростом маленький, говорят: «Как гаврик, идет» (СРСГ).*

Отступление от нормы «ребенок – низкий рост» выражен в семантике экспрессивов: **кобыла** ‘перен. О рослой, очень высокой девочке-подростке’: *Здор^ова така кобыла под самый потолок, высока шибко (ПСЯЛ), дубот^ол* ‘неодобр. Высокий человек’: *Дубот^ол такой немаленький, пятнадцать лет (СС).* Характерно, что данные наименования употребляются по отношению к подросткам, у которых физическое развитие опережает интеллектуальное, что закрепляется в языке. Для обозначения подростка, молодого человека употребляется лексическая единица **дет^ина** ‘молодой рослый парень’: *Еш^о такой столб стоит, сын её, что хоть стой, хоть падай. И не подумаешь сроду, что этот дет^ина – её сын. Нич^о не хочет делать, хоть ты его убей (СС).* Внутренняя форма данной лексической единицы указывает, с одной стороны, на «детский» возраст (корень –*дет-*), с другой – на несоответствие ему по физическим параметрам (сема ‘рослый’, выраженная формантом с семантикой увеличительности –*ин-*). Как отмечает Т.В. Бахвалова, высокий рост, как правило, ассоциируется с взрослым человеком, а значит, и умелым, толковым, работающим. Если же деловые качества и умственные способности человека находятся в явном несоответствии с его внешними данными, это становится предметом укора, неодобрения, пренебрежительного отношения [Бахвалова, 1996: 41].

Народное представление о внешности человека неразрывно связано с понятием здоровья, наличия физических сил, аппетита, поэтому в диалектном лексиконе развёрнутой является группа слов, называющих упитанного ребенка: **толстяк**: *Толстяком называют ребятишек. Скажут: «О, толстяк!»* (МДС); **пузырь** ‘о полном ребенке с большим животом’: *Пузырь – ребёнок бывает рахитный, пузо большое. Или попьёт молочка, как пузырёк, сделается* (СОС). Стоит отметить, что сема ‘полный, толстый’ часто сочетается с семой ‘здоровый’, следствием чего является положительная оценка: **бутуз** ‘ласк. Здоровый, толстый ребенок’: *Бутуз Вова* (ВС); **сбитень/сбитенек** ‘здоровый, упитанный ребенок’: *Та [девочка], ну, как сбитень. А вон у Борисова Володька пока молоку нет, сладость прёт; Про детей тоже говорят: «У, как сбит, крепкий, как битюг сбитый. Сбитень, значит»* (СОС); *Не у каждого же дети так!* *У Горбуновых, как сбитеньки* (СОС); **кругляш** ‘здоровый, полный, с округлыми формами’: *Вася зимой у меня кругляш был* (СОС). Зачастую в основе номинации ребенка лежит кулинарная метафора, например, **пампушечка** ‘о толстом, пухлом, как пышка, ребенке’: *А пампушечка – это про детей говорят: «От кака пампушечка!»* (СОС); **пышка** (в сравн.): *А та, как пышка, девочка. Та всё ест* (ВС).

Народные представления о внешности ребенка основаны на корреляции возраста и роста. Стереотипно ребенок – низкого роста, отступление от этого правила рождает экспрессивные наименования, подчеркивающие несоответствие между внешним видом и уровнем развития. В отношении ребенка положительно маркируется полнота, упитанность, являющаяся признаком здоровья.

2.5. Языковая и культурная семантика артефактов в сфере «детского»

Материальные составляющие «детского» мира немногочисленны и представлены детской одеждой, предметами обихода, игрушками. Артефакты, принадлежащие сфере «детского», способны становиться знаками культуры, приобретая надпредметные значения. Так, например, в диалектном лексиконе имеются слова, называющие предметы «детского» быта:

пелена ‘устар. Свивальник’: *Пеленать – ну пеленали. Пелена така была, пояс сшивается из тряпок, а потом ребёнка заворачивают в какую-нибудь пелёночку, тонкую, а потом уж этой пеленой повязывают в ногах, чтобы ноги кривые не были* (СС);

пеленальник ‘устар. То же, что пелена’: *Раньше сошьёшь длинный пояс, в пелёнку заложишь и пеленальником затягивают. Пеленальник — пояс* (СС);

пеленашник/пеленцишник ‘устар. То же, что пелена’: *Чё ли одним пеленашником их перевязывала? (СРСГД); Раньше ребёнка сверху ещё пеленцишником стягивали, чтоб не разбрыкивался; Пеленцишник – пальца в два. Шили его в два ряда. Пелёнку клали, а им закрёшывали, хрес на хрес – и пеленают* (СС); *Я прихожу, а моя мама пеленцишник шьёт. А раньше пеленцишники шила: от так от это, от такой ширины матерьял и от так прошьют его так, так вилюшками, так стежит, ваты маленько подложит туды, и в два ряда матерьял...* (ВС);

Данный предмет относится к исчезнувшим фактам материальной культуры, поэтому названные лексемы имеют в словаре помету «устаревшее». Обозначение данными словами специфических реалий крестьянского быта позволяет предположить наличие в их семантике культурного компонента значения. Анализ контекстного окружения единиц указывает на компоненты ‘отрезок материи’ (*из тряпок, матерьял*),

‘небольшая ширина’ (*пояс, пальца в два*), ‘поверх пелёнок’, ‘крест на крест’ (*закрёшывали, хрес на хрес*), ‘тугой, крепкий’ (*стягивали, затягивают*), ‘лишение свободы движений конечностями’ (*повязывали в ногах, не разбрыкивался*). Кроме того, по замечанию Т.Б. Банковой, внутренняя форма лексических единиц **пелена**, **пеленишник** «несет семантику плена, насильственного лишения свободы», но с другой они «выступают под понятием оболочки, поскольку являются одеждой и служат защитой от внешних факторов» [Банкова, 2012]. Таким образом, лингвокультурологический комментарий к единицам **пелена**, **пеленишник** позволяет уточнить их семантику: выявить компоненты значения, связанные с этнографическими характеристиками реалии, и культурный компонент семантики, связанный с представлениями об одежде как оболочке, внешней границе материального тела человека.

Помимо названной семантики защиты, лексика, обозначающая детскую одежду, способна:

1) выступать в качестве **маркеров возрастного этапа**, в т.ч. младенческого, и метонимически обозначать ребенка: **пеленишный** ‘маленький, в том возрасте, когда пеленают’: *Пеленишная она у меня ешиш была* (СС); **пелиношный** ‘то же что пеленишный’: *Я от деда пелиношный, зыбошный остался* (СС). Указание на возраст происходит через референцию «одеждой» младенца: **с пелёнок** ‘с раннего детства’: *Одного рошшу, а этого с пелёнок взяли, и здесь он у меня учится* (ВС); **из пелёнок** ‘вышедший из детского возраста’: *Только из пелёнок, а уже к бутылке тянется* (СОС).

Вещь (особенно одежда) может выступать как **знак возрастного перехода**: *Девки в станицах раньше холицёвых ходили, а как в замуж выходит – юбку надеват. Говорили, если в замуж хочешь, в юбку вскочешь. Ребята без штанов ходили, пока не женятся, в длинных холицёвых рубахах. А к невесте в штанах уж идёт, так и надо было* (Том. Пыш.-Троиц.). По мнению авторов «Славянских древностей», «штаны маркируют

возраст человека, символизируя наступление зрелости у мальчиков» и «соотносятся с женскими символами – фартуком или подолом юбки» [СД, Т. 5: 581]. Ношение *станины* 'нижней женской рубахи с рукавами' маркирует статус девочки, девушки как не имеющей готовности к браку (ср. ношение длинной рубахи мальчиками). Переход от рубахи к штанам или юбке служит знаком возрастного и социального перехода;

2) быть **признаком материального положения** владельцев. Наличие-отсутствие вещей, их качество является признаком материального благосостояния человека, актуализируя оппозицию «богатство-бедность». Отсутствие минимального набора вещей указывает на бедность, материальную необеспеченность: *Плохо жили, я примерно лет так до восьми без штанов ходил...* (Том. Шег.). Одежда из холста являлась культурным знаком бедности: *Дети уже не видели хорошей жизни: кроме холщевья ничего* (СРСГД).

3) быть **маркером оппозиции «детское» - «взрослое»**. Противопоставление «детского» и «взрослого» проявляется на словообразовательном уровне в лексемах, номинирующих одежду. Так, наличие диминутивных суффиксов в морфемном составе слова указывает на семантику «детского»: *Штанишишки, чулочишки – это всё детское. Маленькие. У взрослого – штаны да чулки* (СС); *По-христиански сама скрою рубашонки, штанишки ребятёнкам; Без штанишек, в одной рубашонке, грязны [были дети]* (ПССГ); *А дети подросли, шишкарить ходили, били шишку, потом шелушили и продавали: то штанишонки справят, то рубашонки* (ВС).

Таким образом, лексические единицы, называющие предметы одежды, в т.ч. детской, выступают в семиотической функции, позволяя «рассмотреть через вещный код установки, представления, морально-аксиологические ориентиры сибирского крестьянства» [Банкова, 2012].

2.5.1. Семантика детской колыбели: объективации в языке

Одним из артефактов, принадлежащих собственно «детскому» миру, является первый «дом» новорожденного, его колыбель, которая имеет значительную культурную нагруженность. По замечанию Л.В. Хомич, «детская колыбель – один из наиболее устойчивых предметов материальной культуры, поэтому изучение ее в различных аспектах может дать ценный материал не только для характеристики материальной и духовной культуры отдельных народов, но и для решения этногенетических проблем» [Хомич, 1988: 24]. Структурно-семиотическому анализу организации пространства новорожденного, в первую очередь колыбели, посвящены работы Д.А. Баранова [1995, 1998], В.В. Головина [2001].

О культурной значимости этого артефакта свидетельствует большой синонимический ряд, его обозначающий:

болтушка: *Детей качали в зыбках, болтушки и всяки были (СРСГ);*

зыбка/зыбочка: *Я за зыбкой возжусь (СРСГ); Зачнёшь её ругать, она пони^ма^т. Спу^жа^ли её, из зыб^ки вы^рони^ли (СРСГД); Она, вид^но, из зыб^ки упала, горб вышел (ПССГ); Зыб^ку с Лю^дкой качаю, Райке-то в клуб надо (ВС); И вот она убежит, а Аксинья пра^вда сидит, зыб^ку-то кача^т (ПСЯЛ); Вочеп выруба^т, тогда^ы зыб^очку к краю пове^сют (СРСГ); Свёкор дра^ться налетал. А я зыб^окой сю^ды, сю^ды. Всего пережила. За^борани^ва^шься за зыб^ку (СРСГД);*

качка: *Ка^чки сейчас зовут к^роватки (СРСГ);*

койка/кочка: *А та^перь ка^жному ребёнку ко^чка, а та^перь уго^дья детям (СРСГД);*

колыбалка: *А сейчас колыба^лки для детей дела^ют (СС);*

колыбелка/колыбелочка: *Были колыбе^лки дере^вянны с к^рюч^ками загну^ты. Этого дела мы не знам даже (СРСГ); А из материала колыбе^лка. Оби^та, да и всё, полка, вочеп; это раньше качали (СРСГ); Колыбе^лочка*

была, на лесинку подвесили (СС); На полу стоит зыбка, вон колыбелочка, поперёк палочка (СРСГД);

колыбёлочка: Колыбёлочки с железной пружиной (СРСГД);

кулыбелька: Кулыбелька – зыбка называется (СРСГД);

люлька: Люлька така, по-моему, качают котору (ПССГ); Хошь люлька, хошь зыбка – всё одно (СРСГ);

очунь: В очуне брата, помню, качала, помню, на пружинах качали, а сейчас в кроватке качали (СС); В кольце был очунь (СС).

Внутренняя форма некоторых лексических единиц, номинирующих колыбель, содержит семантику качания (качка, качалка, зыбка от *зыбать* ‘качать’), колебания (колыбелка, колыбалка, болтушка).

Материал ТДС дает значительное количество этнографических сведений об этом предмете. Лингвокультурологический комментарий, описывающий компоненты семантики лексических единиц, называющих детскую колыбель, позволит дополнить словарную дефиницию информацией этнографического характера.

Можно утверждать факт существования в Среднем Приобье нескольких видов колыбели. Одним из наиболее распространенных являлась **зыбка**, которая, как правило, изготавливалась из **холста (материала)**: *Зыбка была холишном обшита, подвешивалась на вочепе* (СРСГ); *Зыбка материем обшита* (СРСГ); *Зыбка – она из материала сшитая. Верёвка это и на пружинке к потолку привязанная. Она сама, это седулька-то, куда ложут ребёнка – она из материала. А кругом – это, деревянное, подшитое материалом. И лежит, как в люльке* (Том. Пар.). Также в качестве материала для изготовления зыбки использовался луб (кора лиственных деревьев): *Маленьких ребят качали в зыбках из лубьев. Лубок – это кора от дубьев. Было лукошко любёно* (СС).

Подвешивание зыбки осуществлялось при помощи деревянного или железного **очена (вочена, очеба, очипа)** или **пружины**: *Нет, у нас Юля*

качалась – привешивали. **Вочеп** был такой **железный**, привешивали, **зыбка** была. Вот **така** вот **железна пружина**, и как это ребёнка положишь, качаешь, он качается (ВС); А **пружины** не было, тогда такой **берёзовый** или **еловый очеп** назывался. Жердь такая, приделывали и качали (МДС).

Зыбка прикреплялась к потолку с помощью **кольца**: Допустим, это **кольцо**, а на зарубку **вочеп**а верёвку привешивают, а **топёр**ь пошли пружины с **кольчиками**, таким же **фёртом** и **зыбка** (СРСГ) и веревки, имеющей в диалекте специальное наименование: **лучок**, **лучки** ‘веревки, на которые подвешивается колыбель’: На это **кольцо** приделывается **лучок**, а к нему **зыбку** (СРСГД); Это **лучки** у **зыбки** у нас называют (СРСГД). Также для привешивания зыбки использовалась **воровина** ‘пеньковая веревка’: Она [зыбка] на **воровине** укреплялась. Или на **очеп**ах (Том. Пар.).

Анализ контекстного окружения лексической единицы **зыбка** позволяет описать материал и особенности конструкции этого исчезающего факта материальной культуры, выявив компоненты ‘холст’, ‘луб’, ‘очеп’, ‘пружина’, ‘кольцо’, ‘веревка’. Таким образом, слово **зыбка** может получить следующее расширенное толкование: ‘разновидность детской колыбели, изготавливается из холста или коры лиственных деревьев; подвешивается к потолку с помощью кольца и вдетой в него верёвки; в колебательное движение приводится с помощью очеп

Второй распространенный тип детской колыбели, зафиксированный в материалах ТДС, это **качка/ качалка** ‘детская качающаяся кроватка’. Контекстное окружение данных единиц позволяет установить, что конструкция такого типа имеет опору в виде **ножек**: **Качалка-то на ножках** **стоит** (СРСГ); **Кроватка низенька с ножками** – **качка** (СРСГ);

полозьев: **Пол холодный тоды** был, дак всё больше **зыбки** **ладили** [...]. **Зыбка** качается. **Качалки** – потом уже, **качалка** – это по полу, **на полозьях** (МДС);

палки: Была и качалка. По низ прибивается палка с выгибом, вот она и качается (МДС).

Качка / качалка, в отличие от зыбки, располагается на полу: Качалка – это сейчас есть кровати такие, которые на полу стоят и качают их (МДС); приводится в колебательное движение ногой: Зыбка на верёвках. Качка качается ногой. А теперь не делают (МДС); Сама ногой качку качаю, дочка уйдёт в школу (МДС).

Качка/качалка противопоставляется *зыбке*: 1) на основании расположения в пространстве и характера колебательного движения (из стороны в сторону): Детски кровати всяки были: *кака* подвешена и качается – та люлька, али зыбка, а качаешь из стороны в сторону, так то – качка, качалка (МДС); 2) на основании материала, из которого изготовлена колыбель (качалка ‘из дерева’, зыбка ‘из холста’)²³: Качалка деревянная, а зыбка из холста, рамка, оббитая холстиной, к потолку приделанная. На пружине зыбат висит (МДС).

В ходе анализа контекстного окружения единиц *качка / качалка* выявлены следующие компоненты значения: ‘ножки’, ‘полозья’, ‘палка’, ‘пол’, ‘колебательное движение ногой’, ‘из стороны в сторону’, ‘из дерева’.

Таким образом, словарное толкование лексической единицы *качка/качалка* может быть дополнено этнографическими сведениями, полученными в ходе лингвокультурологического комментария, и будет иметь следующий вид: *качка/качалка* ‘разновидность детской колыбели (наряду с зыбкой), изготавливается из дерева; располагается на полу, имея опору в виде ножек или полозьев; приводится в колебательное движение из стороны в сторону ногой’.

---

²³ Имеется единичный пример, иллюстрирующий противоположную ситуацию: *Детей в качке качали. Четыре эдакие палки сколочены, холстом обошьёшь и кладёшь ребёнка* (МДС). В данном примере колыбель, представляющая собой раму и холст, названа качкой.

Помимо этнографических сведений лингвокультурологический комментарий позволяет эксплицировать семы, входящие в культурный компонент значения единиц, называющих детскую колыбель.

Внутренняя форма номинаций детской колыбели, образованных от глаголов с семантикой качания, указывает на наличие семы 'качание', 'колебание':

зыбка (от *зыбать* 'качать, укачивать'): *Зыбка, она на очебе качалась...И зыбку повесят и качают это, зыбают по этому, по очебу; Все чалдоны у нас звали «зыбка», качается она, зыбает. Зыбает, зыбает, вот и зыбка* (МДС);

качка, качалка/качалочка, качель (от *качать*): *Качель и кроватка качается – качелей зовут* (СС); *Она в качалке качала и закачала ребёнка* (МДС);

колыбалка (от *колыбать*): *А сейчас колыбалки для детей делают* (СС);

болтушка (от *болтать* 'качать из стороны в сторону'): *Если не подвешена, так болтают, болтушкой называют* (СРСГ).

На ведущую роль семы 'качание' в семантике детской колыбели указывает значительный ряд глаголов (и отглагольных имен), обозначающих укачивание, убаюкивание:

зыбать 'качать, укачивать': *Ребёнка если когда в люльку положишь, мать говорит: «Ты зыбай его, зыбай!»* (СРСГ); *Тяжело с детства досталось: снохиного ребёнка зыбала* (СРСГ); *Зыбать – это качать ребёнка. Раньше же зыбки были* (Том. Пар.);

зазыбанье 'укачивание': *Зазыбанье своё давала. Начинает зыбать* (СРСГД);

позыбывать 'покачивать в зыбке': *Позыбывашь* (СРСГД);

зазыбать 'укачать ребенка в зыбке': *Зазыбать – это укачать* (СРСГД);

люлькать 'качать ребенка в люльке, нянчиться с ним': *Ребёнка в зыбке качали, люлькали; Я буду люлькать* (СРСГ);

качать: В зыбках детей качали. Тут брус, на брус палочку наладишь, суда вочеп, а зыбку на палку. Палка гнётся...ну, и качаешь (СРСГД); Кроватка высокая делалась, если он [ребёнок] начнёт перелазить. Качливая койка – покачать, а в зыбке побаюкать (СС).

На функциональную дифференциацию колыбелей указывает противопоставление зыбки и качки (качливой койки) не по типу конструкции, а по действиям, направленным на усыпление ребёнка (покачать и побаюкать). Возможно, с зыбкой связана идея осторожного, более нежного усыпления, т.к. зыбка (люлька) предназначалась детям младенческого возраста: Сначала **качка** была – койка. Вот дедушка заругался: «Чё ребёнка трясёте? Повесьте люльку!» (СРСГ).

С идеей качания непосредственно связана сема ‘рост’, являющаяся в преимущественно имплицитной, однако на ее наличие указывает регулярность экспликации в контекстном окружении: У меня девять человек выросло, все в зыбках (ПССГ); У меня в зыбке выросли [дети] (ПССГ); Детей ростили, в зыбках качали (ВС); Раньше же зыбки были. Мы-то все в зыбках выросли. Зыбка – она из материала сшитая. И лежит, как в люльке. Это чтобы спать. Ну, ребёнок растёт – раньше же кроваток не было. А у всех зыбки были. Вот (Том. Пар.).

Наличие семы ‘рост’ возможно предположить и в лексической единице очеп (вочеп, очепок, очиц, очеб) ‘шест, на который подвешивается колыбель’: Очеб берёзовый, очеба деревянные, гибкие (ВС); На верёвочке качалась зыбка. Очеб деревянный был вдет (ВС); Колыбелька на палке привешиватся. Палка очеп называются. Палка в кольцо всожсена, она сама изгибается (СРСГ); Вочеп вырубят, тогда зыбочку к краю повесят (СРСГ); Очиц – это такая длинная жердь (СС); Люлька на очице висит (СС); Очепок раньше был. Зыбка виселась (СРСГ); Раньше люлька-то на очепках была (СРСГ); Я десять человек ростила. В зыбке им удобнее было. Зыбки из холста делали. А меня дак на пружине зыбка была. А очеп – это шест

такой. Он из дерева, да деревянный. И с колодца вёдра тож очипом доставали. Из ели делали или ешию с листвы [лиственницы] (Том. Пар.).

Очеп имеет важное пространственное значение. «Векторные ориентиры очепа в пространстве связаны с его природными свойствами и технологией установки. Он физически устремлен вверх, как и в колодце-журавле, где также присутствует очеп. **Его вектор направлен только вверх, как и необходимый вектор развития младенца**» [Головин, 2001: 41].

Конструкция очепа (вертикальное направление движения) позволяет предположить наличие семы 'рост', что подтверждается контекстным окружением: *Кольцо ввернёшь и качаешь на берёзовом очепе. Двенадцать было детей, всех **выкачала на очепе*** (СРСГ). В приведенном примере словосочетание **выкачать на очепе** имеет значение 'вырастить, воспитать'. По мнению В.В. Головина, качание в зыбке, пространственная ориентация очепа «вверх», а также высокая частотность упоминания процесса качания в тексте колыбельных связаны с прогностикой роста [Головин, 2001: 42].

Значимой является и конструкция зыбки – деревянная рама, обтянутая (обшитая) холстом: *Зыбки делали. Сделают **рамку**. Холстом обошьют очеп. В потолок вдевали* (ВС); *Зыбочку сошьют – таку холстину и **рамки** деревянные* (СРСГ); *Жили ничё. Где и поругаемся. Детей в зыбках качали. **Четыре палки** обошьём холстом, и всё* (Том. Пар.). По мнению В.В. Головина, зыбка, структурируя пространство ребенка, актуализирует защитные границы. Четырехугольник (рама) – одна из основных форм (наряду с кругом) традиционного структурирования пространства [Головин, 2001: 36]. Это позволяет предположить наличие в культурном компоненте значения лексической единицы **зыбка** семы 'защита'.

Семантика защиты, оберега также реализуется в лексической единице **матка** (**матица**) 'балка, поддерживающая потолочный настил'. **Матка** (**матица**) является внутренней границей дома, центром избы, местом ряда

важнейших ритуальных действий. Функцией *матки* (*матицы*) является деление дома на две половины, на «своё» и «чужое» пространство. Висение колыбели под *маткой* (*матицей*), элементом дома, являющимся средоточием силы и имеющим обереговую функцию [Тараканова, 2012: 138], продиктовано необходимостью введения младенца в область «своего» пространства, организованного по принятым моделям: *Ну и зыбка, качалка. Как на верёвке или ленточке. Из железа ешию делают. Краской красят или чем. А ешию две досточки холстом обшивают и вешают возле матицы маленького* (BC); *Зыбки были сделаны... пружинку сделают. К матке прибьют середь избы, качают* (BC). Таким образом, форма колыбели (четырёхугольник) и ее месторасположение (центр избы, под маткой) указывают на семантику защиты.

«В русской деревне колыбель воспринималась как первый дом младенца на его пути из «инога мира» в мир людей» [Сон и колыбель [Электр.рес.]. URL: <http://www.ethnomuseum.ru/son-i-kolybel>]. На приобщение младенца к «миру людей» был направлен ряд мер по организации «первого дома», например, укладывание в колыбель травы: *Нарви её [травы], в зыбочку положи, в голову, ребёнок как убитый спать будет* (СРСГ).

По замечаниям этнографов, «иногда перед тем как уложить в колыбель младенца, клали в нее кота, чтобы он принял на себя все несчастья, которые могли обрушиться на ребенка» [там же]: *Сначала в первый дом впустить кошку. Славится по-божьи, что кошка младенцу нянька. Кошек не учат. Заругаешься, а она в глаза смотрит. Она будет лежать, до ребёнка не допустит никого* (BC).

Совокупность обнаруженных в ходе лингвокультурологического комментария сем 'качание', 'рост', 'защита' формируют семантику жизни. Нахождение младенца в колыбели должно было «способствовать здоровью и спокойствию младенца, защищать его от бед и нечистой силы» [там же].

Будучи принадлежностью мира артефактов, **зыбка** становится маркёром напредметных величин (возраста, экономического благосостояния), которые объективируются в языковых единицах.

1) На основании метонимического переноса **зыбка** может указывать возраст ребенка: **зыбочный** ‘имеющий такой возраст, когда лежат в люльке’: *Я от отца и деда зыбошный остался* (СРСГ).

Выражение **в зыбке (качаться)** имеет значение ‘в младенческом возрасте’: *А она говорит: «Я твоя невеста». Она закаятая была, мать её прокляла, когда маненька была и в зыбке качалась* (СРСГД). Ср. с общерусскими выражениями *под стол пешком ходить* ‘быть в детском возрасте’, *от горшка два вершка* ‘маленький, невзрослый’, *с пелёнок* ‘с раннего детства’: в номинациях вещей материального мира лежат основания для метонимического переноса при указании на возраст.

2) Конструкция **зыбки** или материал, из которого изготовлены ее детали, указывают на материальный достаток ее владельцев, маркируя оппозицию «богатство-бедность»: *Кто богатый – на пружине зыбка, кто бедный – на очене* (СРСГ).

Таким образом, лингвокультурологический комментарий дополняет словарные толкования единиц, называющих детскую колыбель, как сведениями этнографического плана, так и информацией, связанной с древними мифологическими представлениями русского крестьянства.

2.6.«Детское» в языковой и культурной семантике пищи

Еда, пища и способы ее приготовления являются одной из важнейших сфер в жизни человека, частью национальной культуры, следовательно, наполняются особым культурным содержанием.

Важное значение в сфере «детского» обретает **молоко** – первая и единственная пища ребенка в первые месяцы жизни: *Ну, а когда уж*

женщина станет носить детей, тогда уж на завтра появятся **молоко**, как она родит (BC); Вот у меня у Юли родилась эта девочка, а её **молока** даже ни капельки не было, так они там покупали такое **молоко**, матери ребёнка есть там, грудно же покупали (BC); Ребёнка она кормила. У ей **молока** не было. Людка заревливается. Ну и давала я ей молоко (CC); Грудь то ли непокорна. **Молоко** было у матери, сам не стал сосать (CC). Появление молока у женщины, будучи процессом физиологическим, с позиций культуры маркирует статус матери, наличие молока становится «признаком» матери и знаком самой жизни: материнское молоко является одним из важнейших компонентов жизнеобеспечения младенца. Так, авторы «Славянских древностей» указывают, что «русские омывали водой родильницу и новорождённого – первую «на обилие молока», второго – «на долгую жизнь» [СД, Т.3: 285].

Молоко как первая пища становится знаком малого, но необходимого. Так, в говорах Среднего Приобья имеется фразеологизм **ребятишкам на молочишко** ‘шутл. Немного, самое необходимое’ [BC, Т. 3: 323]: *А после пенсии охота было поработать ешо маленько, ребятискам на молочишко, – хватанула болесь* (BC).

Женская грудь метонимически обозначает способ вскармливания и молоко как пищу младенца. В говорах Среднего Приобья Лексема одно из значений лексемы **грудь** ‘материнское молоко’: *Однако от груди отваживала [ребёнка]* (ПССГ); *без груди* ‘без женского молока’: *Уж он целый день ребёнок без груди: как уедешь с утра, так и до вечера* (ПССГ).

Сочетание **быть на груди** указывает на грудное вскармливание как способ питания: *У меня немного, только десять ребёнков было. Девять щас иставадось. Один все время был на груди. Он к утру у меня на себя не походит. Он прямо бледнёхонек. Он же настыл. Три дня – и парень долой* (CC). Грудь как источник материнского молока становится основанием метонимического переноса для называния младенцев, косвенно указывает на

возраст ребенка: **грудной** ‘питающийся молоком матери’: Няни за грудными... за ползунками; Усё ходили-то даже с маленькими, с грудными детьми были, что от пароход стречали (ВС); **грудник/грудничок, сосунок** ‘грудной ребенок’: Когда грудь сосёт – грудник, грудничок и сосунок, раньше ведь больше сосали (СС).

Получение пищи путем сосания характеризует младенческое состояние всех млекопитающих, что лежит в основе лексической мотивации названий детей и детёнышей животных: **сосунок** ‘детёныш млекопитающего или ребёнок, питающийся материнским молоком’: Сосунок – ну жеребёночек сосунок, телёночек сосунок, ребёночек сосунок. Маленьки-то, когда сосут (ПСЯЛ); **сосунец** ‘детёныш домашнего животного, питающийся молоком матери’: Сосунца закололи (СРСГ); **подсос, подсосок, подсосочек** ‘детёныш домашнего животного, сосущий матку’: Подсос – телёнок, он мать сосёт, и ягнёнок подсос; Жеребёнок – подсос; Подсоски – это поросята или что маленькие; Подсоски – это поросята, ягнята маленькие; Жеребят подсосочек звали (СРСГД); **ососок/ососочек** ‘поросенок, сосущий матку’: Надо заколоть ососочка да покушать (СС); Ососком поросёнка называют, который уже от матери отсосался. Его самого приучают есть (СС); Поросят пожаришь – ососки их звали, сосали которые мать (СРСГД) (ср. также: **ососина, ососинка** ‘мясо молочного поросенка’: Ососинка раньше звали. Сёдня ососку, или там ососинку – свинку заколол; Поросятина или ососинка (СС)).

Кормление младенца материнским молоком обозначается глаголом **сосить (насосить, пососить)**: Мать её намыла и насосила, а она всё орёт (СРСГ); Пососила парнишку, корову подоила, легла; Сноха теперь бежит, пососит его (СРСГД); И сосят [кормят ребенка]. Дай-ка прикурнусь. И вот сосёт, потеряет рожок ребёнок, ходил рожок мыть... (СРСГД); Мать её сосила (СРСГ). Процесс приема молока младенцем обозначен омонимичным глаголом-конверсивом **сосить (пососить)**: Ребёнок хватат сосить, а молока нет (СРСГД); Девчонка пососила и спит (СРСГД); Пососить ребёнка

– ребёночек маленький – сосит груди мать, хоть маленький, всё равно сосочку пососит (ПССГ).

Глаголы, называющие процесс питания материнским молоком, в одинаковой степени относятся и к детям, и к детёнышам животных: сосить ‘выкармливать ребёнка или детёныша животного материнским молоком’: *Чем кормит-то она [ребёнка]? Она, гыт, грудью сосит; Она ростила да всё там, а я-то кого... Грудью сосила, она Юрку сосила, и это... и его, он родился, она его стала сосить. Сосила, кормила. А я-то не ростила [внука]; Вот она и бегат к телку-то. Сосили долго; А ягнят сосите, ага? (ПСЯЛ); Сидит его мамка, сосит двух змеёнышей у двух тцтек [из сказки] (СРСГ).*

С одной стороны, питание материнским молоком является физиологическим процессом и не выделяет человека из мира животных. С другой, материнское молоко имеет высокий статус в культурной парадигме: «материнское молоко как «генетический» продукт наделяется сакральным значением; молочное родство охраняется обычным правом наряду с другими видами ритуального (искусственного) родства (кумовством, побратимством и др.)» [СД, Т. 3: 284], т.к. несёт семантику жизни, жизненной энергии, указывает на младенческий возраст.

С точки зрения культурных представлений, этапом в развитии ребёнка становится способность употреблять твердую пищу. Переход ребенка от материнского молока к твердой пище (прежде всего, к хлебу) имеет важное символическое значение, что отражено в диалектном лексиконе: папа (папенька)² ‘Устаревш. Дет. Хлеб’: [А хлеб звали папой?] Ага. Ребятишки звали «папа». [Только ребятишки?] Угу. Угу. Ребятишки. А так-то не звали. «Папа». «Кусочек» – счас-то говорим, а раньше: «Дай папы! Папы дай!». Ну Катерина тоже от эта, Фёдоровна – она со мной вместе уходила взамуж, у ей Иван родился, тридцатого году, ... [она учила:] «Зови [отца] «папа»! А он: «Папа – чай надо!» – как папы кусочек с чаем (ПСЯЛ);

Раньше **папа** – это хлеб обыкновенный, а отца звали **тятя**; *Уросит, не хочет в баню идти. Не кричи, не уроси, **папы** дам, ешь* (СРСГ); *Маленькие ребятки говорили: «Отломи мне **папу**»* (ПССГ); *А отца звали **тятя**, **тятенька**. А хлеб звали **папенька*** (СС).

Так, лексическая единица *папа (папенька)* ‘хлеб’, содержащая помету «детское», указывает на один из важнейших идей культуры: связь отца и хлеба (пищи как таковой) является принципиальной. Так, мать и материнское молоко соотносятся с природным, биологическим началом, хлеб, являющийся пищей, не существующий в природе как данность, производимый только в процессе труда, связывается с отцом как творцом культурного начала. Авторы «Славянских древностей» отмечают: «Изменение питания ребенка также идет от материнского молока к еде, в изготовлении которой роль отца является решающей, – к хлебу, который в детском языке называется папкой, а в речи взрослых – батюшкой (полес.)» [СД, Т. 3: 593].

Аксиологическое главенство хлеба в денотативном поле пищи отражено и в лексической единице *хлеб-батюшка*. Принципиальным кажется факт уравнивания хлеба с отцом, имеющим социально самый высокий статус в семье, поскольку он является создателем и хозяином «своего» мира» [Устинова, 2011: 66]²⁴.

Статус хлеба как пищи вообще и, в частности, первой «твердой» еды (наряду с кашей) подтверждается и этимологическими данными: «ПАПА I

---

24 Роль родителей в жизнеобеспечении детей является ключевой, отсюда достаточно прозрачные параллели между едой, питанием и фигурами отца и матери. Этим мотивировано традиционное использование терминов ближайшего родства в качестве приложения к словам, обозначающим что-либо важное, ценное, дорогое для носителя народной культуры: *Хлеб-батюшка насущный. Берегли крошечку. «Батюшка» – как отец хлеб-то даст. Хлеб-батюшка – не бросайте на пол; Хлеб-батюшка – это так по-старинному, это вроде батюшка, без него никак нельзя жить. Так и без хлеба* (СОС); *Ой, миленький ты мой хлебушко-батюшко, да какой же ты удался! Хлеб – это саоме главное в жизни* (Том. Том.)

Внутренняя форма глагола *воспитывать* также содержит идею связи родителей и питания. Можно предположить, что современное значение глагола *воспитывать* ‘воздействовать на умственное и физическое развитие детей’ возникло как переносное: ТДС фиксируют лексическую единицу *воспитывать* ‘кормить’: *Если бы не тальник, чем бы их воспитывать?; Чем воспитывать стану, напою?; Чем же ты их воспитывать будешь? Картошкой?* (СРСГ).

«хлеб» (из детской речи), укр., блр. *papa*. Широко распространено: ср. лат. *парра* «каша», *парраге* «есть», нов.-в.-н. *Рарре* «детская кашка», ср.-в.-н., голл., англ. *пар* «каша» [Фасмер, 2004, Т. 3: 200].

Метафорические сравнения с хлебом лежат в основе наименований ребенка, его физических характеристик или положения в семье: *поскрёбыш*¹, *заскрёбыш* 'последний ребенок в семье', *заскрёбок* 'о новорожденном ребенке с физическими параметрами ниже нормы': *Заскрёбок – если маленький ребёнок родится, говорят, это заскрёбок* (BC) (об этом в параграфе 2.3.2). Общеславянская семантическая модель «человек из теста» оказывается хорошо разработанной в ряде языков (ср. из одного теста, из того же теста, из другого теста, старой (крепкой) закваски, тертый калач, новоиспечённый, недопёка, непропёка, пышка, крендель и др.) [Толстая, 2008 б: 303-304]. Данный тезис можно дополнить замечанием о том, что вообще кулинарная метафора является одним из самых распространенных способов означивания тех или иных атрибутивных характеристик человека: особенностей телосложения, социального статуса, характера и поведения. Это относится и к номинациям детей:

пампушечка 'о толстом, пухлом, как пышка, ребенке': *А пампушечка – это про детей говорят: «От кака пампушечка!»* (COC);

сметанник 'изнеженный, избалованный человек': *Сметанник – сын у папы, мамы попал в армию. Среди солдат мамин сметанник. Сынка получше кормят, а он ещё куражится. На сметане мешано* (CC).

Таким образом, пищевая традиция народной культуры, получая вербальное воплощение в языке, становится одним из способов закрепления культурно значимой информации в памяти коллектива. Лексические единицы денотативной сферы «пища» имеют способность воплощать культурные представления о детстве и ребенке.

Выводы

Анализ лексических единиц с семой 'детское' показал особенности восприятия мира детства носителями традиционной культуры.

В семантической структуре общих наименований детей наличествует семантика множественности и «малости», которая транслируется через словообразовательные форманты и образные, метафорические наименования.

При создании портрета ребенка релевантным является возрастной параметр. Семантика возраста в названиях ребенка выражается через внутреннюю форму слова, диминутивные суффиксы. В основе обозначений детей младенческого возраста лежит референция с предметами и свойствами, являющимися атрибутивными для этого возрастного этапа. Для детских/подростковых и животных обозначений функционирует группа лексем с семантикой возраста, объединенная общим семантическим компонентом 'еще не выросший, не достигший полноты жизненных сил'.

Наиболее значимым в отношении ребенка является категория семьи. С ребенком связана идея продолжения рода. В культурном компоненте единиц *ребенок, дети* присутствует семантика межродовой и семейной связи. Эталонной является ситуация, когда в семье присутствуют мать, отец и их общие дети. Ситуация отступления от этого эталона рождает реакцию языка: *пасынок, сирота, сураз, приводный, приёмушка* и т.д.

В лексических единицах, репрезентирующих ситуацию появления ребенка в семье, реализуется семантика жизни, ноши и тяжести, архетипический мотив сеяния и пахоты, связанный с древнейшими представлениями о зарождении жизни.

Термины родства отражают семейную иерархию, свидетельствуют о значимости ранжирования детей по старшинству. Особое значение имели старший и младший ребенок. Возрастная иерархия воплощается в

чувственных, зрительных образах, выражаясь через пространственные метафоры (*лесенка, нижний* ‘младший’).

Неотъемлемой составляющей лингвокультурологического портрета является внешность. Основными семами, реализующими представление о внешности ребенка, являются ‘низкий рост’, ‘небольшой размер’, ‘полнота, упитанность’.

Материальные составляющие «детского» мира также являются частью портрета ребенка, так как представляют собой знаки культуры, приобретая надпредметные значения: выступать маркерами возраста, становиться знаками возрастного перехода, обозначать противопоставление детского и взрослого. Колыбель – одна из наиболее знаковых вещей в мире детства. Лексические единицы денотативной сферы «пища» также имеют способность воплощать культурные представления о детстве и ребенке.

Заключение

Исследование лексических единиц в аспекте изучения проявлений культуры в языковом знаке дает возможность рассмотреть особенности менталитета носителей языка. Этим объясняется интенсивное развитие научных направлений синтезирующего типа: когнитивной лингвистики, этнолингвистики, социолингвистики, этнопсихоллингвистики, лингвокультурологии и др.

Зона исследовательских интересов лингвокультурологической науки охватывает разнообразные формы существования национального языка, включая диалектный язык, отражающий особенности крестьянской традиционной культуры и мировидения.

Настоящее исследование лежит в русле диалектной лингвокультурологии и направлено на выявление культурных представлений о ребенке в системе языковых единиц. В ходе исследования было выявлено следующее:

1. В центре лингвокультурологических исследований находятся языковые объективации духовных и культурных ценностей, формирующие представления о человеке как их создателе, носителе и трансляторе. Закономерным является обращение исследователей к человеку в одной из возрастных ипостасей, т.е. к ребенку, и к феномену детства, имеющему ключевую роль при воспроизводстве культур.

2. Лексические единицы с семантикой «детское» входят в ряд культуроспецифичных единиц, выделяемых различными исследователями, изучающими способы воплощения культуры в языковом коде (ключевое слово, лингвокультурема, обрядовое слово, фольклорное слово, слово-символ и др.).

3. Совокупность культурных коннотаций лексических единиц, репрезентирующих представление о *ребенке*, составляет его лингвокультурологический портрет.

Построение лингвокультурологического портрета ребенка (лингвокультурологическое портретирование) представляет собой ряд процедур: отбор релевантных для создания портрета единиц, их классификация, задающая портретообразующие параметры, лингвокультурологический комментарий к отобранным единицам, позволяющий выявить их культурные коннотации.

4. Портретообразующими параметрами при создании лингвокультурологического портрета ребенка являются его семейный статус (*пасынок, падчерица, приплеть, сирота, сураз, крапивник* и др.), положение в семейной иерархии (*первачок, последыш, нянька, большак, большуха* и др.), его внешность и физические параметры (*бутуз, заскрёбок, дуботол* и др.). К портретообразующим параметрам также следует отнести вещный мир детства (*зыбка, пеленишник* и др.), «детскую» пищу (*молоко, папа*), детские игры (*огоньки, прятки, чижики* и др.), болезни (*золотуха, уроки, молоденска* и др.), возрастные обозначения (*кувя, подросток* и др.) и др.

5. Анализ общих наименований детей безотносительно пола и возраста показал наличие в их значении сем множественности и собирательности, что выражает идею восприятия большого количества детей как нерасчлененного множества. Кроме того, лексемы, являющиеся общими номинациями детей, отражают идеи «малости», стихийности, «дикости», озорства, простоты, связанными в народном представлении с периодом детства.

6. Одним из мотивационных признаков, лежащих в основе наименований детей, является семантика «малости» в двух разновидностях: «невзрослость», «маленький размер, объем», которые в наименованиях детей зачастую являются нерасчленимыми. В обозначениях детей младенческого возраста отражена идея наличия некоторых характеристик, присущих младенцу, среди которых неумение ходить (*ползунок*) и говорить (*кувя, пискун, воркун*), отличный от взрослых способ питания (*грудник, сосунок*),

связь с определенными предметами (*пеленишний, зыбошний*) и т.д. В обозначениях детей старше младенческого возраста релевантным становится признак пола (*девчушка, девчончишка, парнейчик, мальчишонка* и др.).

7. В традиционной культуре ребенок рассматривается как экзистенциально значимая ценность, кумулирующая представления об «идеальном» человеке и принципах «правильного» жизнеустройства. Культурные коннотации единиц, выстраивающие лингвокультурологический портрет ребенка, формируют идеал, эталонную модель действительности.

Языковая репрезентация «детского» очерчивает круг значимых для народной культуры смыслов, отражает ценностные приоритеты диалектоносителей. Так, базовой для народной культуры является категория семьи, являющейся единицей общинного коллектива. Ребенок в ней воспринимается как основание семейных отношений, стимул ее создания и сохранения.

В ходе анализа материала выделен ряд лексических единиц, называющих семейные «аномалии»: рождение ребенка вне брака (*сураз*), отсутствие родителей у ребенка (*сирота*), ситуация, когда ребенок не является родным для одного из супругов (*пасынок, падчерица*). Таким образом, лексические единицы, репрезентирующие положение ребенка в семье, выстраивают ценностные координаты семейных отношений, в соответствии с которыми эталоном является наличие в семье обоих родителей и их совместных детей.

8. Обязательной составляющей лингвокультурологического портрета является внешний облик. Основными семами, реализующими представление о внешности ребенка, являются 'низкий рост', 'небольшой размер', 'полнота, упитанность'.

9. Анализ лексических единиц, составляющих вещный и пищевой код «детского», позволяет проследить наполнение бытового значения бытийным

содержанием. В номинациях предметов материального мира запечатлены смыслы невещественного порядка. Так, с детской колыбелью связаны представления о росте, здоровье и защите младенца. Первая пища младенца – *молоко* – становится знаком связи матери и ребенка, младенчества, *хлеб*, напротив, указывает на связь с отцом и присвоение «взрослой» культуры.

Безусловно, масштабность данной темы не позволяет представить ее исчерпанной в рамках одного исследования. Детального изучения заслуживают такие составляющие лингвокультурологического портрета ребенка, как детские игры и болезни, особенности характера и поведения ребенка и др.

Перспективным представляется сопоставительный аспект исследования, для создания лингвокультурологического портрета ребенка могут быть привлечены данные других территориальных диалектов, а также русского литературного языка.

Плодотворным также видится лингвокультурологическое описание других сущностных для традиционной культуры явлений, объектов согласно предложенной в настоящем исследовании концепции лингвокультурологического портрета.

Список сокращений

ТДС – Томские диалектные словари. Аббревиатура ТДС является условной и используется для обозначения словарей, созданных Томской диалектологической школой в период с 1964 г. по настоящее время.

СД – Славянские древности: Этнолингвистический словарь / Под ред. Н. И. Толстого. Т. 1–5. – М.: Международные отношения, 1995–2009.

МАС – Словарь русского языка: В 4-х т./ РАН, Ин-т лингвистических исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М.: Рус. Яз., Полиграфресурсы, 1999. Т.3. П – Р. – 1999 – 752 с.

СПГ – Словарь пермских говоров. – Пермь, 1999-2002. Вып.1-2.

СРГК – Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. – СПб., 1994-2005. Вып. 1-6.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. – М., Л., 1965- . Вып. 1- .

Источники:

ВС – Вершининский словарь / Под ред. О. И. Блиновой. Т. 1-7. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998 – 2002.

ПСЯЛ – Полный словарь диалектной языковой личности / Под ред. Е.В. Иванцовой. Т.1-4. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006-2012.

СРСГ – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби / Под ред. В.В. Палагиной. Т. 1-3. Томск, 1964-1967.

СРСГД – Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна р. Оби (Дополнение) / Под ред. О.И. Блиновой, В.В. Палагиной. Т. 1-2. Томск, 1975.

СС – Среднеобский словарь (Дополнение) / Под ред. В.В. Палагиной. Ч. 1-2. Томск, 1983-1986.

ПССГ – Полный словарь сибирского говора / Под ред. О.И. Блиновой. Т. 1-4. Томск, 1992-1995.

СОС – Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И. Блиновой. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. – 312 с.

МДС – Мотивационный диалектный словарь / Под ред. О.И. Блиновой Т.1-2. – Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1982-1983.

ФС – Фразеологический словарь русских говоров Сибири / Л.Г. Панин [и др.]; под ред. А.И. Федорова. – Новосибирск: Наука, 1983. – 232 с.

Локальные пометы

Том. – Томская область

Асин. – Асиновский район

В.-Кет. – Верхне-Кетский район

Зыр. – Зырянский район

Карг. – Каргасокский район

Кож. – Кожевниковский район

Колп. – Колпашевский район

Крив. – Кривошеинский район

Мол. – Молчановский район

Пар. – Парабельский район

Пыш.-Троиц. – Пышкино-Троицкий район (в настоящее время входит в Асиновский район)

Том. – Томский район

Шег. – Шегарский район

Кем. – Кемеровская область

Кем. – Кемеровский район

Яйск. – Яйский район

Яшк. – Яшкинский район

Список использованной литературы

1. Агапкина Т.А. Сюжетика восточнославянских заговоров в сопоставительном аспекте : 1. Заговоры от детской бессонницы и криков. 2. Заговоры от кровотечения и раны / Т.А. Агапкина // Славянский и балканский фольклор. Семантика и прагматика текста. – М., 2006. – Вып. 10. – С. 7-124.
2. Алефиренко Н.Ф. Лингвокультурология : ценностно-смысловое пространство языка : учеб. пособие / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта : Наука, 2010. – 288 с.
3. Алефиренко Н.Ф. Современные проблемы науки о языке / Н.Ф. Алефиренко. – М. : Флинта, Наука, 2005. – 416 с.
4. Андриевич И.Л. Коннотация как способ представления культуры в лексике семейных обрядов русских старожилов Иркутской области / И.Л. Андриевич // Вестн. Бурят. гос. ун-та. – 2010. – Вып. 10. – С. 107–110.
5. Апресян Ю.Д. Избранные труды : в 2 т. / Ю.Д. Апресян. – М. : Языки русской культуры, 1995 а. – Т. I : Лексическая семантика. – 472 с.
6. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1995 б. – 767 с.
7. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека/ Н.Д. Арутюнова. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
8. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 338 с.
9. Афанасьева Э.М. Детские «домики»: обрядово-архетипные основы игры / Э.М. Афанасьева, И.Ф. Соловьёва //Фольклор как форма творчества. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. – С.43-81.
10. Ашхарава А.Т. Концепт 'дитя' в русской языковой картине мира: дис. ...канд. филол. наук / А.Т. Ашхарава. – Архангельск, 2002. – 202 с.

11. Байбурин А.К. Родинный обряд у славян и его место в жизненном цикле / А.К. Байбурин // Живая старина. – 1997. – № 2 (14). – С.7-9.
12. Байбурин А.К. Ритуал в традиционной культуре: структурно-семантический анализ восточнославянских обрядов / А.К. Байбурин. – СПб.: Наука, 1993. – 240 с.
13. Байбурин А.К. Некоторые вопросы этнографического изучения поведения // Этнические стереотипы поведения / под ред. А.К. Байбурина. – Л.: Наука, 1985. – С.7-21.
14. Байбурин А.К. Этнографические заметки о языке и слове в русской традиции / А.К. Байбурин // Антропологический форум. – СПб, 2005. – №3. – С. 381-397.
15. Банкова Т.Б. Лексикографическое описание обрядового слова : к постановке проблемы / Т.Б. Банкова, Г.В. Калиткина // Актуальные проблемы русистики : сб. ст. – Томск, 2000. – С. 128–143.
16. Банкова Т.Б. «Словарь сибирского обряда»: к постановке проблемы (на материале семейных обрядов) / Т.Б. Банкова // Проблемы лексикографии, мотивологии, дериватологии : межвуз. сб. статей. – Томск, 1998. – С. 22-34.
17. Банкова Т.Б. Лексика сибирской традиционной одежды в лингвокультурологическом аспекте (на материале Томских диалектных словарей) [Электронный ресурс] // Международный научно-исследовательский журнал. – 2012. – № 6-2. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://research-journal.org/featured/languages/leksika-sibirskoj-tradicionnoj-odezhdy-v-lingvokulturologicheskoy-aspekte-na-materiale-tomskix-dialektnyx-slovarej/> (дата обращения: 17.05.2014).
18. Баранов Д.А. Образ ребенка в представлениях русских о зачатии и рождении (по этнографическим, фольклорным и лингвистическим материалам) : дис. ... канд. ист. наук / Д.А. Баранов. – СПб., 2000. – 155 с.
19. Баранов Д.А. «Стоит город не на земле, не на воде» : к мифологии колыбели / Д.А. Баранов // Живая старина. – 1998. – № 2 (18). – С. 21-23.

20. Баранов Д.А. Символические функции русской колыбели / Д.А. Баранов // Славяно-русские древности. – СПб., 1995. – Вып. 3 : Проблемы истории Северо-Запада Руси. – С. 235-236.
21. Баранов Д.А. «Незнакомые» дети (к характеристике образа новорожденного в русской традиционной культуре) / Д.А. Баранов // Этнографическое обозрение. – 1998. – №4. – С. 110-122.
22. Бахвалова Т.В. Лексика орловских говоров, характеризующая человека по внешнему облику / Т.В. Бахвалова // Лексический атлас русских народных говоров (материалы и исследования) 1994. – СПб., 1996. – С. 99-104.
23. Бедретдинова М.Р. Характер и структура ассоциативных портретов (на материале русского и татарского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Р. Бедретдинова. – М.: 2002. – 31 с.
24. Белик А.А. Культурология: Антропологические теории культур. Учебное пособие. – М: Российский государственный гуманитарный университет, 1998. – Разд. III. Глава 2: Детство как феномен культуры. – С. 107-123.
25. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура: Этнолингвистические исследования/ Е.Л. Березович. – М.: Индрик, 2007. – 600 с.
26. Березович Е.Л. Ономазиологический портрет реалии как жанр лингвокультурологического описания / Е.Л. Березович, М.Э. Рут [Электронный ресурс] // Известия Уральского государственного университета. № 17. Гуманитарные науки. Вып. 3: Филология. Екатеринбург, 2000. – С. 33-38. – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich1.htm> (дата обращения 19.06.2014)
27. Березович Е.Л. Homo ethnicus в зеркале языка: к методике описания / Е.Л. Березович, Д.П. Гулик [Электронный ресурс] // Etnolingwistyka: Problemy języka i kultury. – Lublin, 2002. – № 14. – S. 47–67. – Электрон.

версия печат. публ. – URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezovich7.htm>
(дата обращения 17.05.2014)

28. Березович Е.Л. Культурно-языковой портрет как жанр лингвистического описания [Электронный ресурс] / Е.Л. Березович // Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. – Электрон. дан. – М., 2004. – URL: http://www.ruthenia.ru/folklore/ls04_berezovich1.htm
(дата обращения 23.05.2014).

29. Берестнев Г.И. Самосознание личности в аспекте языка / Г.И. Берестнев // Вопросы языкознания. – 2001. – № 1. – С. 60-84.

30. Бернштам Т.А. Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX – начала XX в. Половозрастной аспект традиционной культуры / Т.А. Бернштам. – Л., 1988. – 277 с.

31. Блинова О.И. Диалектная лексикология: аспекты, проблемы, перспективы / О.И. Блинова // Русский язык и современность : проблемы и перспективы развития русистики : всесоюз. науч. конф. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 221-228.

32. Блинова О.И. Русская диалектология : лексика : учеб. пособие / О.И. Блинова. – Томск : Изд-во Томского университета, 1984. – 133 с.

33. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс] // URL: [http:// dic.academic.ru](http://dic.academic.ru) (дата обращения: 20.11.2013)

34. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н. Телия. – 4-е изд. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. – 784 с.

35. Брысина Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии / Е.В. Брысина // Вестник Волгоградского гос. ун-та. – Серия 2, Языкознание. – 2012. – №2 (16). – С. 51-56.

36. Булыгина Т.В. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелев. – М.: Языки русской культуры, 1997. – 574 с.

37. Бунчук Т.Н. Языковое выражение представлений о рождении ребенка в усть-цилемской народной культуре / Т.Н. Бунчук // Дети и детство в народной культуре Усть-Цильмы: исследования и материалы / сост. Т.И. Дронова, Т.С. Канева; науч. ред. Т.Н. Бунчук. – Сыктывкар: Изд-во ГОУ ВПО «Сыктывкарский госуниверситет», 2008. – С. 27-36.

38. Ваганова К.Р. Беглые ссыльнокаторжные: лингвокультурологический портрет: на материале омских статейных списков XIX в.) / К.Р. Ваганова // Вестник Брянского государственного университета: История. Литературоведение. Право. Языкознание. – Брянск, 2011. – №2. – С. 304-312.

39. Валенцова М.М. Родины. Материалы к словарю полесской этнокультурной лексики (Опыт компьютерной обработки восточнославянской диалектной лексики) / М.М. Валенцова // Восточнославянский этнолингвистический сборник. Исследования и материалы. – М.: Индрик, 2001. – С. 305-314.

40. Валенцова М.М. *Первый* в славянской традиционной культуре / М.М. Валенцова // Признаковое пространство культуры / Отв. ред. С.М. Толстая. – М.: Индрик, 2002. – С. 192-208.

41. Вендина Т.И. Средневековый человек в зеркале старославянского языка / Т.И. Вендина. – М.: Индрик, 2002. – 336 с.

42. Верещагин Е.М. Лингвострановедческая теория слова / Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. – М.: Русский язык, 1980. – 320 с.

43. Виноградов Г.С. Русский детский фольклор / Г. С. Виноградов. – Иркутск: Изд. Иркут. секции науч. работников, 1930. – Кн. 1. – 234 с.

44. Виноградова Л.Н. Народная фразеология, объясняющая, откуда берутся дети / Л.Н. Виноградова // Фразеология в контексте культуры. – М.: Языки русской культуры, 1999. – С. 235-239.

45. Виноградова Л.Н. Человек / нечеловек в народных представлениях / Л.Н. Виноградова // Человек в контексте культуры. Славянский мир. – М.: Индрик, 1995. – С. 17-26.

46. Власкина Т.Ю. Мифологический текст родин / Т.Ю. Власкина // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 61-79.
47. Волков Г.Н. Этнопедагогика / Г.Н. Волков. – Чебоксары: Чувашское книжное издательство, 1974. – 375 с.
48. Воробьев В.В. Лингвокультурология: теория и методы / В.В. Воробьев. – М.: Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
49. Вялова Г.П. Детство как ценность культуры: автореф. дис. ...канд. филос. наук / Г.П. Вялова. – Ростов-на-Дону, 1995. – 25 с.
50. Герд А.С. Введение в этнолингвистику: Курс лекций и хрестоматия. – 2-е изд., исправ. / А.С. Герд. – СПб.: 2005. – 457 с.
51. Головин В.В. Организация пространства новорожденного / В.В. Головин // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. – М., 2001. – С. 31-60.
52. Гольдин В.Е. Парадигмы диалектологического знания и проблемы языковой личности / В.Е. Гольдин // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики: Всесоюз. науч. конф. – М., 1991. – Ч. 1. – С. 130-140.
53. Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – М.: Гнозис, 2007. – 288 с.
54. Гулик Д.П. Языковой портрет «цыгана» (на материале русского и английского языков) / Д.П. Гулик // Язык. Система. Личность. – Екатеринбург, 2000. – С. 38-48.
55. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры / А.Я. Гуревич. – М.: Искусство, 1972. – 318 с.
56. Даль В.И. Пословицы русского народа / В.И. Даль. – М.: Эксмо, Изд-во ННН, 2005. – 616 с.
57. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия / В.И. Даль. – М.: Эксмо, 2005. – 736 с.

58. Демьянков В.З. Морфологическая интерпретация текста и ее моделирование / В.З. Демьянков. – М.: Изд-во МГУ, 1994. – 206 с.
59. Дронова Т.И. Мир детства в традиционной культуре «устыцилемов» / Т.И. Дронова. – Сыктывкар, 1999. – 38 с.
60. Житникова М.Л. Дом как базовое понятие народного мировидения (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук / М.Л. Житникова. – Томск, 2006. – 191 с.
61. Зверева Ю.В. Наименования детей, образованные с помощью метафорического переноса, в пермских говорах [Электронный ресурс] // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) СПб., Ин-т лингв. исслед., 2013. – Электрон. версия печатн. публ. – URL: http://pspu.ru/upload/pages/8191/Metaforicheskiy_perenos_v_nazvanijah_detej.pdf (дата обращения 7.04.2014).
62. Зверева Ю.В. Наименования детей, характеризующие поведение, в пермских говорах / Ю.В. Зверева // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2011 / Ин-т лингв. исслед. – СПб.: Наука, 2011. – С. 252-259.
63. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: дис. ... д-ра филол. наук / С.В. Иванова. – Уфа, 2003. – 364 с.
64. Кабакова Г.И. О поскрёбышах, мизинцах и прочих маменькиных сынках / Г.И. Кабакова // Живая старина. – 1994. – №4. – С. 35-36.
65. Кабакова Г.И. На пороге жизни: новорожденный и его «двойники» / Г.И. Кабакова // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. Том II / Ред. коллегия: Т.А. Агапкина, А.Ф. Журавлев, С.М. Толстая. – М.: Индрик, 1998. – С.103-113.
66. Кабакова Г.И. Отец и повитуха в родильной обрядности Полесья / Г.И. Кабакова // Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – С. 107-130.

67. Калиткина Г.В. Культуроспецифическая единица 'Война' : к методологии описания / Г.В. Калиткина // Актуальные проблемы русистики: Материалы Международной научной конференции (Томск, 21-23 октября 2003 г.) / Отв. редактор Т.А. Демешкина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 2. – Ч. 1. – С.156-167.
68. Калиткина Г. В. Объективация традиционной темпоральности в диалектном языке / Г. В. Калиткина. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. – 296 с.
69. Калюжная И.А. Концепт «детство» в немецкой и русской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук / И.А. Калюжная. – Волгоград, 2007. – 229 с.
70. Капица О.И. Детский фольклор. Песни, потешки, дразнилки, сказки, игры. Изучение. Собираение. Обзор материала / О.И. Капица. – Л., 1928. – 224 с.
71. Карпова Т.Е. Феномен куклы в русской культуре (историко-культурологические аспекты): дис. ... канд. культурол. наук / Т.Е. Карпова. – СПб, 1999. – 131 с.
72. Кислов А.Г. Оправдание детства как феномен культуры: Философский анализ: автореф. дис. ...д-ра филос. наук / А.Г. Кислов. – Екатеринбург, 2002. – 36 с.
73. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры / М.Л. Ковшова. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 456 с.
74. Коконова А.Б. РОЖДЕНИЕ и СМЕРТЬ в пространстве диалекта: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Б. Коконова. – Москва, 2011. – 26 с.
75. Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси / В.В. Колесов. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1986. – 312 с.
76. Кон И.С. Этнография детства / И.С. Кон // Советская этнография. – 1981. – №5. – С. 3-14.
77. Кон И.С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива) / И.С. Кон. – М.: Наука, 1988. – 269 с.

78. Кон И.С. Ребенок и общество: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / И.С. Кон. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 336 с.
79. Копейкина Е.Ю. Субкультура детства: автореф. дис. ... канд. культурологии / Е.Ю. Копейкина. – Нижний Новгород, 2000. – 31 с.
80. Костромичёва М.В. Тематическая группа «РЕБЕНОК» в орловских говорах / М.В. Костромичёва // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) – 2005. – СПб, 2005. – С. 216-221.
81. Костромичёва М.В. Этнолингвистическая программа-вопросник по теме «Рождение. Младенчество. Детство»: Учебно-методическое пособие по проведению диалектологической практики для студентов филологического факультета / М.В. Костромичёва. – Орёл: ОГУ, 2005. – 22 с.
82. Костюхина М.С. Похороны куклы, или бессмертие клише / М.С. Костюхина // Живая старина. – 2006. – № 1. – С. 22-25.
83. Косычева М.А. Концепт 'CHILD' и средства его реализации в английской лингвокультуре: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.А. Косычева. – Самара, 2013. – 22 с.
84. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации : курс лекций / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
85. Краткий этимологический словарь русского языка : пособие для учителей / Н.М. Шанский [и др.] ; под ред. С.Г. Бархударова. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
86. Кривошапова Ю.А. Русская этномологическая лексика в этнолингвистическом освещении: дис. ... канд. филол. наук / Ю.А. Кривошапова. – Екатеринбург, 2007. – 252 с.
87. Крылова О.Н. Этнографическая лексика в диалектном словаре: проблемы лексикографирования (на материале лексики одежды) / О.Н. Крылова // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2010 / Ин-т лингв. исслед. – СПб: Наука, 2010. – С. 81-87.

88. Кряжева А.Л. Особенности вербализации понятия «*CHILD/РЕБЕНОК» (на материале английского и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук / А.Л. Кряжева. – М., 2009. – 22 с.
89. Кузнецов А.М. Этносемантический компонент лексикографической дефиниции: Врут ли словари? / А.М. Кузнецов // Этническое и языковое самосознание. – М., 1995. – С. 84-87.
90. Лаврентьева Л.С. Социализация девочек в русской деревне / Л.С. Лаврентьева // «Мир детства» в традиционной культуре народов СССР. – Л., 1991. – Ч. I. – С. 27-35.
91. Лакофф Дж. Лингвистические гештальты / Дж. Лакофф // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.10. Лингвистическая семантика. – М.: Прогресс, 1981. – С. 350-368.
92. Лебедева М.Ю. Концептуальное поле «детство» и его репрезентация в русском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук / М.Ю. Лебедева. – М., 2013. – 24 с.
93. Леонтьева Т.В. Интеллект человека в зеркале русского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т.В. Леонтьева. – Екатеринбург, 2003. – 24 с.
94. Листова Т.А. Обряды и обычаи, связанные с рождением детей. Первый год жизни / Т.А. Листова // Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 2005. – С. 500-516.
95. Литвинова Т.А. Наименования маленького ребенка в воронежских говорах / Т.А. Литвинова // Континуальность в языке и речи: материалы междунар. науч. конф. / Кубанский гос. ун-т. – Краснодар: Просвещение-Юг, 2007. – С. 300-301.
96. Мазалова Н.Е. Состав человеческий: Человек в традиционных соматических представлениях русских / Н.Е. Мазалова. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2001. – 192 с.

97. Маслова В.А. Лингвокультурология: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / В.А. Маслова. – М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.
98. Мельников М.Н. Русский детский фольклор Сибири: дис. ... канд. филол. наук / М.Н. Мельников. – Томск, 1967. – 394 с.
99. Морозов И.А. Круг игры. Праздник и игра в жизни севернорусского крестьянина (XIX-XX вв.) / И.А. Морозов, И.С. Слепцова. – М.: Индрик, 2004. – 920 с.
100. Морозов И.А. Феномен куклы в традиционной и современной культуре (кросс-культурное исследование идеологии антропоморфизма): автореф. дис. ... д-ра истор. наук / И.А. Морозов. – М., 2010. – 46 с.
101. Морозов И.А. Роль куклы в онтогенезе / И.А. Морозов // Живая старина. – 2006. – № 1. – С. 15-18.
102. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 1. Младенчество. Детство / Сост. В. П. Аникин. М.: Худ. литература, 1991. – 589 с.
103. Мудрость народная. Жизнь человека в русском фольклоре. Вып. 2. Детство. Отрочество / Сост. В. П. Аникин. М.: Худ. литература, 1994. – 525 с.
104. Мужики и бабы: Мужское и женское в русской традиционной культуре. Иллюстрированная энциклопедия / Д.А. Баранов [и др.]. – СПб: Искусство – СПб, 2005. – 688 с.
105. Никитина С.Е. Языковое сознание и самосознание личности в народной культуре / С.Е. Никитина // Язык и личность. – М.: Наука, 1989. – С. 34-41.
106. Николенко Е.Ю. Культурологическая компонента в учебнике по русскому языку как иностранному / Е.Ю. Николенко // Вестник ЦМО МГУ им. М.В. Ломоносова. – 2010. – Т. 1. – № 6. – С. 44-47.
107. Никонов В.М. Коннотация и терминологические знания о ней: к вопросу об уточнении и стратификации терминологии / В.М. Никонов //

Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2012. – № 1. – С. 17-23.

108. Осипова Е.П. Наименования одежды в рязанских говорах (этнолингвистический и лингвогеографический аспекты): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е.П. Осипова. – М., 1999. – 24 с.

109. Первухина С.В. Семантический портрет Иисуса Христа в переводе Библии *New International Version*: дис. ... канд. филол. наук / С.В. Первухина. – Волгоград, 2003. – 158 с.

110. Покровский Е.А. Физическое воспитание детей у разных народов преимущественно России. Материалы для медико-антропологического исследования / Е.А. Покровский. – М.: Тип. А.А. Карцева, 1884. – 384 с.

111. Порядина Р.Н. О семантической категории «свойственности» в русском языке / Р.Н. Порядина // Картина мира: модели, методы, концепты: Материалы Всероссийской междисциплинарной школы молодых ученых «Картина мира: язык, философия, наука» (1-3 ноября 2001 г.) / Под ред. З.И. Резановой. – Томск: Издание ТГУ, 2002. – С. 74-80.

112. Постовалова В.И. Картина мира в жизнедеятельности человека / В.И. Постовалова // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 4-69.

113. Прохоров Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю.Е. Прохоров. – М.: Педагогика-Пресс, 1996. – 216 с.

114. Резанова З.И. Метафорический фрагмент русской языковой картины мира: ключевые концепты / З.И. Резанова, Н.А. Мишанкина, Д.А. Катунин. – Ч. 1. – Воронеж: РИЦ ЕФ ВГУ, 2003. – 210 с.

115. Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры / Сост. Е.А. Белоусова; Отв. ред. С.Ю. Неклюдов. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 319 с.

116. Русские / Отв. ред. В.А. Александров, И.В. Власова, Н.С. Полищук. – М.: Наука, 2005. – 828 с.

117. Русские дети: Основы народной педагогики. Иллюстрированная энциклопедия / Д.А. Баранов [и др.]. – СПб.: Искусство – СПб, 2006. – 566 с.: ил.

118. Русское культурное пространство : лингвокультурологический словарь: Вып. 1 / И.С. Брилева, Н.П. Вольская, Д.Б. Гудков, И.В. Захаренко, В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.

119. Салимьянова И.В. Образ пожилого человека в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук / И.В. Салимьянова. – Омск, 2011. – 22 с.

120. Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства: Лекции по историографии и культурной истории детства: Уч. пос. для высшей школы. – М.: Академический Проект, 2004. – 496 с.

121. Седакова И.А. Первые шаги ребенка: магия и мифология ходьбы (славяно-балканские параллели) / И.А. Седакова // Концепт движения в языке и культуре. – М, 1996. – С. 284-306.

122. Седакова И.А. «Жилец» - «нежилец». Магия и мифология родин / И.А. Седакова // Живая старина. – 1997. – №2 (14). – С. 9-11.

123. Седойкина Ю.В. Семантика наименований детей в брянских говорах // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы: Материалы межгосударственной научной конференции. – Брянск: РИО БГУ, 2010. – С. 129-133.

124. Седойкина Ю.В. Наименования лиц в брянских говорах: дис. ... канд. филол. наук / Ю.В. Седойкина. – Брянск, 2011. – 202 с.

125. Серебренникова А.Н. Диалектное слово с семантикой «свойственности» - «чуждости» (лингвокультурологический аспект): дис. ... канд. филол. наук / А.Н. Серебренникова. – Томск, 2004. – 213 с.

126. Славянские древности: этнолингвистический словарь: в 5 т. / под ред. Н. И. Толстого. – М.: Междунар. отношения, 1995 – 2004. – Т. 1–5.

127. Смолякова Н.С. Пространственные лексические единицы в лингвокультурологическом аспекте (на материале говоров Среднего

Приобья): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Н.С. Смолякова. – Томск, 2006. – 29 с.

128. Сон и колыбель [Электр. ресурс] // Российский этнографический музей. – Электрон. дан. – СПб., [б.г.]. – URL: <http://www.ethnomuseum.ru/son-i-kolybel> (дата обращения: 23.08.2014)

129. Сороколетов Ф.П. Методы семантического описания в диалектных словарях / Ф.П. Сороколетов // Вопросы семантики. – Калининград, 1986. – С. 13-20.

130. Степанов Ю.С. В трехмерном пространстве языка. Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства, науки / Ю.С. Степанов. – М.: Наука, 1985. – 335 с.

131. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры / Ю.С. Степанов. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Академический проспект, 2001. – 990 с.

132. Сукаленко Н.И. Сопоставление портретов человека в трех культурных ареалах: славянском, ближневосточном и дальневосточном / Н.И. Сукаленко // Логический анализ языка: Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного / Отв.ред.: Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 458-470.

133. Тараканова Д.А. Символический компонент значения диалектного слова (на материале говоров Среднего Приобья): дис. ... канд. филол. наук / Д.А. Тараканова. – Томск, 2012. – 198 с.

134. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

135. Токарев Г.В. Концепт как объект лингвокультурологии / Г.В. Токарев. – Волгоград: Перемена, 2003. – 233 с.

136. Толстая С.М. Нашлось дитя / С.М. Толстая // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: Индрик, 2008 а. – С. 290-296.

137. Толстая С.М. Бренное тело, или Из чего сотворен человек / С.М. Толстая // Пространство слова. Лексическая семантика в общеславянской перспективе. – М.: Индрик, 2008 б. – С. 297-308.
138. Толстой Н.И. Язык и народная культура: Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике / Н.И. Толстой. – М.: Индрик, 1995. – 512 с.
139. Томская диалектологическая школа : историографический очерк / Под ред. О.И. Блиновой. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 2006. – 392 с.
140. Тубалова И.В. Лингвокультурологический портрет сибирской деревни: к вопросу о методологии представления на фольклорном материале / И.В. Тубалова, Ю.А. Эмер // Филология и философия в современном культурном пространстве: проблемы взаимодействия / Под ред. В.А. Суханова. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2006. – С. 394–403.
141. Удалых Е.Ю. Образы детства в русской культуре и философии: автореф. дис. ...канд. филос. наук / Е.Ю. Удалых. – Белгород, 2012. – 25 с.
142. Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и наивная «анатомия» / Е.В. Урысон // Вопросы языкознания. – 1995. – № 3. – С. 3-36.
143. Урысон Е.В. Эстетическая оценка тела человека в русском языке / Е.В. Урысон // Логический анализ языка: Языки эстетики: Концептуальные поля прекрасного и безобразного/ Отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Индрик, 2004. – С. 471-486.
144. Устинова Н.А. Пищевой код традиционной культуры Среднего Приобья: дис. ... канд. филол. наук / Н.А. Устинова. – Томск, 2011. – 207 с.
145. Устьянцева Е.В. Лингвокультурологический портрет слова ХЛЕБ [Электронный ресурс] // Русский язык. – 2008. – № 14 (566). – Электрон. версия печат. публ. – URL: <http://rus.1september.ru/articles/2008/14/03> (дата обращения 11.08.2014).
146. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачёва. – 4-е изд., стер. – М.: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство АСТ», 2004. – Т. 3: Муза – Сят. – 830 с.

147. Федосеева Н.П. Диалектная лексика, характеризующая детей (по данным пермских говоров и коми-пермяцкого языка) / Н.П. Федосеева, И.А. Подюков // Строгановские чтения. – Вып. 2. – Усолье, 2006. – С. 67-75.
148. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичёв. – М.: Сов. энцикл., 1983. – 840 с.
149. Фрост С.Г. Коннотация: лингвокультурологический подход // Вестник Южно-Уральского государственного университета. – 2006 а. – № 6. – Серия «Лингвистика». – Вып.3. – С. 153-155.
150. Фрост С.Г. Лингвокультурологический аспект исследования коннотаций : (на примере коннотаций существительных тематической группы «семья») : дис. ... канд. филол. наук / С.Г. Фрост. – Челябинск, 2006 б. – 249 с.
151. Хайдеггер М. Время картины мира // Новая технократическая волна на Западе. – М.: Прогресс, 1986. – С. 93-118.
152. Хомич Л.В. Колыбель у народов Сибири (к вопросу о типологии) // Материальная и духовная культура народов Сибири. Сборник Музея антропологии и этнографии. Отв. ред. Ч.М. Таксами. – Т. XLII. – Л.: Наука, 1988. – 209 с.
153. Хроленко А.Т. Основы лингвокультурологии: учеб. пособие / А.Т. Хроленко; под ред. В.Д. Бондалетова. – 5-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 184 с.
154. Цивьян Т.В. Мифологическое программирование повседневной жизни / Т.В. Цивьян // Этнические стереотипы поведения / под ред. А.К. Байбурина. – Л.: Наука, 1985. – С. 154-178.
155. Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы / Т.В. Цивьян. – Изд. 4-е. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 280 с.
156. Чередникова М.П. Куклы в играх современных детей / М.П. Чередникова // Живая старина. – 2006. – № 1. – С. 18-22.
157. Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. – 3-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1999.

158. Чёрная Анна. Психологические основы традиционных игр [Электронный ресурс] // Развитие личности. – 1999. – № 4. – Электрон. версия печат. публ. – URL: http://rl-online.ru/articles/rl04_99/483.html (дата обращения: 20.11.2013).

159. Чубрик Е.О. Русский детский фольклор как средство ранней инкультурации: автореф. ... дис. канд. культурологии / Е.О. Чубрик. – Владивосток, 2007. – 28 с.

160. Чумак Л.Н. Реализация культурного компонента значения на синтаксическом уровне / Л.Н. Чумак // Мир русского слова. – 2000. – № 2. – С. 60-69.

161. Эмер Ю.А. Этническая модель мира в среднеобском фольклоре (лингвокультурологический портрет) / Ю.А. Эмер // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека: Материалы Международной научной конференции, посвященной юбилею академика МАН ВШ, доктора филологических наук, профессора О.И. Блиновой / Отв. редактор – доктор филол. наук Т.А. Демешкина. – Томск: Томский государственный университет, 2006 а. – С. 336-342.

162. Эмер Ю.А. Фольклорный коллектив и его мир в среднеобской лирической песне (лингвокультурологический портрет) / Ю.А. Эмер // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. – Вып. 4. – Благовещенск: АмГУ, 2006 б. – С. 22–26.

163. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии: сб. ст. / отв. ред. И.С. Кон. – АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1983а. – 232 с.

164. Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Передней и Южной Азии: сб. ст. / отв. ред. И.С. Кон. – АН СССР, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.: Наука, 1983б. – 190 с.

165. Этнолингвистический словарь свадебной терминологии Северного Прикамья. – Пермь, 2004. – 359 с.